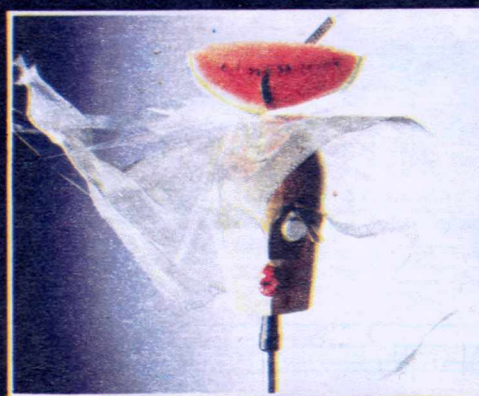

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 36 СЕНТЯБРЬ 1989

**РЕКЛАМА
БЕЗ РЕКЛАМАЦИЙ**

РЕЛИГИЯ БРАТСТВА

**И СОСТРАДАНИЕ,
И ПОМОЩЬ**

СТУДЕНТЫ, ВОЛЬНО!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 36 (3241)
2—9 СЕНТЯБРЯ

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
А. Ю. БОЛОТИН,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
А. В. ХРОМОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Для старшего сержанта Дмитрия Голуба армейская служба в гвардейской Кантемировской окончилась досрочно. Теперь он снова студент. Всего из армейских рядов возвращаются на учебу 176 тысяч бывших студентов.

Фото Александра ДЖУСА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 14.08.89. Подписано к печати 29.08.89. А 08907. Формат 70×108%. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 1076. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 250-46-90; Междуна-
родный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Ис-
кусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69;
Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Ли-
тературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный)
(095) 943-00-70

Телетайп (внутрисоюзный) 112349
«Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

АКАДЕМИК В. А. ТИХОНОВ:

ЖИТЬ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

ЕЩЕ ОДИН ТИТУЛ ПРИБАВИЛСЯ У ДОКТОРА НАУК,
АКАДЕМИКА ВАСХНИЛ,
НАРОДНОГО ДЕПУТАТА СССР, ЧЛЕНА КОМИТЕТА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ПО ВОПРОСАМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ В. А. ТИХОНОВА.
СОЮЗ ОБЪЕДИНЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ
ИЗБРАЛ ЕГО СВОИМ ПЕРВЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ.
ОЧЕРЕДНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ТОГО,
ЧТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК НАХОДИТСЯ НА ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ
ПЕРЕСТРОЙКИ НАШЕЙ ЭКОНОМИКИ, НАШЕГО ОБЩЕСТВА.
С ЭТОГО МЫ И НАЧАЛИ РАЗГОВОР.

— Владимир Александрович, сего-
дня вы известны как политик, публи-
цист не меньше, чем ученый-аграрник.
В последнее время вообще не ред-
кость, когда люди, по основному
роду своей деятельности весьма да-
лекие от политики, — врачи, музыкан-
ты, председатели колхозов... — зани-
маются активной пропагандой и
мало ни много крупномасштабных
программ переустройства общества.
Что вы об этом думаете?

— Это явление объективное. Всякий
организм, пока он здоров, не требует
вмешательства извне. Нынче наше об-
щество больно, болезнь охватила все
поры общественного организма. Но про-
фессиональные политики не сумели его
вылечить. Думаю, именно это застави-
ло нас, людей разных профессий, стать
политиками.

Длительное нездоровье нашего обще-
ства вызвано тем, что мы очень долго

Фото
Владимира
ВЕЛЕНГУРИНО

Наш хозяйственный механизм порой напоминает рассеянного чудака, который подобно известному герою отправился в путешествие в отцепленном вагоне или вышел на улицу в разных ботинках. Каких только поразительных и загадочных чудес не преподносит наша удивительная действительность!

В городе Апшеронске благополучного и ухоженного Краснодарского края по утрам выстраиваются длинные очереди за молоком. В одни руки отпускают дефицитного продукта не более трех литров. Люди нервничают, ругаются... В том же Апшеронском районе в поселке Средние Тубы десятки литров молока скармливают свиньям. Из-за плохих дорог заготовители обходят стороной отдаленные поселки. По этой же причине в меню свиных обедов нередко поступают вполне доброкачественные фрукты.

Если мы напрочь утратили чувство хозяина, то о хорошей жизни и мечтать не стоит. Или это типичное разгильдяйство — верный спутник нашей жизни на протяжении долгих лет. И все-таки что же с нами происходит?

следовали иллюзорной, несбыточной модели, в основе которой лежали чуть-чуть осовремененные и припудренные идеи наивно-утопического социализма, каким он представлялся в XIX столетии и даже раньше. Пытались сделать явью социализм, при котором все ходило бы строем, вытягивались во фронт и работали принудительно. Не вышло.

— Но сказка так долго была популярна...

— Поработали штатные пропагандисты. Описывая наше общество, они, с одной стороны, наделяли его несуществующими чертами идеальной модели, а с другой — исключали все, что не соответствовало этому идеалу. Нас убеждали, что выдуманное и есть то общество, в котором мы живем. Наши представления, по сути, были замешены на глобальном систематическом вранье.

Но ныне стало очевидным, что семидесятилетний эксперимент закончился крахом. Почему же именно теперь? Созрели условия для широкого развития общественного сознания. Появилась возможность контакта с внешним миром, люди стали знакомиться с тем, как живут другие, более реалистично оценивать свою жизнь, стали осознавать, что та модель, которой мы следовали, не только не самая наилучшая, как твердили политики прошлых лет, но наоборот. Плюс к этому учтите, что два последних десятилетия идет все более острое ухудшение материальных условий жизни. С одной стороны, не увеличивается масса продуктов, а с другой — обесцениваются деньги в силу неразумной политики правительства. Отсюда накопилось недовольство народа — формой правления, организацией жизни, материальными условиями.

Большая заслуга Горбачева — независимо от того, осознанно он действовал или интуитивно, — в том, что он провозгласил лозунг коренной перестройки всей нашей жизни. Как только был дан хоть и небольшой толчок, общественное движение развернулось с такой широтой, с такими радикальными требованиями, что теперь силы застоя, даже если бы захотели, уже не смогли бы сдержать его и управлять по старому. А второе — сами люди в ходе развития общественного движения почувствовали свои силы, поняли, что по старому они жить не будут.

Я убежден, перемены объективно наметились и неизбежны. Но пока эта неизбежность превратится в реальность, нас ждет очень длительный, очень болезненный период, на протяжении которого подстерегают самые различные неожиданности. В том числе и голод, о чем я уже неоднократно говорил, и социальные катаклизмы, которые могут привести к уклону вправо, к возрождению жестко авторитарного политического диктаторского режима. И хотя такое отступление недолговечно, оно наверняка будет болезненно для многих тысяч людей. Правый уклон, диктатура могут быть и результатом выступлений толпы, бунтов, о чем, как об опасности, предупреждает Юрий Черненко.

Всего этого можно избежать. Но правительство должно быть более решительным, последовательным в реформах. И нужно перестать заигрывать: с одной стороны, хочется демократии, с другой — опасаются чрезмерного ее расширения. И постоянно обращаются и апеллируют к консервативным кругам общества. Непоследовательность — самое скверное явление в революционном процессе. Правительству кажется, что оно умно лавирует, но это лавирование не такое уж умное, а главное, последствия его могут быть ужасные.

— И так, по-старому невозможно. А как же по-новому? И как, в частности, должна пойти перестройка на селе?

— Нужна реорганизация всей системы, начиная с ее фундамента. На место господства авторитаризма в политике, администрирования и монополизма в экономике должна прийти действительно широко демократическая система, основанная на юридической свободе человека, на свободе волеизъявления — на всех уровнях общества.

В аграрном секторе самый острый, ключевой — вопрос о земле. О земельных отношениях. Пора перейти от системы землепользования к системе ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ. Что это значит? Ныне крестьянин на земле практически не хозяйствует, лишен этого права, он не владеет землей, только пользуется ею. Пользоваться и владеть — вещи разные. Наши колхозы и совхозы имеют акт на бессрочное пользование землей. Но земля дана им только на те цели, которые определяет государство, монополично обладающее землей через свой государственный аппарат. Государство не просто является собственником — оно владеет землей, обладает ею. А владение включает три момента: распределение, управление, использование. То есть именно государство распоряжается землей, может передать ее от одного к другому, приказывает, какой должна быть структура земледелия, какими — объемы производства, по какой цене, куда и какой продукт сдавать или продавать.

Причем в акте на землепользование есть такая тонкость: с целью обособить, почему же речь идет только о пользовании, записано, что земля передается якобы бесплатно. И правда, поземельного налога — прямого — с хозяйства не взимается. Но ведь в действительности государство, устанавливая цену на продукцию, знает, что через эту цену получит налог с оборота — реальная стоимость продукции выше той, что получает колхоз.

— А колхоз не может возразить: земля-то дана ему лишь в пользование. Замкнутый круг.

— Да. При этом заработок крестьянина зависит не от того, как используется им земля, а от того, какой уровень оплаты установило ему государство, какую систему оплаты труда ввело. Плохой председатель колхоза ныне может иметь жалование выше, чем толковый. В нищих колхозах-должниках люди получают зачастую больше, чем работающие соседи. Люди привыкли, что им не за работу, не за результаты платят — дают столько, сколько считают нужным. Деньги раздают с расчетом не вызывать общественное недовольство, чтобы по возможности никого не ущемлять и чтобы все могли как-нибудь прожить. Естественно, работник приспособился, сложилась «позиция»: раз я пользуюсь землей только так, как мне укажут, раз государство заставляет меня делать то, что велит, то пусть и платит, обеспечивает, несет ответственность за результаты.

Главная причина бедственного положения сельского хозяйства состоит в монополии государства на собственность и владение землей, и пока мы этого не изменим, можете быть уверены, мы не сдвинем сельское хозяйство с места, его уровень останется нищенским и рутинным.

— Ваш лозунг — «земля — крестьянам»?

— Мы предлагаем обратиться к общепризнанному достоянию и передать ее во ВЛАДЕНИЕ тем, кто ее обрабатывает. И уже тем самым возложить экономическую ответственность за результаты не на государственный аппарат, который материально безответственен, а непосредственно на тех, кто владеет землей и работает на ней. Владелец не собственник, но владение сильно тем, что его экономическим следствием является собственность на произведенную продукцию и доходы — на то, чем ныне монополично обладает государство. Каждый земледелец получает неограниченное право выращивать, что считает нужным, продавать произведенное, кому хочет; может отдать землю в аренду. Его обязанность — регулярно выплачивать собственнику плату за владение землей. Фальшивый лозунг бесплатности нужно отменить. Как и еще одну запись — о бессрочности. Двусмысленное определение — без установления срока землю можно в любой момент отобрать. Мы предлагаем вернуть старый термин «вечное владение». Для человека вечность — это его

жизнь, значит, владение пожизненное, с правом передачи по наследству. А для колхоза вечность — это период его существования как целостной организации. Реорганизуется колхоз, дробится, прекращает свое существование — тогда вступают в силу новые отношения народа с новыми владельцами земли, будь то колхоз, совхоз, кооператив или крестьянское хозяйство.

Я убежден, мы вынуждены будем пойти или на муниципализацию земли, то есть передачу ее местным органам власти, либо на денационализацию, обращение земли во всенародное достояние и предоставление права управлять земельными отношениями выборным органам народовластия — Советам народных депутатов.

— Даже одно предположение, что «колхоз прекратит свое существование», шокирует, более того, пугает многих. Никто не призывает силой демонтировать колхозы-совхозы, речь — о необходимости равноправия разных форм хозяйствования, но голоса в защиту колхозно-совхозной системы раздаются все громче и все надрывнее.

На Съезде, на сессии звучала крайняя озабоченность тем, что, как с тревогой выразился депутат В. Н. Степанов, «предлагается разогнать колхозы и совхозы». В газетах прокатилась волна коллективных «писем из деревни» — требуют защитить колхозы от «зарпоторовавших» ученых и журналистов. Но кто? Сплошь крепкие хозяйственники, передовики производства либо, наоборот, те, что давно уже отвыкли работать. Лично меня особенно огорчили среди прочих выступления знатного хлебороба Нины Васильевны Перверзевой, может, потому, что она моя землячка, ростовчанка, и я, зная ее не только как честную труженицу, но и как открытого, простодушного человека, даже засомневалась: а не «с чужого ли голоса песня»?

— Да нет, вы ее-то поймите: именно благодаря нынешней системе, когда никто вокруг нормально не работает и не хочет, она и выделяется из всех. Колхозная система — ее питательная почва. Герой Социалистического Труда, член ЦК, газеты ее хвалят, денег ей достаточно, комбайн у нее именной, горючим, запчастями... не в пример прочим, обеспечена... Идеально любой может обладать такой же добросовестностью, требовательностью к себе: почему же так мало передовиков? Сама система убеждает «не высовываться» — тем, что гарантирует оплату. Правду сказать, ведь больше одной головы, высунувшейся из этой ровной степи, наша система не вытерпит.

И потом, ладно, выращивает Н. Перверзева свои 40 центнеров хорошей пшеницы в степных районах. Из них убирает 30 — с примесями, сором. Согласно технологии, ссыпает из своего бункера в кузов колхозной машины, и та увозит. Куда — неизвестно. С чьим зерном ее намолот смешивают — она не знает. Но ведь тот же американский фермер не просто и не вообще какое-то зерно намалачивает — он выращивает хорошее товарное зерно, продает его, торгуется, знает, какому потребителю оно идет, и доходы его по крайности в пять раз выше.

С другой стороны, зачем благополучному колхознику какие-то перемены, для чего ему земля? Владеть сорока гектарами — нужна техника, причем в комплекте, а ее нет и когда еще будет. Да и на одной пашне с семьей хорошо не проживешь — нужно животноводство, значит, опять техника, а кроме того, свободная покупка кормов в необходимой для эффективного рациона структуре. Этого тоже еще долго не будет. Так чего ради отказываться от своего положения тому, у кого и теперь все есть — достаток, слава, нормальные условия для работы? Наши «маяки» — это необходимый, элитный элемент системы. Если хотите, своего рода рабочая аристократия, с которой (или благодаря которой) домонополистический капитализм жил почти беззаботно.

Теперь о позиции аграрников на Съезде. Их обращение. Что в нем главное: хотя и произносится слово «требование», но сквозит просительный акцент — помогите нам, дайте вложения, дайте ресурсы... Но ни единого слова о том, что вся хозяйственная система прогнила, ни единого предложения кардинальных перемен. Они все еще убеждены, что и при нынешней системе колхозов и совхозов, с централизованным выделением ресурсов, можно жить

безбедно и накормить страну, если только ресурсы выделять побольше.

У нас исторически сложилась система социального иждивенчества: у человека отбирают все, что он производит, а потом из общего котла каждому дают столько, сколько кто-то считает разумным. Вот если бы правительство в недовольстве писанном законе установило: отныне я ничего никому не даю: вы сами обладатели ресурсов, я в ваши хозяйственные дела не вмешиваюсь, я удовлетворюсь тем, что беру с вас налог, а вы приспособитесь, ищите, у кого что купить, что произвести и кому продать, вы люди с руками и с головой... Но ведь государство пока этого не делает. Потому что знает: власть держится на материальных ресурсах, на системе разнарядки, распределения — централизованной, осуществляемой произвольно.

И наши аграрники привыкли, что система эта существует извечно и не меняется. Видят, что, несмотря на призы-вы, к свободной торговле никто не переходит. Купить трубы, стекло, цемент по-прежнему нелегко — можно только получить у правительства. И они приспособились к этим условиям, к этой игре, считают, пусть уж будет эта система, в которой сильный всегда сумеет для себя что-то урвать. А если сосед не сумел — что ж, станем его ругать, создавать видимость помощи ему, но будем продолжать жить, как жили. Поэтому они категорически против любой ревизии и реконструкции колхозов и совхозов.

Да, долги селу отдавать нужно. Но как? Прежде всего дать крестьянину свободу.

— Перестать отбирать, тогда и отдавать будет ничего не нужно.

— Да. Крестьянину нужны свобода и право собственности на произведенный продукт, дабы он знал: насколько удачно он продает произведенное, настолько получит доход.

— Часто говорят, что радикальные идеи популярны среди интеллигенции, но не находят широкого отклика у крестьян потому якобы, что крестьянин интеллектуально не дорос.

— Глупость! Во-первых, крестьянин, как и прежде, умен и расчетлив. Голую идею он, естественно, не примет. Но последствия реализации ее — для себя лично — видит лучше нас. И второе. Интеллигенция не «прослойка», как нам внушают штатные пропагандисты. Ныне само производство, хозяйственная деятельность становятся все более сложными, требуют серьезных познаний в самых разных областях, то есть само развитие интеллекта есть необходимость. Это реальная социальная сила, которая имеет объективную тенденцию увеличиваться и нарастать. Она возникает и среди рабочих, и среди крестьян, которые стремятся вести производственную, хозяйственную деятельность на уровне современности. И в этом смысле представитель любого вида современного труда может быть человеком высокого интеллектуального класса. Человек, обладающий интеллектуальным потенциалом, способностью критически, аналитически мыслить и видеть в реальной действительности нечто новое, развитие чего может привести к более высокому уровню материальной и духовной жизни, играет ныне особенно важную роль.

Именно потому, что интеллигенция обладает идеей, убеждением, словом, она может оказаться огромной взрывной силой в революционной ситуации. Прогрессивные идеи, тем более настоящие, запальчиво пропагандируемые, несут опасность ускорения перерастания ситуации в революцию. Но интеллигенция может пойти и по другому пути — по пути рассасывания и ослабления напряженности, стать источником тех реформ, которые предотвращают революционный взрыв. Российская интеллигенция отличалась тем, что в большинстве случаев стремилась сгладить напряженность, не допустить революционного бунта, ибо революция (любая) — это кровь, это разрушение. Революция никогда ничего не создала — она разрушала. Значение их именно в том, что на разрушенном люди начинали строить нечто новое. Потому Маркс и говорит, что революция — это локомотив, двигатель истории.

Закономерно, что правители, особенно правители авторитарного толка, боятся интеллигенции, стремятся ее ограничить, связать, не допустить ее развития. И то, что интеллигенция — прослойка — это пошлость, утвердившаяся именно в то время, когда наши правители боялись интеллигенции, когда гос-

подствовала обратная тенденция — уравнивать всех и во всем, и светлые головы тех, кто был выше среднего уровня, под выравнивающей косилкой оказывались где-то в сточной канаве. И ныне интеллигенция снова является носителем революционно-перестроенных идей, потому что она до конца осознает, что сейчас уже никакими поверхностными косметическими заплатками дела в нашей системе не исправить.

— Если я правильно поняла вас, лучшую, передовую часть крестьянства, его творческий, интеллектуальный потенциал составляют те, кто сегодня отбрасывается на аренду, идет в КИТы, кооперативы, отстаивает право на самостоятельность. И фактическая элита не совпадает с официально признанной, которая настроена более консервативно.

— Совершенно точно. И разница огромна. С одной стороны, такие, как Аркадий Вепрев, Михаил Вагин, отлично понимающие суть происходящего. Они не выступают за разрушение существующей системы, потому что справедливо опасаются, что их сомнут и от этого людям, которые с ними работают, на них ориентируются, будет плохо. Они пока занимают выжидательную позицию, хотя, к примеру, тот же Вепрев, я знаю совершенно точно, — ярый сторонник фермерства. Это крупные интеллектуалы, и у нас, у научных работников — сторонников радикальных реформ, — принципиальных расхождений во взглядах с ними нет. Таких, как они, сотни, возможно, тысячи. Но что такое тысячи среди десятков миллионов работающих в сельском хозяйстве — атом во Вселенной.

По данным обследования, проведенного в Сибири академиком ВАСХНИЛ Николаем Краснощековым, примерно только 20 процентов квалифицированных работников (механизаторов, животноводов) с охотой перейдут на новую систему — землевание. Они, поверьте, найдут способ, как сделать хозяйство высокоэффективным, в том числе и путем кооперирования. Еще 20 процентов — категорически против, рассуждают примерно так: вспахать 10 гектаров вполне по моим силам, отдай мне за эти гектары законные 18 рублей, а что там вырастет — не моя печаль.

— Видимо, это и те, кто ведет личное подворье за счет колхозной расстачивки, гоним на даровом бензине по домашним делам, и те доярки, которые против молокопровода исключительно потому, что из него молоко в личный бидончик не отольешь...

— Есть и такие. Еще 40 процентов — этакая инертная масса. Гарантированные 160 рублей, да дом, да огород — жить можно. Они присматриваются: с одной стороны, заработать больше — это от зарплате зари трудиться, а с другой — зачем эти деньги еще нужны: на них ничего не купишь... Остальные 20 процентов не работают ни при какой системе. Они были и раньше — Чукари, Якуши Ротастенские, — но Советская власть социальным иждивенчеством создала для них исключительно благоприятные условия.

Как же сдвинуть эти 80, ну, пусть 60 процентов? Ведь надо понимать, что это за крестьяне. Нравственное разложение людей шло методично. Все было на их глазах: их укрупняли, разукрупняли; заставляли технику покупать, а потом бесплатно отбирали ее в объединение по механизации; их заставляли создавать строительные межколхозные предприятия, которые затем безвозмездно национализировались. Все было — и кооперация, и агропромышленная интеграция, и каждое новое постановление лишь более изощренный обман. А с другой стороны, гарантированный заработок, независимо от того, работает человек или нет. То есть мы имеем дело с нравственно развращенным поколением.

— Социологи свидетельствуют, что вследствие безграмотного управления селом, варварского отношения к людям накопилась, помимо прочего, колоссальная усталость человеческого материала (и термин-то какой — «человеческий материал»!). Люди настолько устали от бесконечных реорганизаций, не приносящих никаких улучшений, что окончательно разувались и хотят одного — чтобы их оставили в покое.

— Потребуется насилие.

— Насилие?!

— Я имею в виду, естественно, не кровь и не тюрьмы. Целенаправленное

насилие — экономическое принуждение, создание таких условий, когда ты будешь жить хорошо, если хорошо работаешь и сам отвечаешь за результаты.

— **«Каждому — по труду»?**

— Но материальный достаток при этом определяется не тем лишь, сколько ты вырастил, к примеру, картошки (а дальше хоть она сгниет — на поле или в хранилище), а так: вырасти меньше, а продай выгоднее. Какую-то часть дохода — фиксированную — отдай государству, остальное твое. Но кроме этого никто ничего тебе не даст, и не подарит, и не распределит, ты сам должен материализовать доходы.

Для осуществления реформ насилие как административное, властное принуждение необходимо. Я противник авторитаризма, но я вижу, что существующая система может быть демонтирована с помощью того же инструмента, которым она была создана. Насилие государственное — в том числе и над инертными председателями колхозов, и над министерствами, и над заводами, — чтобы вынудить их переходить на новое, реальное мышление, на новую хозяйственную систему.

А для начала надо сделать крестьянина собственником продукта и владельцем земли, на которой он его производит. И чтобы каждый знал: земля — это общественное достояние, следовательно, он вправе владеть определенной частью этой земли. Сам. Лично. Как говорят юристы, субъектом владения землей должен быть не колхоз-совхоз, а крестьяне, которые в нем работают. А для этого крестьянину должно быть предоставлено очень простое и нужное право — свободного выхода из колхоза-совхоза с причитающимся ему земельным наделом. Он может остаться в колхозе, но может выйти из него и стать индивидуальным хозяином. Захочет — вступит в договор с соседями и создаст кооператив. Спрашивают: а как же неделимые колхозные фонды, крупные предприятия, например, животноводческий комплекс-гигант, в который вогнали несколько миллионов, как делить его? Не делить — отдать на кооперативных началах тем, кто там трудится. А на те миллионы, что затрачены, выпустить акции, чтобы каждый из колхозников в соответствии с причитающейся долей стал совладельцем производства и дохода.

— **Но ведь неделимые колхозные фонды создавались как инструмент крепостничества и свою роль в насильственном закреплении крестьян в колхозе выполняли исправно. Убери сейчас эту цепь, не случится ли, что люди вытребуют ту самую причитающуюся им долю и сорвутся — в город, на очередную «комсомольскую ударную», на ненасытный какой-нибудь БАМ — лишь бы вон из деревни? Село окончательно обезлюдет, акции за копейки начнут скупать дельцы, капитал будет концентрироваться в руках финансовых воротил, да ведь это, Владимир Александрович, то самое пугало, которым нас пугают с детства...**

— Именно пугают. Те, кто хочет сохранить в своих руках материальную основу власти. Крупные предприятия — коллективные, а следовательно, никому не принадлежащие — это и есть материальная основа власти. И число фигур, обладающих реальной властью, значительно шире, чем круг профессиональных политиков. Тот же директор совхоза обладает властью именно потому, что распоряжается «своим» производством. Раздробите это предприятие, передайте его во владение людям — это разрушит устойчивую систему жизни руководителя, лишит его власти как инструмента получения доходов, кстати, очень неплохих. Он станет ненужным или нужным, но совершенно в ином качестве.

Об оттоке. Большого оттока сельского молодежи, чем сейчас, у нас никогда еще не было. Село стареет катастрофически. Бояться уже просто бессмысленно: отток не усилится — некому уходить. Наоборот, создайте человеку условия для самостоятельного хозяйствования и обеспечения своей жизни — не по государственным нормативам, а по принципу: сколько заработаешь, столько и получишь, — человек останется. Мы еще только наметали, что возможна аренда на кооперативных и индивидуальных началах, а люди уже из программ пошли — ищут возможности приложить свои силы. Города перенаселены, и рассчитывать, что они и впредь будут

принимать неограниченные потоки рабочей силы, наивно. А всякие бесполезные БАМы, которые держали народ в постоянной мобилизационной готовности, — подобные глупости больше не должны повториться, если, конечно, Съезды народных депутатов и Верховный Совет будут функционировать.

Да и в конце концов не хватит ли нам так уж всего бояться? Ну почему это Финляндия — некогда одна из нищих окраин дореволюционной России — ныне среди лидирующих стран по уровню жизни в Европе? Ведь там, в Финляндии, нет никакого Агропрома, ни руководящего и направляющего ЦК, а мы покупаем продукцию у финских фермеров, и наш лучший колхоз не вытягивает против уровня средней финской фермы...

— **Предположим, необходимое условие «земля — крестьянам» соблюдено. Такое в нашей истории уже было, и что потом вышло, мы тоже знаем. Когда деревня смогла стабильно кормить страну, оказалось, что город неплатежеспособен. Открыть накатанный российский крестьянином торговый путь за рубеж, чтобы получить валюту (для села и для города), получить технику (для села и для города) — то есть крестьянской стране встать на ноги силой своего крестьянского большинства — пусть и было возможно, но противоречило идее пролетарской революции. Классовые приоритеты были уже отданы (это достаточно четко отражено в нашей политической терминологии: «пролетарская революция», «пролетарская партия», «диктатура пролетариата»). Да и не вписывался «мелкобуржуазный элемент» с его товарной душой в неэкономические методы управления обществом. А гегемон уже вкусил в период продрозверстки дарового, силой взятого хлеба. Остальное известно: новая продрозверстка — колхозная и новая валюта — палочка-трудовень... Что же нынче? Обдирать деревню как липку стало привычкой. Гегемон по-прежнему голоден и нищ, обеспечить эквивалентный обмен деревне он до сих пор не готов. Но амбиции те же. Так не случится ли, что в ходе реформ село, более отзывчивое и быстрое на перемены, снова будет поднято городом?**

— Рассуждения о крестьянской стране и пролетарской революции резонны, над ними стоит думать. Но я возьму то, что, на мой взгляд, наиболее существенно с точки зрения хозяйственной системы. Когда мы говорим о денационализации земли, то имеем в виду, что эта политика должна быть всеобщей для народного хозяйства. И в городе государство сейчас является собственником абсолютно преобладающей массы предприятий. Но мировой опыт показывает, что национализированная промышленность никогда не бывает устойчиво эффективной — в отличие от той, которая основана на частной, кооперативной и корпоративной собственности. Поэтому мы предлагаем в промышленности реформу, аналогичную земельной. Первый шаг по этому пути — передача предприятий из владения государственного аппарата, министерств, трудовым коллективам этих предприятий на началах аренды. В течение 10—12 лет оборудование арендованной фабрики, к примеру, изнашивается, требует замены. На чьи средства? Если коллектива — он превращается в собственника средств производства. Какие отношения тогда возникают между ним и государством? Обычные, регулируемые налоговой системой, и все. Предприятие определяет, какую продукцию и в каком количестве производить, и критерием структуры и объемов производства является только одно — платежеспособный спрос потребителя. Я убежден: этот спрос, эта потребность в нынешней продукции сразу сократится в два, а то и в три раза. И тогда нынешние предприятия — многие — окажутся банкротами. И у них будет только один выход — перепрофилировать производство, как это делается сейчас в Венгрии, Югославии, и производить только те продукты, которые нужны покупателям, в том числе и крестьянам.

Давайте обернемся к практике. Ростовский комбайновый завод выпускает комбайн «Дон», который стоит 38 тысяч рублей. И уже сейчас при программе выпуска 65 тысяч машин они получили годовую заявку только на шесть тысяч. Что делать с остальными

ми — за границей их никто не купит, наш крестьянин, которому государство теперь эти комбайны не оплачивает, тоже не купит. Что же заводу — разоряться? А там 70 тысяч рабочих. Вынуждены будут искать возможности реконструировать производство и выпускать нужные селу машины.

— **Да откуда же, с другой стороны, набраться сил и средств на новую реконструкцию, когда и нынешнюю-то, мы знаем, «Ростсельмаш» — из кожи вон! — проводил 15 лет. Деревню-то реконструировать проще, даже хутора ликвидировать было проще: за год понастроили на центральной усадьбе коробок, согнали народ — и готово! А 70-тысячный завод...**

— Ну, тогда я у вас спрошу: поломалась стиральная машина, новой взять негде, — ну, что вы будете делать? Ремонтировать.

— **Владимир Александрович, да, я понимаю, что комбайностроители тоже начнут шевелиться. Другое дело, что движение это будет отставать от деревни, которая свой продукт производит за год-два. Сверх плана произведенное зерно уже сегодня скопилось в хозяйствах. Его даже вывезти не на чем: нет транспорта! На что же выменять его у крестьянина, чтобы тот остался доволен и стремился в другой раз вырастить больше: на негодную технику, на некачественный ширпотреб, на «медвежий» бытовые услуги, на перерабатывающий цех, которого нет? То есть снова надо крестьянину готовиться потуже затягивать поясок?**

— Конечно, непросто, а как же вы хотите: 70 лет создавали нелепую систему, забили в нее все гвозди, винтики все шурупы, а теперь не сегодня-завтра хотим чуда! Да мы первое, что получим от этой системы, — обломки, на этих обломках придется создавать новое. Период перехода — это, считайте, четверть века, не меньше. — с момента начала реальной реконструкции системы. А мы еще и не начали, даже не подошли к началу-то... И все ждем, что кто-то откуда-то эти недостающие в бюджете 100 миллиардов вынет и будет платить. Кто, откуда?! Мне знакомый секретарь обкома рассказывал однажды, как местная фабрика Гознак (денежная), предприятие коммунистического труда, систематически перевыполняет план... Вот за счет этого перевыполнения, за счет бумажных денег, мы и живем...

Конечно, в ближайшие три года реальных крупных улучшений не будет. Только не надо с народом юлить, играть, лавировать. Надо сказать правду. И сделать все, чтобы в первый период перестройки, на этапе первоначального накопления капитала новой системы, чем-то поддержать население. И в споре между Леонидом Абалкиным и Николаем Шмелевым, думаю, прав Шмелев, который предлагает, имея в виду, что коренная перестройка неизбежно ухудшит и без того никудышное состояние рынка, сконцентрировать на два-три года все ресурсы и хотя бы немного поддерживать, компенсировать рынок, идя и на импорт потребительских товаров. Абалкин предупреждает: залезть в кабалу — он против. Никто и не «за», но ситуация-то безвыходная. Хотя надо искать и другие источники.

— **Кстати, по вашему мнению, позиция Абалкина — это заблуждение ученого или тактика новоиспеченного политика?**

— Думаю, осторожность. Абалкин — умный человек, очень образованный экономист макроуровня.

— **Но дело не в этом, не в конкретных качествах отдельной личности. В обыденной жизни колхозник, рядовой человек, руководствуется не ученой концепцией, а командой начальника — бригадира, председателя колхоза, секретаря райкома. Высокие идеи до обывателя доходят из далекого далека в очень видоизмененном состоянии и зачастую служат лишь инструментом в руках тех же политических институтов. Сегодня полстраны становятся мичуринцами, завтра — лысенковцами; вчера социологов объявляли носителями буржуазных взглядов, сегодня их обвиняют в том, что они якобы авторы идеи сселения деревень; с трибуны Съезда ученые поставили в вину, что они-де внушили руководству страны вредные идеи аренды и кооперации... Чего тут больше: на-**

шей некомпетентности, классового, так сказать, революционного, недоверия к интеллигенции или это кризис доверия ученым, которые так часто меняют свою позицию?

— Да никакое это не классовое недоверие. Тут более глубокие вещи. Российский народ всегда жил в положении раба (как народ). И психология раба до сих пор имеет место. И продолжает жить, как бы это точнее сказать, вера, возникшая из вечного страха перед правительством. Перед владетелем-правителем. И стоило поэтому кому-нибудь из правителей выдвинуть какой-то лозунг, как он тут же подхватывался и становился едва ли не всеобщим убеждением. Это сейчас очень хорошо проявляется. С другой стороны, и ученые-то, ведь они точно такие же люди, обладают точно такой же психологией и верой, которая зиждется на рабском страхе из поколения в поколение. Поэтому значительная часть ученых давным-давно уже забыла о том, что такое свое собственное личное убеждение, но зато очень хорошо помнит, что решения партии и правительства — это именно то, во что надо верить, что надо пропагандировать, чему надо следовать.

Кроме того, ведь на ученых, как и на всех советских людях, сказан закон не естественного, а политического отбора. Селекция проходила совсем иным путем, политики старались подобрать людей таких, над которыми можно было бы владеть. И я думаю, выбрался уже определенный генотип партийного, политического, а вместе с тем и хозяйственного и научного работника, главная добродетель которого — надежность, умение исполнять команды. Откуда же возьмется уважение к ученым, которые поступают и мыслят лишь так, как им прикажут?

— **А мы были обрадовались, что среди народных депутатов оказалось немало ученых...**

— Нет, вы знаете, тут сработало нечто вроде естественного отбора. Благодаря относительно демократичной системе выборов избиратели, пусть даже руководствуясь лишь своими эмоциями, слушали, читали, видели и в итоге выбирали тех людей, которые, во-первых, протестуют против нынешнего положения вещей, а во-вторых, чья программа соответствовала народным чаяниям.

— **Но теперь-то, когда мы уже выбрали, когда Съезд заявил, что берет на себя всю полноту власти (а значит, всю полноту ответственности), когда сформировано новое правительство, — имеем ли мы право на надежду?**

— Давай учиться жить без иллюзий. Что же касается перемен, я убежден, что они объективно назрели и неизбежны. Но нас ждет очень длительный, очень болезненный период, пока эта неизбежность превратится в реальность.

Беседу вел Ирина КОНОВАЛОВА.

Поводом для настоящего письма явились два сообщения ТВ: о проведении в Сочи зимней Олимпиады 1998 года и о том, что Волгоградская область выполнила годовой план жилищного строительства к 1 августа на 9 процентов. Не сомневаюсь, что, ухлопав многие миллионы и сорвав все строительные планы в стране, мы в срок построим сложнейший зимний олимпийский комплекс, который в дальнейшем будет эксплуатироваться, как стадион в Крылатском.

Неужели нашему правительству и после Съезда осталось непонятным, что страна в экономическом кризисе? Я не экономист и не политик, не могу говорить о путях преодоления кризиса. Однако мне, как и любому разумному человеку, совершенно ясно, что на ближайшие несколько лет мы должны перейти на режим строжайшей экономии. Не до жиру, быть бы живу! Да, народ нужно накормить, одеть, обуть, обеспечить жильем, позаботиться о его здоровье. Все остальное, связанное с материальными затратами, придется пока отложить. Прекратить строительство дворцов культуры, спортивных сооружений (использовать существующие с полной нагрузкой), а также строительство помпезных мемориалов и памятников, проведение дорогих археологических и реставрационных работ, организацию малооправданных для массового спорта спартакиад, олимпиад, бесчисленных съездов, конференций и симпозиумов.

Сам я врач, но давно бы перестал строить новые больницы, поскольку и имеющиеся-то используются плохо: срок пребывания на койке неоправданно велик, и ради плана нас всеми путями заставляют задерживать выписку больных. Думаю, что найдется еще немало мероприятий, в которые можно временно воздержаться вкладывать средства и силы. Однако самое главное, приняв такое решение, нужно суметь категорически отказаться от любых исключений.

Не сомневаюсь, что против данного предложения выскочат не только ханжи, но и вполне искренние люди. Мне и самому больно предлагать такую программу, но я не вижу другого пути остановить наше мотовство, в то время как дыра на наших штанах уже приняла и без того гигантские размеры.

Г. РАТНЕВ,
врач
Куйбышев

Аджимушкайский подземный гарнизон 170 дней и ночей сражался в неимоверно тяжелых условиях: без воды, без пищи. Более двух месяцев длились газовые атаки.

Когда фашисты стали массированно применять газы, начальник гарнизона полковник П. М. Ягунов дал радиogramму: «Все! Все! Все! Все! Народом Советского Союза! Мы — защитники города Керчи — дышаемся от газов, умираем, но в плен не сдаемся!».

Длительное время подвиг аджимушкайцев пребывал в забвении.

Стараниями писателя С. С. Смирнова после крепости-героя Бреста вышел из небытия и Аджимушкай. На месте подвига к маю 1982 г. был воздвигнут мемориальный комплекс памяти героев подземного гарнизона. Ежегодно сотни тысяч экскурсантов посещают его, но в отличие от героев Бреста никто из героев Аджимушкай не удостоен наград.

Оставшиеся в живых немногие аджимушкайцы не один год ходатайствуют о посмертном награждении командира подземного гарнизона полковника П. М. Ягунова, заменившего его после гибели подполковника Г. М. Бурмина и комиссара гарнизона И. П. Парахина. От их имени бывший офицер штаба гарнизона Н. А. Ефремов обращался в Главное политическое управление Советской Армии и ВМФ. Вот выдержка из ответа: «Проверкой по документам Центрального архива МО СССР сведений об их боевой деятельности (имеются в виду Ягунов и Парахин) в период Великой Отечественной войны, в том числе и в период их руководства подземным гарнизоном Аджимушкайских каменоломен, не обнаружено».

Вот так! О гарнизоне и его командирах написаны десятки книг и серьезные статьи, им посвящен мемориал стоимостью в несколько миллионов рублей, а в управлении кадров МО СССР сведений об их боевой деятельности не обнаружено!?

Прав народный художник РСФСР Н. Я. Бут, когда 9 мая в передаче «Победители» заявил, что надо бы провести по каменоломням тех, от кого зависит решение вопроса о наградах: пусть они посмотрят, в каких условиях сражался Аджимушкайский подземный гарнизон.

Давно пришло время исполнить свой долг.

М. ГОГОЛЕВ,
подполковник запаса
Керчь

Как известно, в настоящее время некоторые республики опубликовали проекты законов о языке, согласно которым в качестве единственного государственного языка предлагается язык коренного населения. Оговоримся сразу, для такой постановки вопроса есть свои основания, порой веские.

Однако изменение статуса русского языка ставит перед некоренным населением республик целый ряд неожиданных, а порой и болезненных проблем. Конечно, проекты республиканских законов о языке предусматривают мероприятия по оказанию помощи русскоязычному населению в овладении новым государственным языком. Но нетрудно предвидеть, что часть населения будет искать выход из создавшейся ситуации в переезде на постоянное жительство в другую республику с удобным для себя государственным языком. Такие процессы уже имеют место, и это вполне естественно.

Мы думаем, что не следует рассматривать такую миграцию исключительно как личное дело отдельных граждан: ведь все жили, руководствуясь существовавшим законодательством, многие стали гражда-

ми данной республики в соответствии с общесоюзными планами развития народного хозяйства и т. д.

Возникает вопрос: не следует ли параллельно с разработкой проектов законов о языке разработать и единую союзную социальную-экономическую программу управления миграционными процессами, вызванными изменениями в республиканских законодательствах? Ведь такая программа необходима для обеспечения баланса в соблюдении законных интересов всех граждан нашей страны. В ней нужно предусмотреть правовые вопросы выбора местожительства и трудоустройства, многое другое. Принятие такой программы способствовало бы повышению общей правовой защищенности граждан СССР и явилось бы конкретным шагом на пути строительства правового государства.

**А.РОВСКИЙ, В.АЗИН,
Б.АЙРАПЕТАН, Е.ФЕДОРЧУК**
Ташкент

Служу четыре года на погранза- ставе, решил поступать на заочное отделение в гражданский вуз. Командир и начальник политотдела возражений не имели и дали ход моему рапорту. Но вышестоящее командование, ссылаясь на приказ министра обороны, не разрешило, мотивируя тем, что должностная маленькая, прослужил мало и т. д.

Считаю, что приказов, ограничивающих право на образование в гражданских вузах, не должно быть. Это ущемление конституционных прав военнослужащих. Разве нормально отлучать человека от учебы, если он готов тратить на нее свое личное время?

Е. СТЕПАНОВ,
старший лейтенант,
заместитель
начальника погранза- ставы
Амурская область

По поводу сокращения управленческого аппарата люди так говорят: «Сокращать аппарат — равносильно ворон пугать: с одного дерева сгоняешь, они на три соседних сядут». В Иркутске в 70-е годы в главном доме размещались одновременно обком партии, комсомола, народный контроль, облисполком и областное управление сельского хозяйства. Сейчас областрообединение, объединишься, еле в трех зданиях вместишься. Отселмися и обком комсомола. Сократился обком партии. А все тесно. Так сократился ли управленческий аппарат?

Много говорится о демократизации партии, Советов, комсомола. Есть конкретные сдвиги — передача власти Съезду народных депутатов, Верховному Совету СССР. Забастовки шахтеров подняли еще один социальный пласт и обратили наши взоры к бюрократившему профсоюзу. Зато по поводу комитетов народного контроля все тихо. Какой это контроль, когда кругом тащат и тянут? Бесхозяйственность ведомств захлестнула страну. А комитеты не захлестнула? И почему столь бездельные и безответственные комитеты называются народными? В ко-

митеты народного контроля народ никого не избирает. Это еще один разбухший от безделья номенклатурный аппарат, назначаемый аппаратом партийным по остаточному принципу, хотя по положению он как бы Советам подчинен. Комитеты народного контроля давно никого не контролируют, как им положено. Люди за справедливостью и помощью в комитеты народного контроля не идут. Не так давно наша газета опубликовала письмо народного контролера из Казачинска Н. П. Швецовой «Почему молчат люди честные», где рассказала, что после того, как она проявила принципиальность, выявила немало нарушений в райпотребсоюзе и начала настаивать на принятии мер, ее молча отстранили от проверок и сочли выбывшей из народного контроля.

Или другой пример. Народный контролер, экономист Н. Н. Анкудинов и областная газета увлеклись в объединении «Иркутскслюда» (теперь оно переросло в «Востокслюду») злоупотребление: группа руководителей необоснованно начислила 73 тысячи рублей премии за внедрение механической расколки слюды. Фактически же вновь построенный за 600 тысяч рублей цех давал предприятиям сплошные убытки, в результате новое оборудование, как непригодное, пришлось демонтировать. А вот премии так и не вернулись в карман предприятия. Заместитель председателя городского комитета народного контроля Иркутска В. Н. Черных обещал вмешаться, даже назначил срок проверки. Но, узнав, что обком партии не поддерживает выступление газеты, щадит зарвавшихся руководителей, проверку заволокотил, якобы не смог комиссией скомплектовать, а от услуг экономиста — своего активного контролера Н. Н. Анкудинова — тоже отказался. Вот и судите, из каких «контролеров» комплектуется аппарат народного контроля.

Обсуждая и утверждая на Съезде кандидатуру председателя Комитета народного контроля страны, народные депутаты увлеклись спорами вокруг кандидатуры Б. Н. Ельцина и своего не добились. В споре не заметили, как указали на многомиллионную бюрократическую номенклатурную гидру. Ведь если бы народный контроль на местах действовал, зачем бастующим потребовалось бы создавать рабочий контроль?

А. ЛЮБОСЛАВСКИЙ,
заместитель редактора газеты
«Восточно-Сибирская правда»
Иркутск

Воруженные преступления приобретают все более распространенный характер, — красноречивым подтверждением этого являются сообщения средств массовой информации. При пресечении таких преступлений довольно часто изымаются не какие-нибудь саodelки, а новейших марок пистолеты и автоматы заводского изготовления.

Невольно напрашивается вопрос: с каких складов попадает в руки преступников оружие, выпущенное для защиты Отечества, мира и спокойствия советских людей? Все ли ладно с его хранением в армии, мили-

ции и других вооруженных структур?

Общезвестно, что любая единица стрелкового оружия имеет заводской номер, по которому она учитывается в цейтхаузах и выдается рядовому и офицерскому составу. Стало быть, после изъятия у преступника пистолета, того хуже, автомата, должно быть проведено тщательное служебное расследование, откуда и каким образом оно оказалось у бандита. К глубокому сожалению, не могу притомить случая, когда бы Министерство обороны СССР или Министерство внутренних дел страны сообщили о подобном расследовании и наказании должностных лиц, по вине которых оружие способствовало преступлению.

Создается впечатление, что пистолеты и автоматы у нас валяются на дорогах. Не веря в то, что оружие легко достается преступникам, хотел бы все-таки прочитать разъяснение компетентных товарищей, по каким каналам оно попадает к бандитам, да еще чуть ли ни целыми арсеналами, и что предпринимается, дабы устранить малейшую возможность «переключивания» его к разного рода шайкам.

Григорий ЗЛЕНКО,
член Союза писателей СССР
Одесса

Требования закрыть кооперативы — это не результат вдумчивого и серьезного научного анализа всех плюсов и минусов возрождающейся кооперации. Нет, это раздуваемые и искусственно кем-то подогреваемые эмоции поборников гнилой уравниловщины. Что же движет ими? Да элементарная черная зависть! Завистником бывает и чиновник, и неумеха, и лентяй, и прогульщик, и выпивоха. Он скорее согласится жевать сухой кусок хлеба, чем видеть, что сосед его — отличный труженик и зарабатывает больше. Однако выглядят прямыми завистниками люди тоже не хотят. Небезынтересно отметить, что, когда кооператоров и в поmine не было, завистники и злопыхатели выбирали свои жертвы в других сферах. Нередко такой жертвой становился рабочий-станочник. Порой он в несколько раз увеличивал производительность своего труда по сравнению со средней, соответственно у него выше была и заработная плата. Вот это уже не нравится. Выкладывается главный козырь: да, он работает хорошо, но во имя чего это? Во имя наживы, хочет набить свой карман, а на остальных ему наплевать, это куркуль.

Очень печально, что уравнилельная психология проявляется и среди народных депутатов СССР, среди министров и их помощников. Взять Минфин. Бездарность его в налоговой политике поразительна, просто вопиющая. Чувствуется сильный напор уравниловки. Время от времени видишь, как капитулирует под напором обывателей министр здравоохранения тов. Чазов. Речь идет о медицинских кооперативах. Скажу как фронтовик. Из войны я вышел с крайне подорванным здоровьем. Но лечила ли меня наша медицина по-настоящему? Нет, не лечила. Отношение медиков к здоровью людей, как я убедился за многие годы, похоже на прямой саботаж. Было в этой мрачной картине одно исключение: лечение раненых воинов в госпиталях во время войны. Из этого исключения я делаю лишь один вывод: все возможно, было бы желание.

Я горячий сторонник отмены всех и всяческих привилегий. Руководящие лица, живущие в привилегированных условиях, неизбежно отрываются от народа, его нужды

их уже не интересуют. Если сам лечишься в особой больнице, то это не стимулирует к выделению средств на больницы обычные. Никакого отношения к кооперативам я никогда не имел, но я спрашиваю министра Чазова: вот вы, уважаемый министр, и ваша семья пользуетесь улучшенным обслуживанием? Уверен, что да и причем совершенно бесплатно. За вас платит народ. Так почему же вы хотите лишить меня права пользоваться улучшенным медицинским обслуживанием через кооперативы? Вам что, жалко моих денег и не жалко моего здоровья? Где же справедливость?

Л. ЕРЕМИН
Астрахань

Хочу затронуть проблему, ставшую предметом обсуждения, бурного всплеска эмоций: об отношении к воинским подразделениям МВД СССР.

Уже не раз при несении службы по охране общественного порядка приходилось выслушивать реплики типа: «А где ваши саперные лопатки?» Для нас, сотрудников органов внутренних дел, очевидно, что «тбилисский синдром» поразили не только нас... Участились случаи оскорблений и прямых нападения на несущих службу солдат и курсантов. Определенную роль в противопоставлении процессов демократизации общества и деятельности ОВД сыграли и средства массовой информации, и не всегда взвешенные выступления отдельных неформальных лидеров.

Да, есть факты, за которые нам, сотрудникам ОВД, стыдно. И поверьте — больно. Безусловно, и среди нас есть переродженцы, издоимцы, держиморды и т.д. Безусловно, не всегда приходилось выполнять разумные распоряжения и приказы. Но этими же болезнями болели и продолжают болеть многие и многие другие ведомства и организации. Органы внутренних дел росли и формировались в нашей стране и болеют всеми теми недугами, что и общество в целом. Так же, как и все общество, мы стремимся избавиться от них.

В самом деле, ведь не возникает же у нас желания, увидев первого встречного врача, спросить у него со злобой: «А где же твой шприц, зараженный СПИДом?» или — у строителя: «А покажи-ка нам свои ручки, которые делали газопровод!» и т. п.

Однако речь идет вот о чем: мне, офицеру-политработнику, больно видеть, когда молодых парней, многие из которых выполняли интернациональный долг в ДРА, были одними из первых в числе участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, рискуя собственной жизнью, прекратили резню в Сумгаите и Фергане, называют врагами демократии и перестройки.

Товарищи, давайте зададим себе вопрос: если не закрывать глаза, то есть не считать нормой рост преступности, волну экстремизма, захлестнувшие страну, кто должен защитить нас? И какого отношения к себе заслуживают эти парни со стороны общества?

И. ГАЛЮК,
старший лейтенант
внутренней службы
Харьков

Значительный интерес вызвали две публикации политолога А. Миграняна — «Популизм» («Советская культура») и «Долгий путь к европейскому дому» («Новый мир», № 7). В статье А. Миграняна много

привлекательного — широкий исторический контекст, глобальная постановка вопроса о демократии, откровенный анализ противоречий перестройки и реальных угроз и опасностей на ее пути.

Но сейчас хочется сказать о другом. Я имею в виду трактовку А. Миграняном взглядов Б. Н. Ельцина, его сторонников и избирателей: «На новом витке мы сталкиваемся с психологией люмпенского социализма, о котором писал Маркс». «Я бы назвал Б. Н. Ельцина таким неолевостаринским лидером, центральным пунктом выступлений которого является то, что в общем-то было лейтмотивом всех большевиков как до, так и после революции, — призыв вернуть народу награбленное... Те настроения, которые сделали Ельцина популистским лидером, очень опасны... Путь на перераспределение имеющихся благ — это тулуповый путь в грядущее новое рабство. Очень скоро оказывается, что уже нечего перераспределять. А дальше... террор, репрессии...»

Где профессиональный политолог А. Мигранян вычитал у Б. Н. Ельцина такую экономическую программу? Я как избиратель Московского национального-территориального округа № 1 прежде чем отдать за Б. Н. Ельцина свой голос внимательно ознакомился с его платформой, в частности экономической, затем слушал его выступление уже на Съезде, знаком с экономической концепцией межрегиональной группы, одним из лидеров которой является Б. Н. Ельцин. Ключевыми для всех этих документов являются как раз идеи ликвидации административного вмешательства в экономику, перехода к рыночному регулированию, передачи земли крестьянам, предприятий — трудовым коллективам, подлинной оплаты по труду и отказа от уравниловки. Ничего общего с люмпенскими идеалами всеобщей бедности и перераспределения награбленного.

Да, в каждом своем выступлении Б. Н. Ельцин настойчиво повторяет требование ликвидации привилегий номенклатурных работников, привилегий, само существование которых лицемерно и бесстыдно до самого последнего времени отрицалось его оппонентами.

Но как же можно не видеть, что эта безусловно необходимая мера ни в коем случае не рассматривается Б. Н. Ельциным и его сторонниками как средство решения экономических проблем, а является всего лишь элементарным нравственным требованием к руководителям разоренной страны, около 40 миллионов жителей которой находятся за чертой бедности.

Те популистские настроения и течения, на которые обращает внимание А. Мигранян, действительно существуют в обществе, и они весьма громко и даже агрессивно прозвучали на Съезде, но только не в выступлениях Б. Н. Ельцина и других лидеров меньшинства, а в нападках на эти выступления. Вспомним, например, депутата из Карелии, обвинившего левых в том, что они подкупили Политбюро идеи рыночных отношений, кооперации и аренды.

Однако заветная мечта аппарата — натравить рабочий класс на интеллигенцию — провалилась. Забастовщики Сибири и Донбасса требовали не мыла, они требовали того же, что и радикальные депутаты, углубления политической и экономической реформы, хозяйственной самостоятельности. Единство демократических сил — это главная надежда перестройки.

А. ПИОНТОВСКИЙ,
кандидат
физико-математических наук
Москва

Первого августа ровно в полночь мы сели во Владивостоке в поезд № 1 «Россия». Доехали до Спасска, где узнали, что железнодорожный путь размыт водной стихией и поездку по маршруту Владивосток — Москва мы продолжать не можем. После того как поезд простоял в Спасске несколько часов, нам сообщили: часть пассажиров будет переправлена во Владивосток, а оттуда самолетами в Хабаровск, другим же предоставят благоустроенную гостиницу. Пассажиры с детьми и старые люди не смогли поехать в аэропорт. Из «России» нас выселили, после длительных препирательств предоставили вагоны поезда № 5, который временно превратили в гостиницу.

На протяжении трех суток мы с детьми (у некоторых по трое) задышали в раскаленных от зноя вагонах, помощи от железнодорожных властей никакой, напротив, одна только нервотрепка. И вот 4 августа из телепрограммы «Диапазон» мы случайно узнаем, что нас, пассажиров, застрявших на вокзале по причине стихийного бедствия, поселили в благоустроенную гостиницу, обеспечили трехразовым питанием, выделена для нас солидная сумма.

Понимая, что государство из-за стихийного бедствия и так несет огромные убытки, мы ни на какие блага не претендовали, терпели и все. Однако, узнав о благах, якобы предоставленных нам железной дорогой, мы были возмущены до предела. В какие же руки попали эти деньги? Не верится, что кто-то поживился за счет народного бедствия, скорее всего это обычная наша безответственность.

И еще. Предупреждение о надвигающемся тайфуне прозвучало заранее. Но в очередной раз сработал механизм равнодушия, успокоенности, авось пронесет.

**О. ТОКАРЕВА, Р. ЯРУЛЛИН,
Е. НАЗАРОВ, В. ГОЛУБЕВА,
Г. МЕДВЕДЕВ,
всего 11 подписей**

Что такое правовое государство? В моем понимании это такое государство, где начисто должны со страниц газет и журналов исчезнуть письма такие, как ЭТО!

Невозможно представить себе правовое государство, где печатные органы будут публиковать письма о неисправных унитазах, текущих крышах, хановатых продавцах, опаздывающих поездах, нарушенных обещаниях, сорванных планах! Для искоренения всего этого в цивилизованном мире есть суды! Суды! Каждый должен заниматься своим делом. Но если он это дело исполняет плохо — он отвечает по закону!

Мы же привыкли грозить: «Вот, надо написать в газету!», на что теперь следует стандартный ответ: «Ну и пиши, писатель!» Много вас тут развелось, писак!» Так что недавняя утренняя передача Центрального радио со старыми рекомендациями обращаться к партии, идти со своими бедами в райкомы — это же призыв к старым стереотипам! Никогда мы не станем правовым государством, если снова и снова будем уповать на грозного дядю, а не на закон!

А. ГРОССМАН,
инженер
Ленинград

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный
проезд, 14.

ПРОШУ СЛОВА!

Столкновения мнений по поводу вопросов нашей недавней и далекой истории неизбежны. Слишком многое открывается нам сегодня, немало еще предстоит узнать. Почти все тонкие и толстые журналы страны публикуют великое множество разных точек зрения на отечественную историю, но очень редко эти точки зрения сталкиваются на страницах одного и того же издания. Представления о демократическом процессе для многих стран по-прежнему, это, как правило, изложение единственной точки зрения и презрение ко всем остальным. Нам не хотелось бы идти по этой дорожке, и поэтому сопоставление различных позиций, то, что мы зовем плюрализмом, столь дорого «Огоньку» сегодня. Публикуя статью историка В. Миллера, мы продолжаем разговор об исторических путях к демократии, современному обществу, пройденных страной. «Огонек» оставляет за собой естественное право представить вам и другие точки зрения, не во всем совпадающие между собой, но устремленные к выяснению истины.

чившая ему публицистическая «Сталиниана» была вынужденной, но необходимой мерой исторической ассенизации. Теперь, когда демистификация Сталина стала свершившимся фактом, можно признать, что в журнальной антисталинистской гонке были и крутые виражи, и превышение скорости, и потеря равновесия». И далее, указав на ряд причин «неизбежных в полемике передержек», автор пишет: «Часть «ошибок» была, в сущности, навязана публицистике недостатком гласности, цензурными ограничениями: уже позволено было критиковать Сталина и его окружение, но по-прежнему ставилось «вето» на попытки углубленного причинного анализа. Критика Сталина на определенном этапе вызревания гласности была своего рода «эвфемизмом» более серьезной, концептуальной критики».

Мысль В. Костикова понятна: критикуя Сталина, он и некоторые другие авторы имели в виду нечто иное. Ну, что ж, простим им эту подмену, хотя бы за сегодняшнее добровольное признание. Но что именно являлось тогда (и, добавим, является и сегодня) объектом критики в статье «Сапоги из шагреновой кожи»?

За легким флером недомолвок, которым все же прикрыта суть статьи, ясно видно, что таким объектом критики является Октябрьская революция. На это указывают и рассуждения о «первородном гре-

В. Костиков). И снял Троцкий форму на другой день после того, как он перестал быть «военным». Кстати, и Н. С. Хрущев, которого автор именует «генералом», носил форму только в тот период Великой Отечественной войны, когда он находился на фронте. Со всем уж недостойно русского литератора писать о «расшитых «апах», которые любил Н. С. Хрущев. Неужели не ясно, что речь должна была идти о вышитых украинских сорочках? Вроде бы почти одно и то же, но звучит-то совсем по-другому.

А чего стоят выраженные в духе глубокого сострадания размышления о горькой судьбе И. Д. Сытина, который, по словам автора, после освобождения из-под ареста «вскоре умер»? Но достаточно заглянуть в энциклопедический словарь, чтобы узнать, что умер И. Д. Сынтин в 1934 году, что с 1928 года он получал персональную пенсию, а до этого работал консультантом Госиздата. Ошибается автор и в фамилиях. Так, на смену А. Г. Шляпникову в 1919 году в Астрахань приехал не К. Мехотин, а К. А. Механосин, да и отозван был А. Г. Шляпников не «за мягкую политику», а совсем по иным причинам.

Но дело, конечно, не в этих отдельных, хотя и показательных ошибках. Автор, по сути дела, предлагает читателям альтернативу реальной истории. Иначе говоря, как должны были вести себя большевики в 1917 году и в годы гражданской войны, чтобы общество, в котором мы живем, соответствовало сегодняшним представлениям автора о добре и справедливости. При этом реалии и 1917 года, и последующего периода игнорируются, а сами события той поры рассматриваются с абстрактной, внеисторической точки зрения. Вот несколько примеров.

Основное обвинение, выдвигаемое В. Костиковым против партии большевиков, заключается в том, что их курс помешал сохранить «единство левых сил». Он пытается доказать этот тезис примерами из переговоров с Викжелем, а также историей с созывом и роспуском Учредительного собрания. Что ж, давайте разбираться.

Существовала ли реальная возможность образования после Октября «однородного социалистического правительства», в которое вошли бы «социалистические партии» — от эсеров до большевиков? На мой взгляд, существовала. Но тут же следует поставить вопрос, который обходит автор: а на какой основе? И ответ историкам ясен: на основе признания решений высшего органа Советов всей страны — II Всероссийского съезда Советов. Но партнеры большевиков по переговорам при Викжеле предлагали совсем иное: образовать правительство, которое игнорировало бы решения съезда и отказалось от реализации народных требований, положенных в основу декретов о мире и о земле. Могли ли большевики пойти на отказ от переговоров о мире, от передачи земли крестьянам? Нет, не могли, потому что именно эти требования, составлявшие суть ленинской программы, обеспечили поддержку большевикам со стороны широких масс рабочих, крестьян и солдат.

Посмотрим теперь с другой стороны. Что произошло бы, пойдя все же большевики на тот беспринципный блок, который предлагали меньшевики и эсеры, и если бы они отказались от немедленной реализации требований народа и поддержали требование правых социалистических партий — ждать Учредительного собрания? Эта ситуация уже рассматривалась тогдашними буржуазными политиками. Каковы были, например, цели корниловцев, то есть сторонников военной диктатуры, и стоявшей за ними партии кадетов? Они, естественно, видели нарастание хозяйственной разрухи, падение авторитета Временного правительства, которое постепенно утрачивало власть. Видели и рост влияния большевиков, и нежелание солдат провести еще одну зиму в окопах, и волну крестьянских восстаний, охвативших многие губернии России.

А вывод их был таков: чем хуже, тем лучше. Пусть разруха углубится, пусть даже большевики придут к власти: это только усилит развал и хаос в стране. И тогда выступим мы, то есть военные. Мы выступим как «партия порядка», которая, переведав большевиков, перестреляв бунтующих крестьян и бастующих рабочих, установит твердую власть, за которую еще в августе 1917 г. выступал Л. Г. Корнилов. Смысл этого курса союза военщины и буржуазии первым понял В. И. Ленин, именно поэтому (боясь усиливающейся разрухи и анархии в стране) он выступал с середины сентября за возможно более быстрый переход власти к Советам. А некоторое время спустя угрозу подобного поворота событий поняли даже те «правые большевики», которые в конце октября — начале ноября поддержали лозунг «однородного социалистического правительства», выдвинутый Викжелем. Вот что говорил, например, Г. Е. Зиновьев в сентябре 1918 года: «Скажу о себе,

ИСТИНА ИЛИ УСТУПКА МОДЕ?

С весны 1989 года развернулся бурный процесс политизации нашего общества. Не обошел он и публицистов, пишущих на исторические темы. Если раньше их «экспедиции в историю» хотя бы внешне имели целью поиск истины («Мы хотим знать всю правду...»), то опубликованные в последнее время статьи на исторические темы впрямую подводят читателей к определенным политическим выводам. Одной из них является статья В. Костикова «Сапоги из шагреновой кожи» («Огонек», 1989, № 32).

Почему из большого числа публикаций подобного рода я решил остановиться именно на этой? Ведь она не отличается особой оригинальностью: почти все сказанное В. Костиковым присутствовало в статьях и других наших публицистов. Но именно это и привлекает: видишь перед собой целое направление. Подкупает и откровенность автора, который подчас пишет то, о чем пока помалкивают его коллеги. Наконец, авторитет «Огонька» и его большой тираж сделали взгляды В. Костикова известными миллионным читателям. Поэтому хочу высказать и свою, историка, точку зрения по затронутым в его статье проблемам.

Очевидно, такое начало предполагает затем острую полемику. Но хотелось бы начать с иного — с благодарности автору за четкость его высказываний, которая помогает перейти к сути дела. Напомню одно из мест статьи: «Вдумчивый читатель,— пишет В. Костиков,— конечно же, уже смекнул, что наску-

хе» революции, который заключается в том, что «свободу и демократию она добывает отрицанием свободы и демократии», и характеристика «октябрьского зачатия» как неудавшейся попытки «соединения революции и демократии», и слова о периоде, «когда кожаная куртка чекиста и дробь расстрелов в Варсонофьевском переулке стали чуть ли не символами новой цивилизации». И это далеко не все примеры.

Для доказательств тезиса о вреде, который Октябрь принес России, используются самые различные приемы: от ярких образов до пространных рассуждений, но все они бьют в одну цель — исказить образ Октябрьской революции, который не только существует в памяти народной, но — и это главное — опирается на подлинные факты. Однако хватит оценок, перейдем к доказательствам.

Проще всего показать, что, создавая негативный образ революции, В. Костиков искажает даже легко проверяемые факты. Чего стоят, например, его слова о Троцком в октябре 1917 года, которого он именует «человеком в сапогах и военной фуражке». Чтобы не писать так, достаточно было прочесть воспоминания Ф. Ф. Раскольниковца, сидевшего с Троцким в «Крестьях» в июле — августе 1917 года и оставившего яркое описание внешнего облика Троцкого в мягкой шляпе и во вполне штатском костюме. Троцкий действительно надел сапоги и военную фуражку, но произошло это позже — в годы гражданской войны, когда он обязан был надеть форму Красной Армии как наркомвоенмор (а не главвоенмор, как пишет

что если я в своей жизни буду в чем-либо раскаиваться, то не в том, что в течение 15 лет своей работы шел под руководством тов. Ленина, а буду жалеть о тех нескольких днях, когда мне казалось, что Ленин торопится, форсирует события, совершает ошибку и мне придется выступить против него. Теперь ясно, как дважды два четыре, что если бы рабочий класс под руководством тов. Ленина не взял в то время власть в свои руки, то через несколько недель мы имели бы диктатуру самой остервенелой буржуазной сволочи».

Так что давайте посмотрим правде в глаза и не будем обманывать читателей. Альтернативой той власти, которую сформировал II съезд Советов, был не «блок социалистических партий», а военная диктатура, которая бы отбросила страну и от Февральской революции назад к монархии.

Прежде чем пойти дальше, ответим еще на один вопрос. Выступали ли большевики против многопартийного Советского правительства? Нет. Они приглашали участвовать в правительстве все политические партии, представленные на II съезде Советов. Не случайно в решении ЦК РСДРП(б) от 2(15) ноября 1917 года говорилось: «Центральный Комитет подтверждает, что, не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию (с участием) этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти». Так что не большевики не пошли на компромисс: меньшевики и эсеры не были готовы к компромиссу, который, добавим, отражал бы настроения широких народных масс. Пойти на признание декретов II съезда Советов они не решились.

Обратимся теперь к истории с Учредительным собранием. И здесь автор допускает немало передержек. Да, 5 января 1918 года в Петрограде была демонстрация. На улицы столицы, включая и просто любопытных, вышло от 50 до 60 тысяч человек. Да, в демонстрации участвовали и рабочие. (Кстати, только одно предприятие откликнулось на призыв Союза защиты Учредительного собрания к демонстрации. Это была Экспедиция по заготовлению государственных бумаг, ныне фабрика «Гознак».) Но все оставившие свои воспоминания об этом дне (и в их числе оказавшиеся в эмиграции лидеры эсеров и кадетов) подчеркивали, что рабочие составляли ничтожную часть демонстрантов, а их основная масса состояла из чиновников, студентов, интеллигентов и «просто обывателей».

Интересные наблюдения содержатся в опубликованных за рубежом воспоминаниях Б. Соколова, тогда председателя Военной комиссии ЦК партии эсеров. «Трудно предположить», — писал он, — что большинство демонстрантов было на стороне Учредительного собрания. Более чем вероятно, что только незначительная часть демонстрировавших была подлинными сторонниками последнего. Но другое чувство, кроме любви к демократическому Учредительному собранию, владело толпой: это была ненависть к большевикам. Обыватель-петроградец, в широком смысле этого слова, готов был всколыхнуться от своей пассивности и пойти даже за Учредительным собранием, если последнее найдет в себе достаточно сил, чтобы свергнуть большевистское правительство».

И ожидание свержения большевиков не было беспочвенным. Костиков обходит вопрос о том, что к началу января 1918 года Союз защиты Учредительного собрания совместно с Военной комиссией ЦК эсеров готовили военный переворот. В его осуществлении должны были принять участие броневые дивизионы. Семеновский и Преображенский полки, эсеровские боевики столицы, а также собранные с фронтов офицеры и солдаты, которых ЦК эсеров пригласил в Петроград под предлогом обучения в солдатском народном университете. Был создан и штаб, который разработал подробный план вооруженного выступления. Одновременно готовились покушения на В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, которые должны были ослабить силу сопротивления большевиков. Как вспоминал Б. Соколов, первоначально предполагалось не убивать большевистских лидеров, а держать их в качестве заложников. Вместе с тем руководитель группы боевиков, готовившей захват, эсер Оникп говорил, что «мы не задумываемся перед более решительным изъятием этих вредных лиц». Опасаясь массового народного возмущения, ЦК эсеров запретил эту акцию, но, как вспоминал тот же Б. Соколов, «отголоском этого дела, этого плана было неудачное покушение на Ленина, имевшее место в последние числа декабря. Несколько революционных пуль, прошивших автомобильный кузов...»

3 января 1919 года ЦК эсеров обсуждал ход подготовки к выступлению. Учитывая ничтожность реальных сил, которыми располагали заговорщики, он при-

нял решение не приводить в исполнение подготовленный план. Вместе с тем ЦК предложил Военной комиссии «в случае активного массового выступления, когда войска сами станут на сторону восставших, когда движение выльется в стихийное вооруженное столкновение с большевиками, — взять на себя руководство движением, регулировать его». Таким образом, вооруженное выступление не было отменено вовсе, его было решено начать, если для него сложатся определенные условия. И действия эсеровских боевиков в течение 5 января и имели целью спровоцировать столкновения и тем подготовить начало мятежа.

Такими были действия одной стороны, планы которой, кстати, были известны и большевикам. Ну а большевики? А большевики готовились к обороне. Один из участников событий, большевик Е. Пинежский, вспоминал: «Было решено не препятствовать мирной демонстрации, но быть наготове к решительной ликвидации попытки переворота». Был создан Чрезвычайный штаб с К. Еремеевым во главе, который организовал охрану района Смольного. В отданном им приказе говорилось: «Безоружных возвращать обратно. Вооруженных людей, проявляющих враждебные намерения, не допускать близко, убеждать разойтись и не препятствовать караулу выполнять данный ему приказ. В случае неисполнения приказа — обезоружить и арестовать. На вооруженное сопротивление ответить беспощадным вооруженным отпором. В случае появления на демонстрации каких-либо рабочих убеждать их до последней крайности, как заблуждающихся товарищей, идущих против своих товарищей и народной власти». Такова была позиция другой стороны.

А теперь о том, как развернулись события. В ряде мест демонстранты, подстрекаемые эсеровскими агитаторами, прорвали оцепление, и караулы краснотерцев и матросов были вынуждены применить оружие. Несколько человек погибло. Такова правда о демонстрации 5 января.

Подводя итог своим рассуждениям о событиях этого дня, В. Костиков пишет: «Была упущена историческая возможность сотрудничества левых сил России в рамках демократического избранного парламента». А была ли такая возможность? Желали ли, например, эсеры, имевшие большинство в Учредительном собрании, такого сотрудничества? И на какой базе было бы возможно такое сотрудничество? Ответы на эти вопросы автор обходит, и это отнюдь не случайно. Эсеры желали одного: свержения Советской власти, а большевики, естественно, делали все, чтобы не допустить этого. И сочувствие народа было в тот момент отнюдь не на стороне эсеров.

Завершая свои воспоминания о единственном заседании Учредительного собрания, видный эсеровский публицист Н. В. Святицкий впоследствии писал: «Учредительное собрание бесславно погибло в ту ночь. Погибло не потому, что у нас не было индивидуальной решимости погибнуть вместе с ним. А потому, что большевикам и не надо было стараться создать такие обстоятельства, которые исключали бы нашу героическую смерть. Они, эти обстоятельства, были налицо, и закладывались они не в матросском окрике, а в том равнодушии, с которым отнесся народ к нашему разгону и которое позволило Ленину махнуть на нас рукой: «Пусть себе расходятся по домам!»

Можно и дальше идти по статье В. Костинова, но недостатки ее, по моему, характерны для многих публикаций, написанных в жанре «в кроссовках по истории». Пусть некоторые читатели увидят фактические ошибки и исторические несообразности. Но большинство-то поверит печатному слову... А верить-то нельзя! Вот, например, автор рассказывает о деятельности организованного меньшевиками и эсерами чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов и пишет: «Волна забастовок прокатилась по фабрикам Москвы, Петрограда, Тулы, Брянска...» Где здесь правда? Она в том, что в названных городах, где имелись крупные и традиционно влиятельные меньшевистские организации, забастовки были. Но многочисленные создается впечатление, что такие же забастовки были и в других местах. Но не было забастовок в других городах. И еще одно. «Мирные» выступления рабочих, подготовленные «Собраниями уполномоченных», эсеры планировали использовать для организации вооруженного мятежа против Советской власти. Подробности можно прочитать у того же Б. Соколова.

И события в Астрахани изложены В. Костиновым тенденциозно. Можно предположить, что одним из источников, которые он использовал при подготовке этого места статьи, был опубликованный в мае 1922 года в эмигрантском эсеровском журнале «Революционная Россия» «Меморандум заграничной делегации РСР». В это время в Москве шла подготовка к процессу над лидерами партии эсеров, обвинявши-

мися в борьбе против Советской власти. И цель эсеровского меморандума заключалась в том, чтобы привлечь внимание от антинародной политики своей партии, обвинив в жестокостях большевиков. О событиях в Астрахани советские историки писали (см., например, коллективную монографию «Гражданская война в Поволжье», Казань, 1974). К ним, я думаю, еще следует вернуться, чтобы восстановить истину, но для этого нужно настоящее исследование, а не кавалерийский наскок...

Анализируя события Октябрьской революции, нельзя было не сказать о роли в них В. И. Ленина. И говорит В. Костиков о Ленине осторожно, внешне даже с некоторым пиететом. Но посмотрим текст повнимательнее. С одной стороны, автор пишет, что в годы гражданской войны «В. И. Ленин упорно продолжал носить стоптанные цивильные ботинки и потешную кепчонку — словно бы упорно, вопреки всему, демонстрируя веру в примат закона над беззаконием, гражданского мира — над гражданской войной». И, комментируя этот факт, В. Костиков пишет о глубоком уважении, которое вызывает у него такое поведение Ленина. Но пойдём дальше.

Рассказывая о репрессиях, проводившихся органами ВЧК, В. Костиков продолжает: «За действиями «органов» всегда изначально стояла политическая воля, определенная идеология. Когда руками ВЧК разогнали Комитет помощи голодающим, закрывали Академию духовной культуры, Лигу спасения детей, изгоняли из страны философов, писателей, поэтов, ВЧК была лишь исполнительным органом для той политической воли, которая несколькими годами ранее разогнала Учредительное собрание». Это уже яснее, хотя имя Ленина здесь пока не названо. Оно будет названо дальше, когда речь пойдет о нэпе. Там будет сказано ясно: «Ленин никогда не становился пленником обстоятельств». Здесь необходима большая четкость. Я думаю, что без Ленина не было бы победоносной Октябрьской революции, но винить его в гражданской войне, развязанной не Советской властью, а против Советской власти, а тем более в ее тяжелейших последствиях просто дико.

Итак, что отвергает В. Костиков, ясно. Но в статье изложена и его «позитивная» программа, его идеал. Вот эти несколько слов: «Опыт Европы свидетельствует о том, что только гражданское, плюралистическое общество, основанное на общественном консенсусе, способно дать гражданам мир, покой и процветание». Не правда ли, звучит красиво? Но при этом обходится тот важный факт из исторического опыта Европы, что «гражданское, плюралистическое общество» явилось результатом многих и многих революций и последующих десятилетий ожесточенной классовой борьбы. Кроме того, говоря о современном капиталистическом мире, мы не должны забывать, что многое из того, что автор именует «высокими завоеваниями «реального социализма» и в рамках социал-демократии, и даже при классических буржуазных коалициях», было во многом побочным результатом Октябрьской революции в нашей стране и последующего развития мирового революционного процесса.

В конце статьи В. Костиков говорит немного и о том, как, по его мнению, должно развиваться наше общество. «Это новое общество, — пишет он, — будет расти не на «догматах веры», вынуждавших нас есть сказочный суп из топора, а на том единственно надежном строительном материале истории, на котором построено на земле все, представляющее хоть какую-нибудь ценность, — на свободном труде свободных людей». Я согласен с автором, когда он пишет о «свободном труде свободных людей» и о том, что новое общество будет расти на «надежном строительном материале истории», но с оговоркой — истории подлинной, не препарированной и подкрашенной в угоду модным сегодня политическим концепциям.

Завершая этот растянувшийся отклик на статью В. Костинова, я задумался над тем, как точнее определить ее содержание. И тут мне пришли на ум слова из выступления известного советского историка Г. З. Иоффе на «круглом столе», посвященном истории Октябрьской революции. «Мне кажется, — говорил он, — образовались две тенденции. Одна содержит в себе монархический, точнее неомонархический элемент, склонна видеть в революции не только Октябрьской, но и Февральской результат неких «инонациональных» сил, приведших Россию в состояние «смуты» и разрушения. Другую тенденцию условно можно назвать «неовеховской», неолиберальной. Ее сторонники утверждают, что Октябрьская революция была не нужна, что надо было остановиться на Февральской». Примером «неовеховской» (т. е. кадетской) тенденции и является статья В. Костинова.

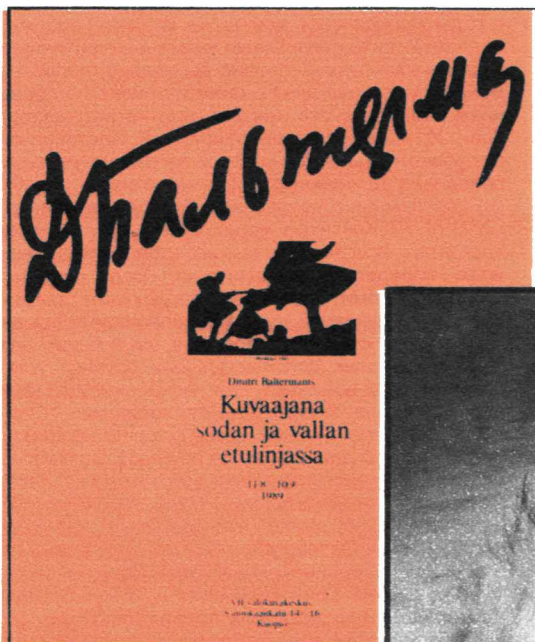
В. МИЛЛЕР,
кандидат исторических наук

Из финского города Куопио в редакцию журнала пришло письмо:
«Приглашаем фотографа вашего журнала Дмитрия Бальтерманца в Финляндию для того,
чтобы организовать выставку его работ в центре фотоискусства,
который носит имя Виктора Барсокевича».

Приглашение было с благодарностью принято. В. Барсокевич, чьим именем назван центр
фотоискусства,— известный портретист,
автор многих жанровых фотографий.

О том, какое значение придавали финские друзья этой выставке, свидетельствует тот факт,
что в Москву для ее подготовки прибыл председатель центра фотоискусства Йорма Комулайнен.
Работы Дмитрия Бальтерманца вызвали большой интерес. Привлекала, судя по характеру бесед
и интервью, не только возможность познакомиться с творчеством советского мастера фотографии,
но и желание как можно больше узнать о перестройке в нашей стране.

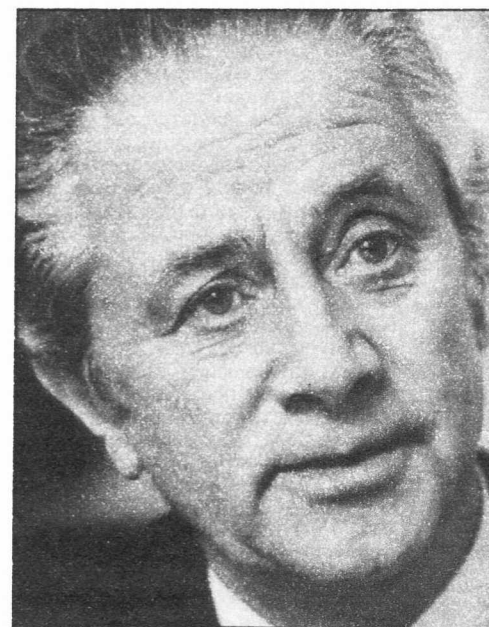
Выставка за три месяца побывает в нескольких городах этой прекрасной страны.
Спасибо вам, друзья, за гостеприимство!

«Дружеское» объятие

Ю. В. Андропов поднимается
на трибуну Мавзолея,
впервые в должности
Генерального
секретаря ЦК КПСС.

— Ваша жизнь, господин министр, тесно связана с понятием и идеей социализма, да и сами вы не министром родились — служили ведь и курьером, и почтальоном. Хотелось бы спросить: что означает для вас социализм? В смысле его идеи и значения?

— Я думаю, начать надо с того, что все люди одинаково ценны. Где бы вы ни родились, что бы ни происходило в вашей жизни, — вы имеете право на равное с другими отношение к себе. Это вопрос солидарности. И, с моей точки зрения, в том, что касается политической жизни, демократии, социальной обеспеченности, культурной и экономической жизни, то здесь все люди должны иметь не только право, но и возможности для участия. Поэтому, если вы основываете свою стратегическую политику на такой идее, она будет достойной основой и для практической деятельности. Нынешний руководитель нашей социал-демократической рабочей партии, премьер-министр Швеции Карлссон называл общество хорошо подобранным экипажем, в котором все стремятся к общему благу и отсутствует плохое отношение к кому-либо... Это главная идея социализма. Следует избегать чрезмерного догматизма, не следует заявлять о праве собственности на само понятие социализма. В конечном счете идея состоит в том, что мы пытаемся поправить положение в обществе и внимательно контролировать процесс развития. Могут сказать, что технический прогресс создает угрозу для очень многих людей. Нельзя забывать о требованиях к образованию и о том, что многие люди могут оказаться слабыми, не столь развитыми интеллектуально. Возможности различны...

Мы должны сделать все, что в наших силах, для того, чтобы помочь всем людям — в том числе самым слабым — занять свое место в жизни общества. Я думаю, самая крупная задача для рабочего правительства — это конкретные результаты; при этом нельзя допускать хаос.

— Это замечательно, и вы действительно верите в это, что доказано вашей деятельностью, поскольку прошли очень много ступеней в собственном развитии, не просто жили, отстаивали себя, покуда стали од-

МЫ — ХОРОШИЕ СОСЕДИ

ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ШВЕЦИИ
СТЕНА АНДЕРССОНА
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»
ВИТАЛИЮ КОРОТИЧУ

ним из руководителей правительства. Как сегодня складывается ваша жизнь в рамках этой идеи?

— Я не считаю, что сегодняшнее мое положение ставит меня выше в сравнении с другими. Думаю, у каждого человека есть в обществе своя роль, а любая роль важна. Главное, что я часть своего народа. Поэтому я могу о многом говорить с людьми и чувствую себя среди них естественно, как один из них, ведь все мы похожи.

— В моей стране все годы, пока я учился — в школе и в университете, — когда работал, все время говорилось о главенстве интересов социалистических стран, о классовых ценностях, как едва ли не единственных. Сейчас в Советском Союзе начинаются перемены, мы больше говорим о ценностях общечеловеческих, страна становится более понятной и нормальной, она доброжелательнее относится к странам с разными политическими путями — к этому мы стремимся. Каково ваше отношение как опытного политического деятеля к переменам в Советском Союзе? Как, на ваш взгляд, они развиваются?

— Да, происходят крупные перемены, и это нормальный процесс до тех пор, пока он идет в правильном направлении. Мне очень интересно, как все будет продолжаться. Я впервые посетил Советский Союз в 1965 году и хорошо помню, как отличалась атмосфера тех лет от нынешней. Стало сегодня больше открытости, честности. Да, мне это очень нравится, но, разумеется, я считаю, что вам предстоит еще пройти долгий путь. Ваши люди на самых разных уровнях не привыкли к самостоятельным решениям, к ответственности за свои решения. Шведский народ счастлив, поскольку мы живем без войны более 175 лет и давно уже имеем возможность строить наше общество в мире и без вмешательства извне. Я считаю, что мы можем многому научиться у других стран, в том числе у Советского Союза. Думаю, мы можем обмениваться идеями, опытом и так далее. Это касается и Соединенных Штатов.

В США недавно побывала шведская делегация, составленная из представителей крупных компаний. И у них очень хотели узнать, как нам удалось решить,

в частности, структурные проблемы промышленности, а также проблемы рынка трудовых ресурсов и системы социального обеспечения. А потом очень влиятельный и знаменитый экономист заявил в конгрессе: «Если в следующие шесть лет мы сможем сделать то, что шведы сделали за последние шесть лет, мы будем довольны». Я не хочу сказать, что мы создали идеальную систему. Нам предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы создадим общество, в котором люди будут равноценны, то есть справедливую, естественную систему. Но больше всего меня пугает то, что сейчас некоторые специалисты, в том числе люди, стоящие на радикальных позициях, говорят: в течение 20 лет население страны возрастет. Но в таком богатом обществе разрыв между низшими классами и высшими углубится, понимаете? Если бы сегодня мы имели больше средств, можно было бы решить многие проблемы общества. Впрочем, у нас есть все необходимые ресурсы. Радикалы утверждают, что мы создадим совершенно иное общество, а я не могу согласиться. Все зависит от нас, но очень многое зависит от новых идей. Я хочу сказать, что все зависит не только от некоего абстрактного богатства страны, — многое и прежде всего именно от идей!

— Тем не менее наша страна страдает от одной проблемы, от которой мы спешим избавиться: очень низкий уровень политической культуры масс. Видите ли, иногда М. С. Горбачев пытается достичь быстрых результатов, но нужны люди, которые массово понимают высокий уровень политического мышления. На протяжении многих лет мы жили в мире утопий. Делу обстояло так: вам нужен коммунизм, скажем, послезавтра — вы его получите, а также и все остальное, что вам захочется. По крайней мере иные руководители моей страны стремились воспитывать своих граждан политическими несмышленицами.

М. С. Горбачев начал выступать с реалистических позиций и попытался сказать народу: вы это получите — не сейчас, может быть, завтра или послезавтра, но прежде всего необходимо работать. А политическая культура слушателей иногда мешает понять, как много надо работать.

Всегда ли вы в Швеции чувствуете, что люди понимают вас, что вы пользуетесь их поддержкой, или что ваши важнейшие шаги находят у людей понимание? Интересуются ли сейчас шведы международной политикой? В нашей стране все сейчас стали политиками, а у вас?

— Позвольте мне вначале сказать, что я смотрю на господина Горбачева как на одного из крупнейших государственных деятелей в мире. Он великий политик. Возникает проблема, стоявшая ранее перед большинством государственных деятелей: когда они сталкиваются со внутренними проблемами, они первым делом создают внешние проблемы — создают внешнего врага для того, чтобы обеспечить единство народа. Но вы не стали на этот путь, хотя я понимаю, что в Советском Союзе существует множество проблем. Стоит множество задач, во многом прошлую политику необходимо исправлять. Вам об этом известно. Но одновременно Горбачев пытается решить и внешние проблемы мирным путем. Это вызывает у меня восхищение. И мы заинтересованы в том, чтобы политика перестройки и гласности продолжалась. Но если вам удастся разбудить еще и активность людей, они должны будут высказать свое мнение. То, что они скажут, должно влиять на политическую жизнь, чего, по-моему, не происходило в советской истории в прошлом.

Вы сейчас пытаетесь создать в Советском Союзе новую атмосферу, пытаетесь активизировать людей. Имея информацию о происходящем, они могут участвовать в процессе управления. Но они к этому не привыкли, понадобится время. И я надеюсь, что у Горбачева и всех вас хватит терпения. Это также и вопрос образования. Народ некогда был крепостным. Я использовал слово «крепостные», а не «рабы», поскольку у вас не было рабов. Но вскоре им, может быть, нечего будет сказать, не из чего выбирать, они не будут иметь возможности собираться...

Не мы должны определять систему управления, а народ. Итак, люди получили свободу и обнаружили, что они личности, которые могут влиять на политическую жизнь.

— Весьма интересно, но кажется, что одна из главных нынешних опасностей — это глупый богатый человек. Советский Союз, возможно, одна из последних по-настоящему читающих и слушающих стран. Но многие люди боятся, что вы, за границей, будете становиться все богаче, будете покупать и производить дешевые видеомагнитофоны и пластинки с записями металлического рока. Мы ринемся следом за вами. А культура умрет...

— Необходим высокий уровень политического мышления в обществе. Да, есть люди, которые становятся богаче и богаче, которые свободно пересекают границу Швеции, ездят по всему миру. И в этих условиях патриотизм остается на высоком уровне. Патриотизм и очень личная, повседневная любовь к своей стране. Одновременно эти люди становятся ближе к банкам, а не к своей, так сказать, исходной природе — фольклору, шведским корням и всему прочему. Возникает проблема, начинают появляться политические богачи, больше становится богатых людей, далеких от традиционной культуры и традиционной системы отношений. Они начинают чувствовать себя ближе к механическому миру, просто к хорошей жизни. Их волнует только уровень жизни — и ничего больше. Есть ли связь между политической культурой и общей культурой, между уровнем благосостояния и уровнем мировоззрения?.. Как связано отношение к литературе и любовь к стра-

не? Существует ли она? Ваш опыт должен дать ответ на этот вопрос.

— Разумеется, существует опасность того, что по мере обогащения люди будут становиться все более эгоистичными. Они все меньше будут интересоваться проблемами других людей...

— Эта дилемма связана с вопросом образования. Я часто говорил о единении, солидарности с людьми, не имеющими квалификации, бедными людьми. Такая же проблема стоит перед богатыми. Если общество станет лучше, уменьшится опасность того, что социальная культура разрушится, начнется хаос и борьба между классами. В Швеции более состоятельные не очень-то интересуются, как живут бедные. На протяжении многих лет утверждалось, что, если уровень жизни в Швеции повысится, социализм будет становиться все менее привлекательным. Такой опыт мы получили.

Я слышал выступление молодых, которые называют себя радикалами. Они утверждали, что бедные — «неудачники», отстающие от темпа жизни, а это та цена, которую надо платить за быстрое повышение уровня жизни. Мы не согласны с такой ценой, никогда мы с ней не согласимся. Здесь также вопрос общей культуры.

— Мы сейчас пытаемся решать вопросы комплексно — международные дела, внутривнутриполитические дела, общая культура, культура международных отношений. Все они взаимосвязаны, и, может быть, иногда уровень контактов между руководителями может углубить этот процесс, даже внешняя политика может стать более открытой. Она, по сути, стала наиболее открытой за последние годы, люди начинают говорить...

— Наблюдать за вашими переменами замечательно. Когда я впервые посетил Советский Союз, это была очень молчаливая и гордая страна, там не говорилось о бедах и проблемах. Сейчас она стала совсем иной. Началось обсуждение проблем.

— Рассказы о процветании Швеции часто можно услышать в нашей стране. Я рад, что у меня есть возможность открыто беседовать с вами. Быть может, вы хотите обратиться к советскому народу? Передайте слова надежды, слова предостережения, любые слова...

— Мы соседи, очень хорошие соседи. А хорошие соседи должны сотрудничать между собой. Мы можем научиться друг у друга гораздо большему, чем раньше. Надеюсь, гласность и перестройка не станут временным явлением, СССР продолжит свою богатую культурную жизнь, страна будет развиваться, а коллективные решения будут носить такой характер, когда люди получат возможность сами решать свои внутренние проблемы. Именно так мы пытаемся развивать наше общество. Я надеюсь, на всех уровнях советский и шведский народы будут развивать сотрудничество между собой, увеличится количество советских граждан, приезжающих в нашу страну, все больше шведов будут учить русский. Чтобы мы могли разговаривать не на английском, а на шведском или на русском.

Сегодня шведы все больше и больше узнают о русских... Мы сейчас объединились вокруг проблемы Балтийского моря, перед нами стоит общая задача спасения Балтики от экологической угрозы. Многое предстоит сделать сообща, а когда мы будем работать совместно, я думаю, мы станем друзьями. Все мы люди и очень похожи друг на друга...

— Благодарю вас, господин министр.

ДА НЕ ОСКУДЕЕТ РУКА ДАЮЩЕГО...

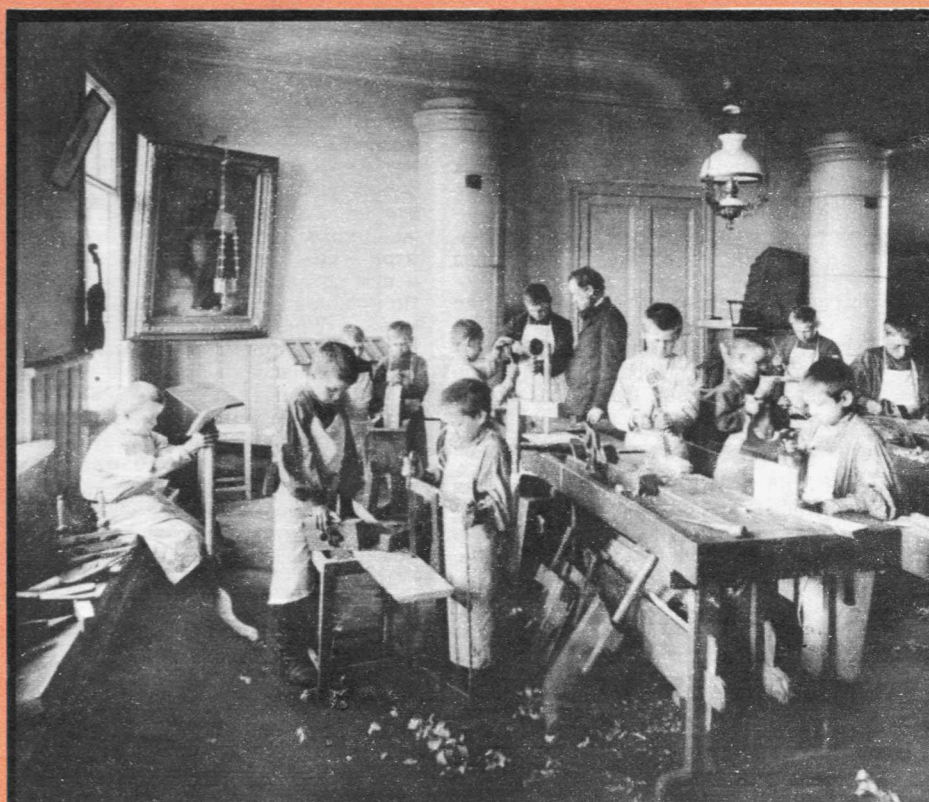
В третьем издании БСЭ понятие «благотворительность» отсутствует. Это естественно. Вековая российская традиция общественного призрения в 20-х годах была прервана. Слепая вера во всемогущее государство, которое всех накормит, утешит и обогреет, позволяла не замечать, как много среди нас людей слабых, больных, увечных, одиноких и просто сбившихся с пути, потерявших кров и работу, тех, кто без нашей помощи уже не поднимется на ноги.

Сейчас, когда наше общество оживает для самостоятельной деятельности, вновь пробился на свет чистый родник милосердия. Надо помнить, что пожалеть ближнего — не значит его унижить, жалость и сострадание, воплощенные в добрых делах и заботе о человеке, — это часть нашего исторического наследия. Гражданская война, в огне которой сгорели все благотворительные попечительства и странноприимные дома,

еще живет в психологии нашего общества, осколки ее жестокости и непримиримости еще сидят в сознании советского человека, а постоянная изматывающая борьба за самые необходимые условия быта не способствует смягчению нравов.

Сегодня можно услышать, что благотворительных фондов у нас уже слишком много. Так вот по сравнению с дореволюционной Россией у нас ничтожно мало и фондов, и средств, и людей, особенно молодых, желающих принять посильное участие в подвиге милосердия.

В начале нашего столетия в Москве и Петербурге с большой пользой работали десятки благотворительных обществ. Здесь и мощное Ведомство императрицы Марии Федоровны, основы которого были заложены женой Павла I, императрицей Марией Федоровной, пожертвовавшей из своих средств на женское образование и девочек-сирот около 4 миллионов рублей — для 1828 года огромная сумма! Это ведомство ежегодно брало на воспитание и обуче-

ние до 21-летнего возраста 100 000 младенцев; оно имело 176 приютов для взрослых детей, 21 школу для слепых детей, Мариинские институты и училища для девочек, 31 женскую гимназию, всего не перечислить — более пятисот учреждений с годовым бюджетом в 13,5 миллиона рублей — около 25 процентов из госбюджета.

Инвалидный капитал в 1892 году достиг 21,7 миллиона рублей; в Москве, помимо городского попечительства о бедных, существовал Странноприимный дом графа Шереметева, Московское общество помощи женщинам, учреждения Московского дворянства, Общество попечения об учащих детей, приходские попечительства о бедных, Московское особое присутствие по разбору и признанию нищих...

В Петербурге Российское общество защиты женщин имело отдел попечения о еврейских девушках Петербур-

га, деятельным было Мусульманское благотворительное общество, работало попечительное общество о 1-м ночлежно-рабочем доме бесприютных детей и подростков мужского пола, петербургское трудовое убежище для беспризорных девочек, по принципу землячества было организовано петербургское общество вспомоществования учащимся-вологжанам.

Для оказания продовольственной благотворительной помощи населению местностей, пораженных неурожаем, была создана общеземская организация, развернувшая сеть льготных и бесплатных народных столовых.

Кажется, никто не забыт — от покинутого младенца до глубоких стариков.

Не будем касаться недостатков в организации благотворительности в России — они были и они, увы, трудноизживаемы.

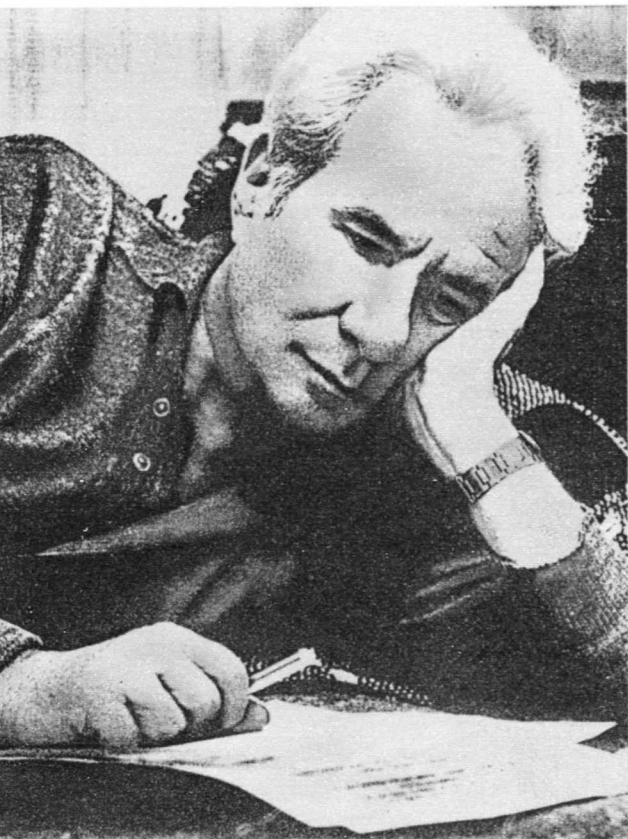
Но совершенно очевидно, что благотворительность была разветвленной системой со значительными материальными средствами и непрерывными ежегодными отчетами в их расходовании. Помощь бедным, больным, нетрудоспособным оказывалась существенная и разнообразная: инвалидные и ночлежные дома, приюты, коечные квартиры, народные столовые, богадельни, школы и другие учебные заведения, профессиональное обучение, денежные и натуральные материальные пособия, отправка на родину, бесплатная медицинская помощь и бесплатные лекарства...

Благотворительность в нашем обществе из одних частных пожертвований не разовьется. Большинство населения живет от зарплаты до зарплаты и едва сводит концы с концами. Во многих странах деньги, вложенные в благотворительность, позволяют заметно снизить сумму налога с прибыли. В дореволюционной России в основе многих крупных общественных благотворительных фондов лежал неприкосновенный капитал, выделенный из казны или из бюджета местных органов самоуправления. Может быть, нам следует создать налоговую систему, при которой ведомства-монополиям, предприятиям-монополиям будет выгодно помочь воссозданию отечественной благотворительности, ибо мы не можем ждать милостей от государства, и самая неимущая и обделенная часть наших сограждан тем более не может ждать, жизнь уходит...

Мы мучительно медленно возвращаемся к милосердию, благотворительности и даже любви к ближнему.

Ю. ГАВРИЛОВ

ОДНОМЕСТНЫЙ ТРАМВАЙ

Александр ВОЛОДИН

Записки несерьезного человека

се с ума посходивши. Все с ума посходивши. Все с ума посходивши с ума. Проба пера.

Рыба теперь гниет не только с головы, но и с хвоста.

Все больше вампиров, все меньше доноров, нехватка крови.

Любящие люди сосут нас больше, чем остальные, за это и любят.

Прежде Россия славилась пушниной, лесом и бабами. Теперь бабы стали деловые, волевые, да и корыстные. Прежде, когда становилось постыло, все могла заменить одна женщина. Теперь эту одну найти невозможно. Может, потому, что глаз приглядется, чувства притупились, бдительность ослабла. Если и мелькнет такая, ты ее и заметить не успеешь.

Да и мужики. Тех, кто не мог жениться (война), сменили те, кто не хочет жениться. Еще чего, взваливать на себя? Хватит и без того.

У интеллигенции вместо идей и страстей — сплетни. Называется информация.

В искусстве размножились дегустаторы. Этак, язычком: Ц.. Ц.. — устарело это, сейчас нужно вот что... Прежде сверху указывали, каким и только каким должно быть искусство. Теперь прогрессивные дегустаторы решают, каким и только каким оно должно быть. Одноместный трамвай.

Сейчас, например, надо, чтобы было страшно. В черных машинах, в бежевых дубленках приезжают посмотреть спектакль из жизни коммунальных квартир, из жизни насекомых.

Правда, война была все же страшней, чем даже такой театр.

Но время — само время насколько стало умней! Так высветило прежнюю нашу глупость! И в мыслях, и в разговорах стало возможно все. Почти. Только понимаем мы теперь еще больше, чем.

Для нас, учеников 33-й школы роно на 1-й Мещанской, предвоенные годы были безоблачны. Было уже ясно, что мировая революция не за горами, хотя немного и удивляло, что это там рабочий класс медлит.

Как хорошо однажды понять, что ты — человек прошлого. Знакомые думают, что они знают тебя, а на самом деле они помнят тебя. Женщины прошлого красивы, деревья прошлого густы. Переулки прошлого, праздники прошлого, дожди прошлого, книжки прошлого... Стать человеком прошлого в старости — поздно, когда ничего нет в настоящем, то и прошлое не поможет. Но сейчас, когда можно еще жить настоящим, хорошо бы не зависеть от него. Да и от прошлого можно не зависеть. Пускай оно зависит от меня. Каким я его вспомню, таким оно и вспомнится.

Когда мы влюблялись, не казалось ли нам, что это — на всю жизнь? Сколько раз мы ошибались в этом. Когда мы переходили на новую работу, не радовались ли мы обилию новых людей, возможности новых дружб, новых знакомств, новой жизни, непохожей на прежнюю? А когда мы привыкли к этим людям — как разочаровывались. Сначала в этом человеке, затем в том, как стали безразличны многие, а другие остались такими же незнакомыми, как прежде. И только несколько человек, а когда мы немалоды — один или два оставались нам друзьями. Так мало...

Печорин презирал свет. Сейчас свет тоже существует. Более того, существуют два света. Есть Правый Свет и Левый Свет. Нечуждый культуре Правый Свет. И — Левый Свет, который в курсе того, что недостойно, что прилично, что интересно. Причем представители того и другого Света все чаще переплетаются, врастают друг в друга. Все трудней различать, кто представитель какого Света. В одном лишь и тот и другой Свет солидарны полностью: «Когда все это наконец кончится!»

Сын спросил: «У тебя так бывает? — Вот, ты знаешь, впереди будет что-то хорошее. А что хорошее — никак не вспомнить. Но что-то хорошее будет». Было у меня так, было. Очень давно. Теперь же наоборот: знаю, что впереди что-то плохое. А что именно, точно не знаю.

Когда я попал в госпиталь, на спинку койки был намотан провод с едва слышным радионаушником. Превозмогая свое плачевное состояние, я прижимал его к уху и слушал нечто, напоминавшее музыку. Я не слышал ее с начала войны, забыл, что она существует. Звуки музыкальных инструментов еле еле складывались в мелодию. Но она была, где-то там, существовала!

Теперь музыка со всех сторон — по телевидению, по радио — не слышу, нет ее нигде.

Раньше падал духом с высоких мест. Вздирался на них долго, а падал легко и ненадолго. Теперь же особенно высоко не взбираюсь. К чему? Все равно падать. И сами-то по себе эти вершины, откуда я теперь падаю духом, прежде служили теми местами, куда я падал духом сверху.

Из-за чего только не мучился! Из-за того, что обидел — нечаянно, и не думал. Из-за того, что опоздал, не сумел, сказал глупость, поступил глупо. Из-за женщин, порядочных и непорядочных, из-за порядочных больше. Из-за друзей, близких и не очень. Из-за близких больше. Никогда не мучился только из-за одного: из-за того, что мучаюсь понапрасну. А жизнь между тем идет, проходит...

Еще один день рождения. В детстве поздравляли старшие, и твоя жизнь становилась для тебя значительной, праздничной... Старших нет. А поздравления младших не поднимают тебя, как прежде, в собственных глазах.

Тягостные эти вопросы: «Над чем вы сейчас работаете?» Что отвечать? Много лет еще надо придумать, год за годом. Уж уклонялся — некоторые не дают, настаивают. «Я не люблю об этом говорить?» Самому стыдно. Решаюсь говорить правду: «Ни над чем не работаю». Попробовал — думают, что это просто шутка, чтоб отвязались. А я ни над чем не работаю. Пью больше.

...Небезопасное тяготение к спиртному у меня, как и у многих ровесников, отчасти появилось еще на фронте, с так называемых фронтовых ста грамм, тем более что, как правило, их доставляли нам на то количество личного состава, которое было до потери, так что могло получиться вплоть до пятисот на рядового. Но теперь мой знакомый, бывший алкоголик, сказал, что я уже не сопьюсь, потому что не

Киносценарии и пьесы «Огонек» не печатал и впредь печатать не намерен. Но с удовольствием предоставил бы свои страницы драматургам и сценаристам, но они, как правило, редко изменяют своему жанру... С Александром Володиным сотрудничать проще: взяли и опубликовали его стихи, благо известный драматург до сих пор иногда сочиняет в рифму. И не только, судя по тому, что вы сейчас прочтете. Не беремся судить о жанре, но для нас очевидно, что «Записки несерьезного человека» не «Старшая сестра», «Пять вечеров» или «Осенний марафон»... Это — другое.

Отдел литературы

позволят возраст и состояние организма, он будет сопротивляться. Мне семьдесят лет. Какой ужас, а?

Беда в том, что я, когда чуточку не выпью,— не человек. То есть вялый, скованный, малоинтересный. Если же немного приму, то становлюсь раскованным, с чувством юмора и любовью к рядом сидящей женщине. Тогда мне и со случайными людьми хорошо и им со мной хорошо.

А потом началась настоящая война. В расчете на наши винтовочки образца 1891/30 гг. Против автоматов и минометов и «мессершмиттов» и радиосвязи и окружений.

Душа, однако, дожила до мира. Правда, захирела, стала почти невидимой глазу. Правда, мир получился не ослепительный, как ожидалось, а почему-то тусклый и опасный. Словно бы изнанка войны. Душу, словно бы по привычке, все топтали и поносили, и приустила она. Вот с этой, усталой, и живу.

Сначала она пылала. И была за это исключена из пионеров под барабанный бой. А потом из комсомола под скрип перьев. Потом попала в прокрустову армию, и там ее проучили. Она сделалась в точности похожей на все другие солдатские души — компактной, готовой в любой момент. И вот — первый момент.

В сороковом году наш полк, стоявший в Полоцке, был поднят по ночной тревоге. Куда-то ехали в грузовиках. Заняли боевой порядок перед границей какой-то страны. Указаны цели: дом со шпилем на башне, лесок с отдельной сосной. Но за час до назначенного срока объявили приказ огня не открывать, а перейти границу мирно. Так мы и сделали...

Ачу* Литве!

Ачу тем, кто на улице приветливо отвечает, как пройти туда-то и где что находится.

Ачу за то, что никто не напомнил мне, как наши войска перешли их границу в сороковом году.

Ачу поэту Мартинайтису за строки стихотворения:

*Как похожа Литва на Литву!..
И никто не сумел истребить
это литовское сходство.
Сколько войн прокатилось —
все равно уцелело небо,
похожее на Литву.*

Ачу женщине, которая сказала мне по-русски: «Всего доброго». А я не сообразил ответить ей: «Ачу».

Но —

Кровопролитие в Грузии. Резня в Карабахе. Кровь в Узбекистане. Народные депутаты Съезда встают, почитая память погибших.

А Афганистан? А Венгрия 56-го года? А Польша 81-го года? А Катынь? А самосожжения в Чехословакии, в Литве? Так и стоять депутатам?..

В конце шестидесятых примерно годов я написал пьесу о стране, где живут шестьдесят семь человек, она вымирает. Это чтобы были понятнее некоторые процессы, которые мне виделись в далеком будущем, а, может быть, ничего этого не произойдет. Олег Ефремов понес эту пьесу в Министерство культуры, но там, прочитав, сказали ему: «Вы нам этого не давали, мы этого не видели». Это по тем временам было еще благородно. В пьесе было про то, что у нас произошло сейчас и называется «перестройка». Однако там была и такая сцена, где все возвращается к прежнему. Я ее вычеркнул, и года два назад эту пьесу легко напечатали. Но теперь я бы эту сцену вернул.

Три года довоенной казармы, непрерывное неодинокчество. В Полоцк отпускали по увольнительным хорошо если раз в четыре месяца. Полагалось бы чаще, но в воскресенье обязательно обнаруживалось нарушение дисциплины где-нибудь в городском гарнизоне, и увольнительных лишались все. Вырвавшись наконец по увольнительной в город, мы лихорадочно ходили по улицам и садикам Полоцка в бесплодной жажде знакомства. По воскресеньям женщины и девушки старались не выходить на улицу. Те, что выходили, знакомились только с офицерами. С рядовыми совсем уж какие-нибудь убогие. Садовые разговоры были однообразны, никто не пытался нарушить этот ритуал: «Ну, расскажите что-нибудь». «А что мы расскажем, мы дома сидим, а вы всего повидали, вы и расскажите». «А что нам рассказывать, мы в казарме сидим, мы вас слушаем»...

* Ачу — по-литовски спасибо.

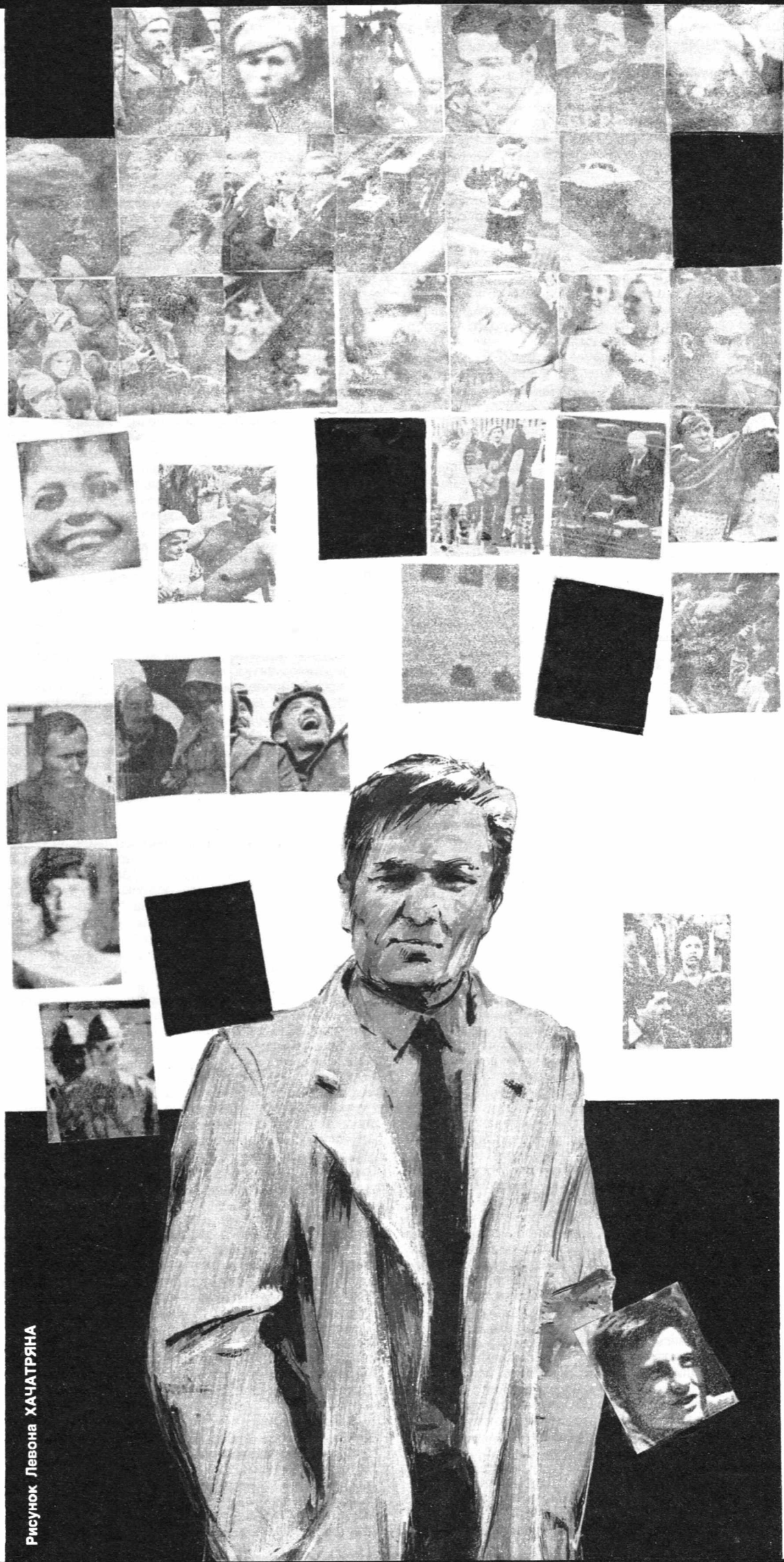

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

Известие о войне — счастье! День пути, и заграничные страны! И победа, и гражданка, и свобода!..

Пятидневный отпуск с фронта! Домой! В тыл! Со справкой, выданной на руки комиссаром! И я получил это! В сорок третьем году! И все смотрели на меня, и все говорили обо мне, и каждый примеривался, что бы он делал эти пять дней дома! И подмигивали мне, и говорили про тех баб, которых в тылу полным-полно, которые только и ждут! Чтобы отдаться! Пять дней!

Пропускаю дорогу, потому что не в ней дело. И вот Москва. И останавливает патруль. Дело в том, что у меня была медаль «За отвагу», но вместо нее еще не распространенная тогда, в то время, планка, сероватая с голубыми полосками по бокам. А медаль у меня нечаянно сорвалась с колечка, когда я выпрыгивал вшей из гимнастерки, после того, как обжарил их на костре. Медаль, главное, тогда еще нечаянно, на красной, прежде еще, колодке. Я искал ее в траве, да так и не нашел. И вот планка внушила подозрение патрулю. В районной комендатуре мне дали метлу, и первый день отпуска я провел, подметая там двор.

Потом отпустили. Пошел на Сухаревскую площадь, там до войны жили родственники, у которых я жил. Простите за нескладность выражений.

По улицам, как ни странно, ходили военные с портфелями. На фронте я знал, что в тылу остались только самые одаренные, необходимые родине люди. Страшно было подумать, чем я смогу заниматься там, если останусь в живых. И вот я на углу Колхозной (наоборот, Сухаревской, теперь Колхозной) площади и Первой Мещанской (проспект Мира). Поднялся на второй этаж по грязной лестнице — дверь забита, родственники уехали неизвестно куда. Тогда я пошел на Гоголевский бульвар, где жила моя мачеха, верней, даже не мачеха, потому что она поставила условие отцу, что выйдет за него, но без ребенка. Поэтому я и жил у родственников.

По дороге я, конечно, смотрел только на женщин — их тоже было много на улицах, но они были все озабочены и, судя по всему, кому-то уже принадлежали. И никто из них даже не подал намека, что хочет со мной познакомиться.

Мачеха оказалась дома. У нее было слегка одутловатое лицо, интеллигентное. Нос был тоже интеллигентный. Ходила она утиной походкой, поклеивая головкой. Она впустила меня и заплакала. И у меня ком в горле. Стал доставать из вещмешка сухой паек. Там была свинья тушенка, и сухари, и шпик, и много чего еще на пять дней. Она так смотрела на это, что я выложил все на стол и, чтобы она могла поевать без меня, не стыдился, вышел на Гоголевский бульвар. Когда вернулся, она уже все аккуратно сложила и опять заплакала. Мне стало стыдно, что я плохо о ней думал. На ночь она мне постелила на кушетке и стала рассказывать, как она не хотела идти за папу, потому что он был намного старше. Но она думала, что он обеспеченный человек, а оказалось, что он даже необеспеченный человек. А она работала машинисткой, и ее один генерал называл статутка.

На другой день в этой коммунальной квартире обнаружилась девушка. Но мачеха предупредила, что она проститутка. Она была некрасива, но не так, как бывают некрасивы студентки или домохозяйки. Я понял, что могу полюбить ее, уже люблю. Но мачеха заметила это и сказала, что она больна дурной болезнью и к ней ходит лейтенант. «А как же лейтенант?» — спросил я. «А лейтенант тоже болен. Сначала хотел ее убить, а сейчас они оба лечатся».

Вот так жил у мачехи, на улицу старался не выходить, а то заберет патруль. На третий день мне захотелось обратно. Но приехать на день раньше — ну это просто стыд будет перед всеми. Что скажу? Прожил еще один день и вернулся в часть, которая была на переформировке. И стал врать. Ведь это за них я побывал дома! За них за всех! Любкой из них получил бы столько радостей за эти пять дней! Это я должен был!.. И рассказывал, с кем я и еще с кем и что она и что та...

Когда начались сомнения? Когда началась отдельная от государства жизнь? Точнее сказать, не мы от него отделились, а оно от нас отделилось, дало понять, что не нуждается в наших мнениях. А нам — то и дело стыдно за него. За другие государства не стыдно, они не наши, а за это стыдно, потому что оно наше, и все, что оно делает, — это как бы мы делаем, и все, о чем оно врет, — это как бы мы вьем. Нет, понять можно, ну — люди там, в правительстве, не очень умные, никак не могут сообразить, не получается. К тому же, например, в бараке на пятьсот человек труднее навести порядок, чем в квартире на троих. Словом, много объяснений можно найти.

Вопрос: почему отшельники удалялись от людей? Раньше я думал, потому, что все люди греховные, значит, подальше от них. На самом же деле вовсе не так. А потому, что он, отшельник, среди людей то и дело допускает плохие, грешные, как говорится, поступки, сам того не замечая иногда! Отшельники бежали от своего соблазна обидеть, согрешить, как говорится. Соблазны, конечно, внутри нас, но возможность этот соблазн осуществить — она только среди людей.

Составляю списки, перед кем виноват. Прошу прощения. Некоторые даже не понимают, забыли, за что. Но есть такие, у которых уже просил прощения и обижал снова. Грех не случается, а совершается. В результате всего предыдущего, всей жизни твоей. Позвонил по этому поводу Яше, святому человеку. А он говорит — да это у каждого есть! Думаешь, говорит, у меня нет? У него?.. Это меня сразило. Раз у всех, и особенно с возрастом, такие мысли, значит, еще ничего. Значит, пришло время искупать, каяться. Но перед кем? Материалистическое воспитание... Вот в чем сложность.

Рабовладельческий строй сменился феодальным и так далее. Сейчас, на новом витке истории, он возрождается. Все многочисленный клан людей, которым необходимо рабовладельчески властвовать. Нельзя над многими — пусть хоть над кем-нибудь, хотя бы даже временно, ненадолго. Для этого им не нужны действительно зависимые от них люди. Ради того, чтобы добиться подчинения, рабского служения себе, они сами готовы унижаться, симитировать, а то и на самом деле тяжко, мучительно обидеться, вымолить, только без свидетелей, наедине. На людях эта иерархия восстановится.

Как обычно, спрос рождает предложение. Тут — добровольное. Растет, ширится порода тех, кто подогретен уже к зависимости. Кто своей интеллигентностью, своими комплексами, своей неспособностью разгадать дьявольские хитрости. А кто — вообще привычкой жить в условиях молчаливого рабовладельческого вика истории.

Рабство последних у предпоследних (по положению), рабство нижележащих у среднесидящих, рабство среднесидящих перед вышестоящими, рабство вышестоящих перед еще более высокостоящими.

Гении поэзии не подведомственны рабству. Вся мощь государственной машины обрушилась на поэта, по годам уже старого (правда, такой поэт выше возраста), аполитичного (правда, такой поэт выше политики), непонятного народу (правда, такой поэт выше способности всего народа его понять), — государство во главе с Хрущевым обрушило всю свою силу на него — и все! это! рухнуло перед ним! Призвавшим себя побежденным, попросившим не выдвигать его за пределы его родины. Это Пастернак, если непонятно. Это лягушка на болоте, как выразился кто-то из простых рабочих словами кого-то из простых журналистов. Это — «кто такой Пастернак, что-то не слышал». Сейчас не упомянуть Пастернака, если речь идет о поэзии, просто неприлично. И непатриотично.

Другой поэт, женщина, прибывшая к родине. Уничтожила себя сама. Ничего не имела против родины своей. А пятно этой гибели осталось на родине, до сих пор отмываем, никак не отмывется до конца. Это Цветаева.

У каждого свое страдание. Геннадий Шпаликов, писатель светлого молодого дара, в течение двух-трех лет постарел непонятно, страшновато. Встретился в коридоре киностудии. Он кричал — кричал! — «Не хочу быть рабом! Не могу, не могу быть рабом!.. (Далее нецензурно)». Он спивался. И вскоре повесился.

Неполноправная долгая моя жизнь у родственников. Потом долгая неполноправная жизнь в армии в мирное еще время. Тогда многие годы никого не демобилизовывали в ожидании войны.

Правда, постепенно воинская дисциплина становится привычной, и вот мне, рядовому, доверяют заниматься строевой подготовкой с подразделением — вперед до пояса, назад до отказа, носочек тридцать сантиметров от земли.

И война первых месяцев — с марсианами, в расчете на то, что гусеницы их танков поскользнутся на нашей крови. И госпиталь с палатой на пятьсот человек — кто мог добирался, писал в консервную баночку, которая стояла посередине.

Когда-то я писал сценарии для кино. И вот пришлось приехать в Дом кино, в Москву на премьеру фильма, поставленного по моему сценарию. Мне не хотелось ехать. На торжество по этому поводу, который того никак не стоил. Беда в том, что я всегда тороплюсь кончить работу и тогда уже смотрю, что получилось. Но после того, как кончишь, уже неохота смотреть, что получилось. И получилось ли вообще

что-нибудь. Поэтому может получиться так, что получилось совсем не то, что ты думал. Так вышло и на этот раз. Но если бы я не приехал, то обидел бы киностудию, которая не виновата же, что у меня что-то не получилось. Но я-то все равно понимаю, что написал плохой сценарий. И причины этого я сам уже знаю. Он получился плохой помимо моей воли. Когда писал, я думал, что он будет хороший.

И вот теперь надо выйти на сцену перед экраном вместе со всей группой и стоять там, демонстрируя свое мучительное лицо. Вышел, отстоял. И только одно все время думал: все забудется, все уйдет в прошлое.

А после картины, после стыда этого группа поднялась в ресторан, он там наверху, на застолье по поводу картины. А я рестораны эти терпеть не могу. Гордые официанты, тосты и все такое. Надо было сказать тост и поблагодарить всех. Но я сижу, молчу, пусть первый тост скажет кто-нибудь другой. А после того, как я охмелею, вообще все станет проще. А потом пройдет какое-то время и вообще все это забудется, уйдет в прошлое. Но режиссер постучал ножом и объявил, что я хочу сказать тост. А что говорить? Говорить-то что? Но так принято. И вот встаю и говорю нечаянно то, о чем думал все время:

— Все забудется, все уйдет в прошлое...

Но было шумно, кто-то еще праздновал что-то еще, и мне закричали:

— Громче, не слышно!

Но раз я так уже начал, то и повторяю как попугай, уже громче:

— Все забудется, все уйдет в прошлое!

Тогда кто-то распорядился:

— Дайте микрофон, микрофон попросите!

С эстрады мне дали микрофон на шнуре. Но я не знал, что он так усиливает звук.

— Все забудется, все уйдет в прошлое!..

И больше ничего не могу добавить, такой рев получился. Да и мыслей других больше нет.

Наверное, подумали, что я пьян. А я тогда — совсем немного, просто чтобы отключиться.

Об этом трудно, об этом надо. Давно это было. Травили Зоценко.

В «Огоньке» прочитали статью о том, как его заставили каяться (в ленинградском Доме писателей). Английским студентам, которые спрашивали, согласен ли он с ждановским постановлением о нем и Ахматовой, он сказал «Нет». Вот за это. После его выступления двое в зале решились зааплодировать ему, один был Меттер, другого Гранин не помнит. Другим был я. Меттер был редактором моей первой книжки, мы стояли где-то сзади, у дверей. Аплодировать, в общем, было неуместно, сейчас поймете, почему. Но все же это означало бы, что зал принял и одобрил покаяние.

На сцене сидели приехавшие из Москвы на это мероприятие Кожевников и Симонов, сидели в президиуме. Симонов — вальяжно облокотился на белую руку. (Как любили мы его стихи на фронте, как ждали их!) Зоценко не каялся, а пытался объяснить. Долго. В войну его попросили написать что-нибудь смешное, для детей. Пусть голодные, холодные хоть повеселятся. Он написал про обезьяну, которая убежала из зоопарка. Напечатали в журнале «Звезда». И вот уже много после войны Жданов написал статью, которая стала постановлением партии и правительства, где представил это произведение как злобный пасквиль на советских людей. (Как продуманно, по-иезуитски соединил «пошляка» Зоценко и утонченную врагиню народа Ахматову. Получалось, что между этими полюсами уже всякое писание подзирательно.)

Закончил Зоценко страшно. Крикнул в зал: «Не надо мне вашего Дружина, не надо мне вашего сочувствия, дайте мне спокойно умереть!» (Дружин был редактором журнала «Звезда».) Этого крика, этих слов не забыть. У сидевших в зале были гримасы страдания на лицах. У всех. Вот тогда Меттер и я захлопали. В тишине. На что вальяжный Симонов, грассируя, проговорил: «Ну вот, два товарища в задних рядах присоединили свои аплодисменты к аплодисментам английских буржуазных сынков».

В «Сентиментальных повестях» герои Зоценко жалки, ничтожны, бесталанны. Неспособны оценить любовь к себе, неспособны одарить своей bestолковой, беспомощной любовью других. Жизнь постепенно лишает их всего: веры в себя, крова, денег, к концу каждого рассказа они голы, нищи перед собой и перед другими, любившими и любимыми некогда. Зоценко как бы приравнивался, примерял себя к ним, лишенным права голоса в свою защиту. Вот тогда, в том зале его собственная мучительная жизнь прокричала о себе сама.

Только ранним солнечным утром и может это приниться. Дождь по крышам подъездов (тогда еще

были навесы над подъездами). И дождь по крышам домов. По сиротливым (всю ночь под этим дождем) деревьям. И черное небо, потому что снится ночь. Но окна почему-то все освещены. Там за ними живут люди, которым ты необходим (во сне ты совсем молодой). И они, люди, тебе тоже необходимы. Но сейчас мы друг другу еще неизвестны. Но потом в будущем ты отдашь им свою жизнь и будешь умирать под этот белый шум дождя, а они выйдут из-за окон и будут тихо стоять вокруг.

Это я пишу на трезвую голову, потому что винные магазины открываются с двух только, а запастись забыл.

А когда не забываю, то прячу бутылку, чтобы сын, он еще учится в школе, не увидел, что я выпиваю по привычке прямо с утра. Причем однажды он ее увидел (бутылку). Тогда я начал прятать ее в разные места. Но вдруг, проснувшись, стою посреди комнаты и вспоминаю, куда же я ее спрятал вчера. А сын говорит: «Папа, она там». Значит, он знает! Но все равно стыдно, и прячу по-прежнему в разные места, но уже стараюсь не забыть, куда.

Если сказать встречному человеку «Доброе утро», то он подумает, что мы знакомы, просто он позабыл, и ответит «Доброе утро», и улыбнется, так уж принято. А потом наступит время, когда можно уже сказать «Добрый день». Можно тем же самым людям. И они ответят «Добрый день», и, возможно, еще раз улыбнутся. А чуть начнет темнеть — я им: «Добрый вечер». Были такие, которые улыбались по три раза за день. А сегодня один спросил: «Батя, где тут винный магазин?» Как хорошо спросил! Как будто мы с ним давно уже свои. «Да вот, — говорю, — рядом!» Он обрадовался, что близко, улыбнулся и сказал: «Спасибо, батя».

Когда я начал становиться таким? В армии? Нет, совсем нет! Были тогдашние солдатские, родные, единственные друзья. А вот после войны... Нет, друзья появлялись и тогда еще, вспыхивали вдруг ярко, восхищались, ошеломляли, казались, вот этот — навсегда, такого еще и не было! Живите у меня! Зачем в гостинице! Приезжайте с женой! А я приеду к вам!.. Обманы, пустые надежды.

Некогда были слова: «звезды», «небо», «счастье», «самоубийство». Теперь вместо них слова все простые, а тех — нет и в помине. Первая Мещанская (теперь проспект Мира) зимой была белая внизу и черная со звездами в вышине. Мерцали звезды наверху, мерцал снег на мостовой. Когда-то. До войны спектакли в театрах шли с занавесом. За ним была тайна, гнездились неведомое. Вот сейчас оно оживет, но не сразу станет понятным, а постепенно, когда занавес начнет утомленно сдвигаться... Когда-то.

Видимо, я был запрограммирован на тот возраст. Как жить в теперешнем — не знаю.

А скромность? Пресловутая эта скромность. Не зря говорят: унижение паче гордости. Я, мол, вот какой скромный. А вы, мол, вот какие гордые. Не говоря уже о том, сколько ненужных обид и неудобств она доставляет самому «скромному». Сколько очередей он выстоял напрасно, не спросившись, необходимо ли их выстоять. А иные очереди по скромности выстоял дважды! А сколько людям, неприятным и чуждым, он подчинялся просто из боязни задеть их самолюбие, оказаться в их глазах гордым. Сколько раз сопровождал их бог знает куда и зачем, занимался их неинтересными занятиями, играл в их тоскливые игры, проводил с ними их пустынное время, поил их, веселил и развлекал их, а то и хуже, отдавал им то, что самому было важнее. Как торопился отдавать! Чтобы не подумали, что жалею! Но потом, потом — вот что главное — как бежал, как скрывался от них! Завидя вдали, переходил на другую сторону улицы и обращался в бегство у них на глазах, и они не понимали, в чем дело, они уже успели привыкнуть к нему, полюбить его скромность и готовность на все.

И все же. Все же. Все-таки. Возможно ли не быть скромным перед человеком, которого мы почему-либо вознесли в своей душе? И перед морем мы скромны. И перед войной мы скромны. Перед деревенской девушкой на речке мы скромны. И перед собором, костелом, мечетью, церковью мы скромны...

Давно это было, а забавно. Бригада в составе баяниста, лектора на политические темы и начинающего писателя (меня) обслуживала предпринятия Мгинского района. В школе рабочей молодежи мне стали задавать вопросы о Дудинцеве и Пастернаке. (Это как раз тогда все было.) Я отвечал, как думал. На другой день меня вызвали в райком и прочитали вслух письмо учительницы, которая присутствовала на этой беседе. Она точно записала мои ответы, и все они были действительно по тогдашним време-

нам никак недопустимы. А в конце письма, чтобы разоблачить меня до конца, она добавила: «К тому же он был нетрезв».

— Что ты пил-то? — спросил секретарь райкома.
— Стакан красного вина и пиво.
Тут работники райкома оживились.
— Кто же это вино с пивом мешает!
— Водку нельзя с пивом мешать, а вино еще хуже.
— Вот даже коньяк можно с шампанским. А вино с пивом никогда.

И поняв, в чем заключалась моя оплошность, письмо порвали, а меня отпустили.

В отрочестве мне снилось — вот я лечу, а внизу лежат светящиеся женщины, слегка приподняв одно колено каждая. А одна среди них — Прекрасная, с большой буквы. Наши девочки в десятом классе (в десятом, подумайте! — в тридцать шестом году) говорили нам дуракам: «Вы думаете, у женщины главное грудь? Какая ерунда. Главное — ноги!»

Пользуясь тем, что я по временам выпиваю (не становясь, подчеркиваю, алкоголиком), жена и ее свояченица, верней, моя свояченица, то есть ее сестра, разговаривают со мной развязно, иногда тоном приказаний, как, например: «Садись. Не туда — сюда. Сейчас я тебе борща налью». В ответ на что я написал плакат и вывесил его на стенке: «Я свободный человек». Однако даже это не изменило к лучшему сложившуюся ситуацию. Тогда я вывесил другой плакат в завуалированной форме, как бы цитата из Пушкина: «Он в семье своей родной казался девочкой чужой». Однако и это должным образом не повлияло. Поэтому вынужден обратиться к мнению общественности.

Описываю случай. Я был в Ленинградском доме ВТО, и там не очень знакомая женщина сказала, что она хочет есть, а денег нет. А у меня в кармане пиджака были. И я сказал: «Пойдем напротив в ресторан, там поедим». Конец цитаты. А это как раз было, когда наши танки вошли в Чехословакию. А я Чехословакию люблю за фильмы, которые все время в Америке получали «Оскаров». И вот я сильно напился, и встал, и обернулся к залу, и во всю глотку: «Стукачи, выньте карандаши и блокноты! Я за свободу демократии и Чехословакию!» И все стали смотреть на меня, но никто не вынимал карандаши. Тогда я еще раз и еще раз: «Стукачи! Выньте карандаши и блокноты...» Конец цитаты и т. д. Тогда за наш стол, большой, перед самым оркестром, сели несколько молодых людей, они меня полюбили, и я их полюбил, и мы стали пить друг за друга. А женщина куда-то исчезла, я и не заметил. Потом она подошла ко мне со своим партнером, оказывается, она пока танцевала. И они схватили меня за руки и быстро повели к выходу и по лестнице вниз и в машину и отвезли домой. Даже не расплатились. А на завтра я рассказал кому-то об этом случае, и мне сказали: «Да она же стукачка и есть!» Конец цитаты. Но я не поверил. А если и да — то тем более благородная женщина. А через несколько лет я неожиданно встретился с ней, она занимала какую-то должность. И она говорит мне: «помните?» и т. д. И все напомнила. И оказывается, она-то как раз не стукачка, а оказывается, наоборот, те, которых я полюбил за столом, они и были стукачи! Поэтому они и разговаривали с оркестрантами, как знакомые.

Стыды. Не ходил на Красную площадь с теми, семерыми, против наших танков в Чехословакии. Это например. А сколько лихорадочных, глупейших поступков, они же, как правило, и плохие?.. Ладно, у Соловьева: «Я стыжусь, следовательно, существую». Или: «Спокойная совесть — изобретение дьявола». Для утешения на полторы минуты. А как с этим жить, по утрам? Ведь стыды-то не выдуманные, настоящие!

Вдруг постарел. Это случилось позавчера. Но я даже сразу и не заметил. А сегодня вижу — уже. Неловко в таком виде быть среди людей. Если можно, не приходите без предупреждения. Чтобы я успел сделать вид. И если можно, не звоните по телефону, придется говорить голосом человека, который еще. И хорошо бы больше не работать. Пришлось бы работать, делая вид. Давно, по правде сказать, это началось уже. В войну еще.

А время стало умней, как раз сейчас. И некоторые оживают и возбужденно смотрят в будущее. А тут как раз и жизнь прошла.

Умер Яша, святой человек. Легко умер, ночью. Моложе меня.

Умер Камил Икрамов. Но — сделав главное в своей жизни, опубликовал повесть об отце, секретаре ЦК Узбекистана, погибшем в лагерях. (Да он и сам, Камил, сначала сидел на коленях у Сталина, по-

том — тоже в лагерях.)

Умер любимый народом, блистательный, заком-плексованный Андрюша Миронов.

Умер Даль.

Умер Высоцкий!

Сколько их уже, прекрасных, моложе меня...

«Что это у тебя пьесы какие-то сиротские?» Смотрю — правда, эти — из детдома, та — тоже, у тех неладно с родителями. Просто это больше знакомо. Отсюда у многих потянулась на всю жизнь неуверенность в себе и какая-то прорывающаяся неврастения.

Кстати, и непонимание ничего про это, почти у всех тогда мальчишек. В госпитале медсестра спрашивала: «Так сладкого и не знал?» Многих могли так спросить. А после войны жизнь, как теперь говорят, «за чертой бедности», без прописки в полупчердаках и полуподвалах (однажды зашел легендарный Назым Хикмет, сказал: «У меня в Турции камера была больше») и борьба с космополитизмом... Вот откуда и стыды за все, что сделано наспех, от усталости, каждый поступок — в ту секунду, когда еще и не подумалось: не надо, зачем! И каждое утро теперь — воспоминания об этих стыдах, кругами, от одного к другому.

А вдруг жить осталось еще долго? Еще целый год? Долго! А вдруг еще пять лет? Долго!..

Мой сын учится в школе, где преподают французский язык. Не по собственному желанию, а по месту жительства. Им велели написать газету «Московские новости» на французском языке. А жена, просто ради интереса, принялась изучать английский язык, чтобы читать на нем детективы. Таким образом в нашей семье теперь выписывается газета «Московские новости» одновременно на французском и английском языках. На русском же, отечественном, у нас подписаться невозможно. Они же — что хотят, то мне и переводят, а что не считают нужным, то не переводят, ссылаясь на то, что некогда. Получается как бы внутренняя семейная цензура.

Мне надо было идти по делу. А на улице был ливень. Своаяченица сказала: «Пусть возьмет зонтик». А жена сказала: «Не надо, он его потеряет».

Приснился сон. Он (это я) был безалаберный, опустившийся. Его лицо было покрыто волосами. Они стояли в толпе рядом. Она накрепко привязала его волосы к своим. Он почувствовал это лишь тогда, когда они тронулись. Они катились на чем-то с горы, было весело. К вечеру она подарила ему ботинки, потому что он был бос. Она не знала, что когда-то у него было много друзей и много ботинок. Он и сам не заметил, как оказался бос. Но объяснить ей это уже не было времени. Ей пора было уходить (навсегда). Он вел ее среди многоэтажных кирпичных корпусов, заводских и жилых. Остатки грязного снега были освещены заревами заводских печей и очагов. Они так и назывались во сне — очаги. На мостовой валялся железный лом. Визжали женщины, горели огнями окна домов — это было одно общее плямя, которое сквозило отовсюду. Она была рада, что он теперь в ботинках. Но она торопилась домой и не понимала, зачем он здесь ее водит. А он прижимал ее руку к груди и знал, что ее здесь уже нет...

Разлюбил слова. Деревья сами по себе, а слова, какими их можно бы назвать, — сами по себе, где-то. Птицы, оркестранты, женщины, самолеты, самосвалы, партаппарат, голосование — сами по себе, а слова, предназначенные для них, — где-то. Поэтому — заключение.

Свобода.

Это слово буду писать на отдельной строчке, потому что это важно.

Свобода

уехать туда, где тебя никто не знает.

От мстительных, зловещих, которые таят.

Но и от любящих, которые проникают в душу, где неладно.

Свобода

от энергетических вампиров — полная несовместимость, — которые отнимают годы и годы жизни, которые толкают тебя на необдуманные лихорадочные поступки, за которые потом расплата.

Свобода

от всех мнений и оценок и переоценок и скидывания со счета.

Свобода

от правых, которым вчера было можно все, и от левых, которым можно почти все сегодня.

Свобода

от общества, в котором нельзя жить и быть свободным от него.

Не знал еще, что останусь несвободен от самого себя, глядящего себе в душу.

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Владимир ШИРОВСКИЙ
(1909—1941)

Открытие неизвестных стихов уже известных поэтов — превеликая радость. Радость — в потоке дилетантизма неизвестных авторов выловить хотя бы одно стихотворение, четверостишие, двустишие, наконец, строчку! Но какая радость, когда открываешь не строчку, не отдельные стихи, а Поэта, доселе ни тебе, ни твоим современникам неведомого. Такая радость на меня обрушилась, когда в пакете из Херсона я обнаружил ошеломляющую меня рукопись, пересыпанную драгоценными строчками. Возьмите, например, хотя бы это четверостишие:

Вселенную я не облаплю.
Как ни грусти, как ни шути.
Я заключен в глухую каплю —
В другую каплю нет пути.

Это целая философия в четырех строчках. Почему же при жизни, насколько мне известно, Шировскому не удалось напечатать ни одного стихотворения? Дело не только в самих стихах, а прежде всего в так называемом «социальном происхождении». Шировский был сыном царского сенатора. Правда, когда он родился, отец был уже в отставке, но это в строгих классово неподкупных глазах дела не меняло. В 1926 году в Ленинграде семнадцатилетний начинающий поэт был «вычищен за сокрытие социального происхождения» с факультета языко-материальных культур. От этого и от других подобных оскорблений, доносов Шировский невольно начал себя чувствовать парией-аристократом. Вне зависимости от собственной воли он был поставлен в положение внутреннего эмигранта, оказавшись среди многочисленных шариковых, пришедших в военные и полувойенные френчи и вооружившихся пистолетами, мандатами, портфелями. Шировский, параллельно с Булгаковым, чье «Собачье сердце» он вряд ли мог тогда читать, создал страшноватую поэму «Бес», очень близкую по теме. Бесов Достоевского на новом историческом этапе Шировский со свойственной ему презрительной снисходительностью назвал так: «придорожные бесы моей страны». Даже Шигаев еще был в какой-то степени романтиком. Шариковщина — это просто-напросто новая бесовщина. Шировский своего беса называет Револьт Иванович. Револьт — в переводе: бунт. Не забудем, что еще Пушкин предупреждал нас о том, как бессмыслен и беспощаден бывает российский бунт. Шировский, не ви-

новатый ничем в преступлениях царского режима, оказался одной из жертв бессмысленной жестокости, когда бывший бунт, став властью, отнюдь не подобрел, а еще больше ожесточился.

Шировскому еще повезло — его арестовывали дважды, но лишь на короткое время — в 1931 году и в 1936-м.

Сын бывшего сенатора то работал сварщиком в Ленинграде, то служил в Харьковском горвоенкомате писарем, то в последние годы — был руководителем художественной самодеятельности в керченском Доме пионеров и в клубе имени Энгельса. По свидетельствам близких, еще в 1929 году Волошин подарил ему акварель в Крыму с такой надписью: «На память Вл. Шировскому, за детской внешностью которого я рассмотрел большого и грустного поэта». В 1938 году Шировский встретился в Москве с Ахматовой и Пастернаком; возникла недолгая переписка. Шировский спасался поэзией, но поэзии было в те годы худо, и она не могла ему помочь так, как он того заслуживал. Когда в 1941 году фашистская бомба под Керчью разнесла машину, где был и Владимир Шировский, смерть его, как и жизнь, осталась незамеченной. Потерялся след и его двух сыновей — Германа и Николая. Архив Шировского сгорел в Керчи во время войны. Все, что осталось, вместе с биографическими данными и уникальными, чудом уцелевшими фотографиями, в редакцию «Огонька» послала сестра жены поэта и его близкий друг — врач из Херсона Александра Николаевна Дорер. Ей я выражаю глубокую признательность и надеюсь на то, что все, знавшие Шировского, откликнутся. Безусловно, Шировский займет в русской поэзии XX века свое место. Предстоят ли нам еще подобные открытия?

НА ОТЛЕТ ЛЕБЕДЕЙ

Некогда мощны, ясны и богаты,
Нынешних бойких быстрот далеки,
Негоцианты и аристократы
Строили прочные особняки.

Эллинство хаты! Содомство столицы!
Бред маскаранных негаданных встреч!
Эмансипированной теремницы
Смутно-картавая галльская речь!

Лист в Петербурге, и Глинка в Мадриде,
Пушкин. Постройка железных дорог;
Но еще беса гоняют — изыди;
Но департамент геральдики строг.

После — стада волосатых студентов
И потрясателей разных стропил,
Народовольческих диверсионентов
И капитана Лебядкина пыл...

Век был — экстерн, проходимец, калека;
Но проступило на лоне веков
Тонкое детство двадцатого века:
Скрябин, Эйнштейн, Пикассо, Гумилев.

Нынче другое: жара, пятилетка
Да городской южнорусский пейзаж:
Туберкулезной акации ветка,
Солнце над сквером... Но скука все та ж.

Древняя скука уводит к могилам,
Кутает сердце овчиной своей.
Время проститься со звездным кормилом
Под аполлоновых лет лебедей.

Кажется сном аполлонова стая,
Лебедем гостеприимен зенит.
Лебедь последний в зените истаял,
Дева прохожая в небо глядит.

Девушка, ах! Вы глядите на тучку.
Внемлите птичке... Я вами пленен.
Провинциалочка! Милую ручку
Дайте поэту кошмарных времен.

С вами все стало б гораздо прелестней.
Я раздобыл бы... И в старости вдруг
Я разразился бы песнею песней
О Суламифи российских калуг.

Харьков, 1931 г.

Быть может, это так и надо,
Изменится мой бранный вид,
И комсомольская менада
Меня в объятья заключит.
И скажут про меня соседи —
Он работающ, он парень свой!

И в визге баб и в гуле меди
Я весь исчезну с головой.

А может статься и другое,
Привязанность ко мне храня,
Сосед гражданственной рукою
Донос напишет на меня.
И, преодолевая робость,
Чуть ночь сомкнет свои края,
Ко мне придут содеять обыск
Три торопливых холуя.
От неприглядного разгрома
Посуды, книг, икон, белья
Пойду я улицей знакомой
К порогу нового жилья
В сопровождении солдата,
Зевающего во весь рот,
И все любимое когда-то
Сквозь память выступит, как пот.
Я вспомню маму, облик сада,
Где в древнем детстве я играл,
И молвлю, проходя в подвал,
— Быть может, это так и надо.

Харьков, 1932 г.

СЧАСТЬЕ

Нынче суббота, получка, шашлык.
Отдых во царствии женщин и каш.
Дрогги, гитара! Бутылка, блесни
Милой кометой в немилые дни.
Слышу: ораторы звонко орут
Что-то смешное про волю и труд.
Вижу про вред алкоголя плакат,
Вижу, как девок берут напрокат,
И осязаю кувалду свою...
Граждане! Мы в социальном раю!
Мне не изменит подруга моя.
Черный бандит, револьвер затая,
Ночью моим не прельстится пальто.
В кашу мою мне не плюнет никто.
Больше не будет бессмысленных трат,
Грустных поэм и минорных сонат.
Вот оно, счастье: глубокое оно,
Ровное наше счастливое дно.
Выйду-ка я, погрузу на луну,
Пару селедок потом заверну
В умную о равноправье статью,
Водки хлебну и окно разобью,
Крикну «долой!», захриплю, упаду,
Нос расшибу на классическом льду,
Всю истощу свою бедную прыть —
Чтобы хоть вечер несчастным побыть!

1929 г.

ТАНЕЦ ДУШИ

В белых снежинках метелицы, в инее
Падающем, воротник пороша,
Став после смерти безвестной святыней,
Гибко и скромно танцует душа.

Не корифейкой, не гордою прямою
В милом балете родимой зимы —
Веет душа дебютанткой незримою,
Райским придатком земной кутерьмы.

Ей, принесенной декабрьскою тучею,
В этом бесплодном немом бытии
Припоминаются разные случаи —
Трудно забыть похождения свои.

Все — как женилась, шутила и плакала,
Злилась, старела, любила детей,
Бред, лепетанье плохого оракула,
Быта похабней и неба пустей...

Что перед этой случайной могилою
Ласки, беседы, победы, пиры.
Крепкое Нечто с нездешнею силою
Стукнуло, кинуло в тартарары.

В белом сугробе сияет расселина,
И не припомнить ей скучную быль —
То ли была она где-то расстреляна,
То ли попала под автомобиль.

Надо ль ей было казаться столь стойкою,
К девам неверным спешить под луной,
Чтоб залететь ординарной душонкою
В кордебалет завирухи ночной.

Нет, и посмертной надежды не брошу я.
Будет Маруся идти из кино —
Мне вместе с предногодней порошено
В очи ее залететь суждено.

1941 г.

РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ...

Э

то только кажется, что художники всех мастей — свободное творческое племя. На самом деле вот они где все — в кулаке у общества, которое вскормило и на путь истинный наставило. Особенно дизайнеры. Иначе отчего бы так скудно было у нас с хорошей рекламой сегодня, когда все м о ж н о? Талантов, как известно, пруд пруди. Не от бесталанности мы страдаем, а от безысходности.

Рекламная фотография, как и картина, предполагает зрителя. А значит, и потребителя. Однако «золотое обеспечение» фотографии — ее документальность. И разве поднимется рука у честного художника вкладывать всю свою душу в рекламу продукции нашей промышленности? Ведь она зачастую не только некачественна, но и антиэстетична.

В интервью журналу «Реклама» телекомментатор В. Цветов рассказывал, как создателю фирмы «Сони» господину Акио Морита показали наш новый экспортный телевизор. И спросили: «Ну как?» Метр вздохнул и ответил: «Россия имеет выдающихся ученых, лучший в мире балет, лучших дирижеров. Ну почему ни первое, ни второе, ни третье не воплотилось в этом телевизоре?» Это еще не весь «анекдот». В воцарившейся тишине господину Морита ответили: «Вопросами культуры наше министерство не занимается».

И не только это досточтимое министерство — остальные с гордостью могли бы сказать про себя то же самое! Отсутствие культуры производства и потребления, многолетняя ориентация на нижайший уровень материальных потребностей — вот в таких условиях вынуждена существовать у нас фотореклама.

Но есть еще одна сторона дела: попробуйте-ка хорошо сделать работу, которая, как вам доподлинно известно, никому не нужна. Увы, пока наша реклама не требуется потребителю. Пока ему требуются товары. Качественные товары в достаточном количестве — основа современной рекламы. А при нынешнем тотальном дефиците даже самая хорошая реклама выглядит издевательством над покупателем.

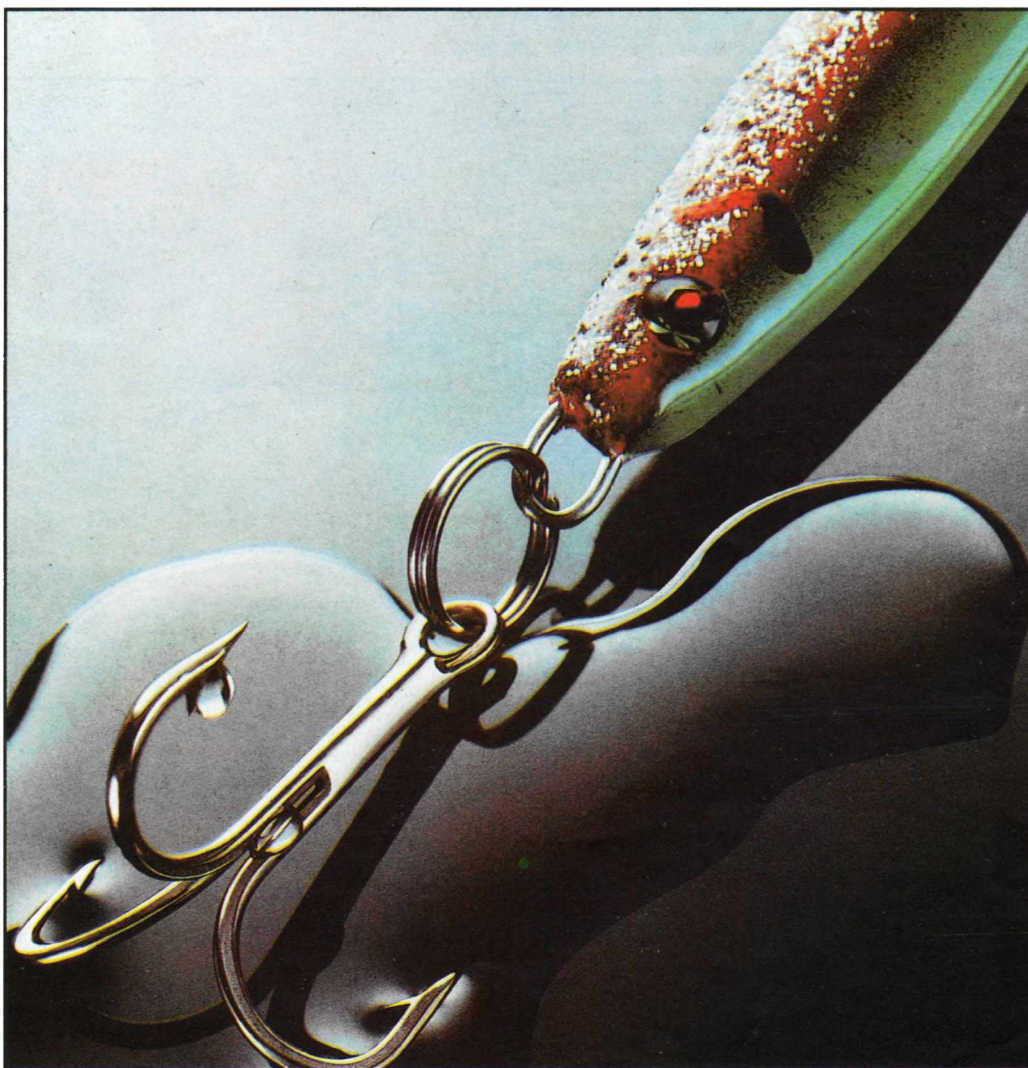
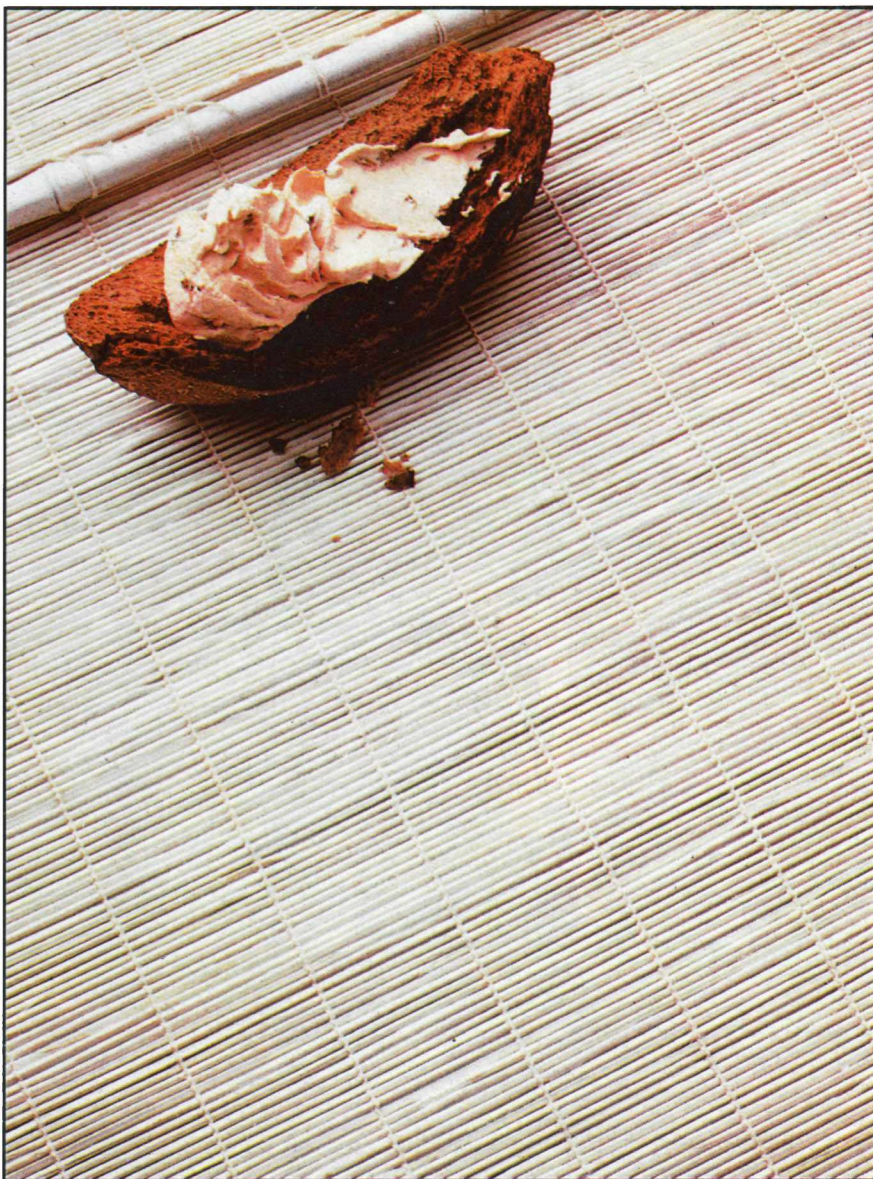
Так что давайте покамест рассуждать о фоторекламе на зарубежном материале. Изучая его, легко прийти к выводу, что рекламная фотография использует широкий диапазон возможностей современной фотографической и компьютерной техники. Реклама давно стала искусством. В лучших своих образцах — при тончайших визуальных эффектах, детальной проработке всей площади кадра, безграничной цветовой палитре, фактурном контрасте — реклама достигает подлинной, стилиевой и образной, гармонии. Глядя на такие фотографии, забываешь, что перед тобой всего лишь реклама товара (конечно, она срабатывает, но уже на подсознательном уровне).

Рекламная фотография всегда стремилась к оригинальности, но интересно то, что сегодняшнее своеобразие фоторекламы достигается максимальной близостью к оригиналу, к объекту. Графические композиции, возникающие из «сверхнатуральных» фотографий, кажутся зрителю естественными и простыми.

И здесь все средства бросаются на достижение цели: оборудуются специальные павильоны, готовятся антураж, световые спецэффекты. Ради одного-двух снимков работает целый коллектив менеджеров, социологов, стилистов, модельеров, специалистов по макияжу... Вершиной этой пирамиды, которая стоит немалых денег, является фотохудожник, который должен взорвать наше привычное восприятие.

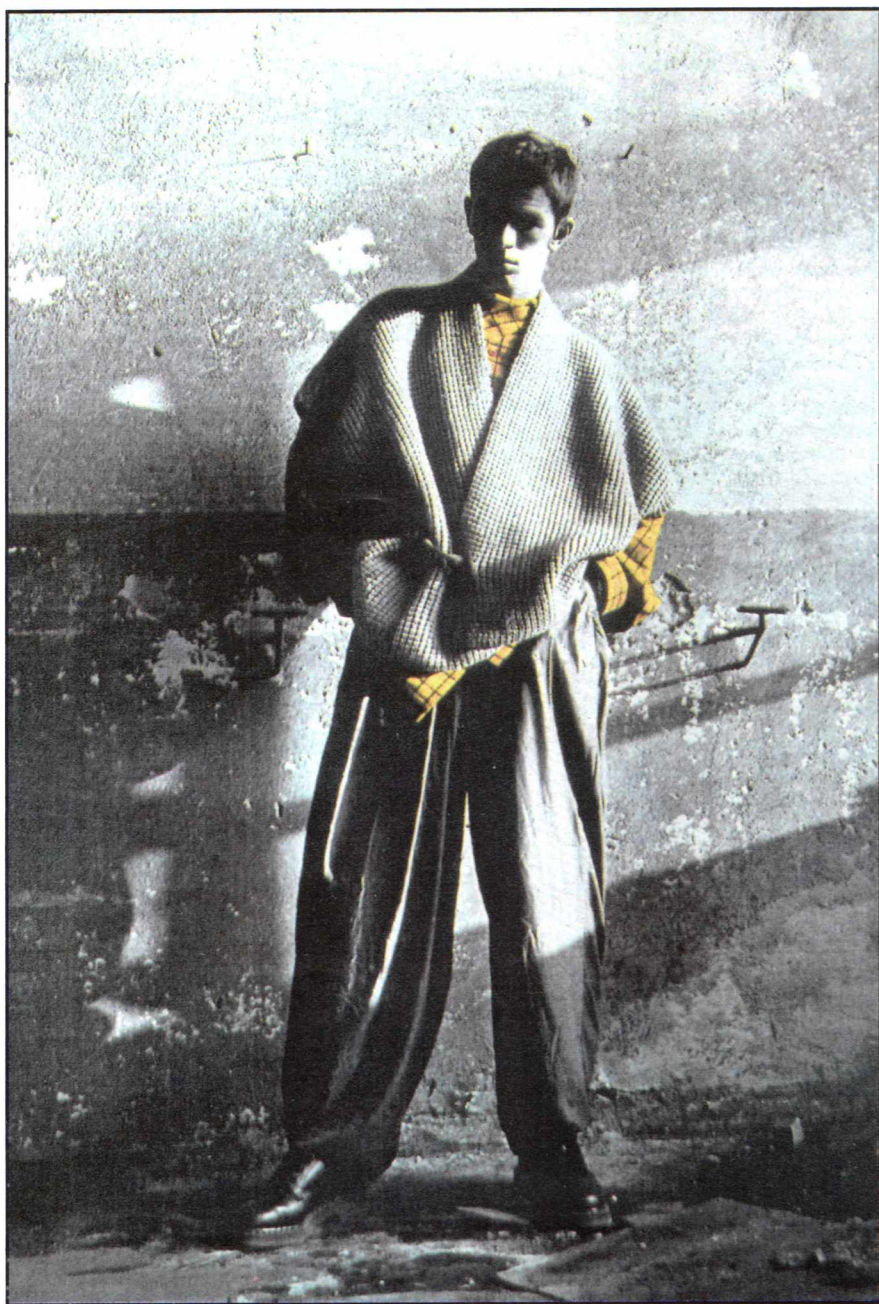
К сожалению, читатели «Огонька» не смогут оценить на все сто процентов предложенные рекламные фотографии. Наша полиграфия пока не позволяет. И все же представляем сегодня шестерых рекламных фотографов.

Александр ХРОМОВ

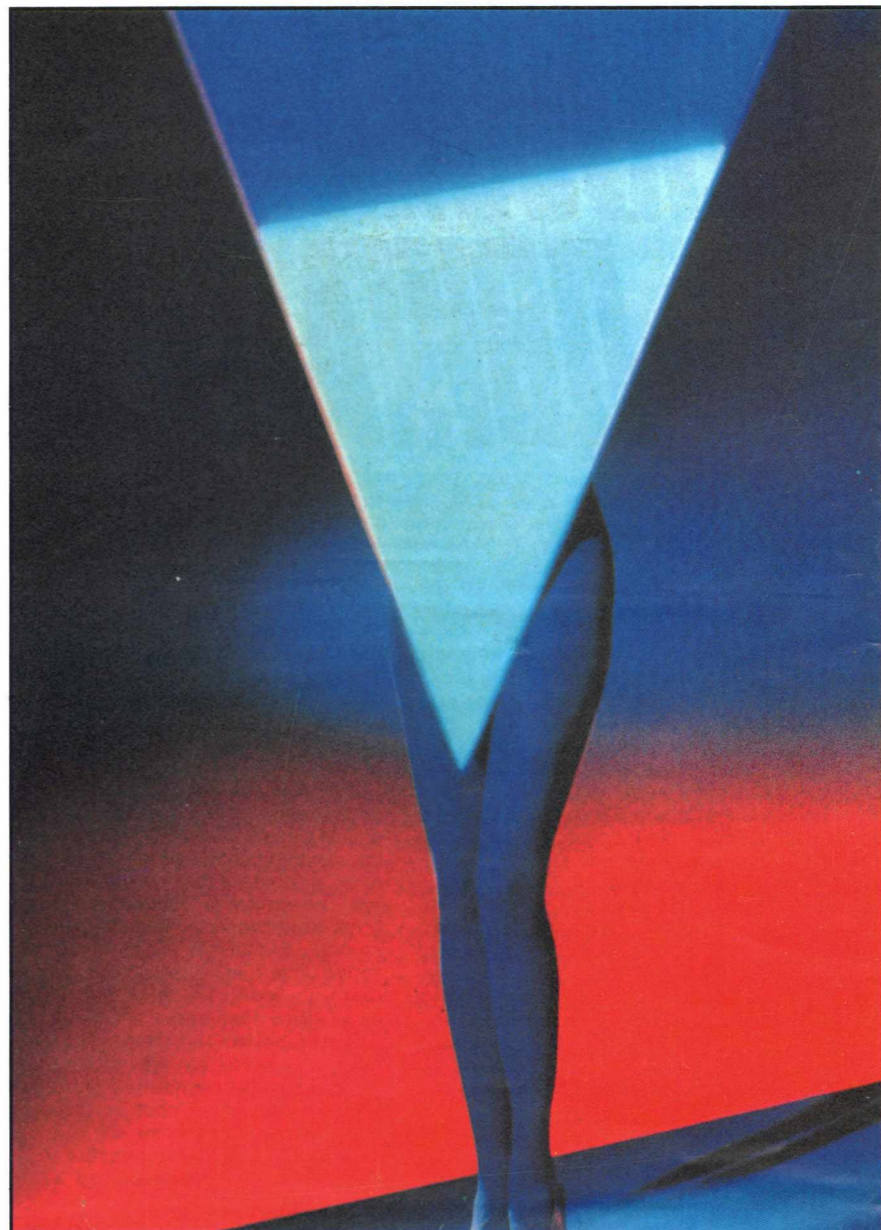

Герберт МОРК

Клаус ХОГАРД

АНТОНИУС

Ули ШТАЙНМЕТЦ

Ансгар ПУДЕНЦ

ШЕСТЬ РЕКЛАМНЫХ ФОТОГРАФОВ ИЗ ФРГ

Ули ШТАЙНМЕТЦ — долгое время работал фотожурналистом. В 1976 году организовал собственную студию. Специализация — мода, автомобили и промышленные изделия. Его заказчиками являются такие известные западные фирмы, как «Ай-Би-Эм», «Форд», «Ямаха», «Феррари», «Ниссан», «Хенкель» и т. д.

Ансгар ПУДЕНЦ — родился в 1952 году в Дюссельдорфе. Обучался в фотостудиях Западного Берлина и Кёльна. В 1986 году открыл свою собственную в Гамбурге. Специализируется в области рекламы кулинарных изделий и продуктов питания. Пуденц работает для таких издательств, как «Бауэр», «Бурда», «Грюнер и Яар».

Герберт МОРК — родился в 1959 году. Обучался фотографии в студии института машиностроения, в дальнейшем работал индустриальным фотографом для фирм «Цейс», «Бош», четыре года возглавлял рекламное агентство. С 1986 года — владелец собственной фотостудии в Гамбурге. Сейчас работает для «Дойче Бундепост», «Унилевер», «Колгейт Пальмолив» и др.

Йохим ГИЗЕЛЬ — родился в 1940-м в Бреслау. После школы окончил трехгодичные фотокурсы в Ганновере. В 1961 году работал фотожурналистом для «Ханновершен Пресс». С 1966 года — свободный фотохудожник. Специализируется в области моды и журналистской фотографии. Член Западногерманской фотоакадемии. Является совладельцем и организатором фотогалереи в Шпренгел-музее. Преподает фотографию в университете Вупперталя и в институтах Гамбурга и Дортмунда.

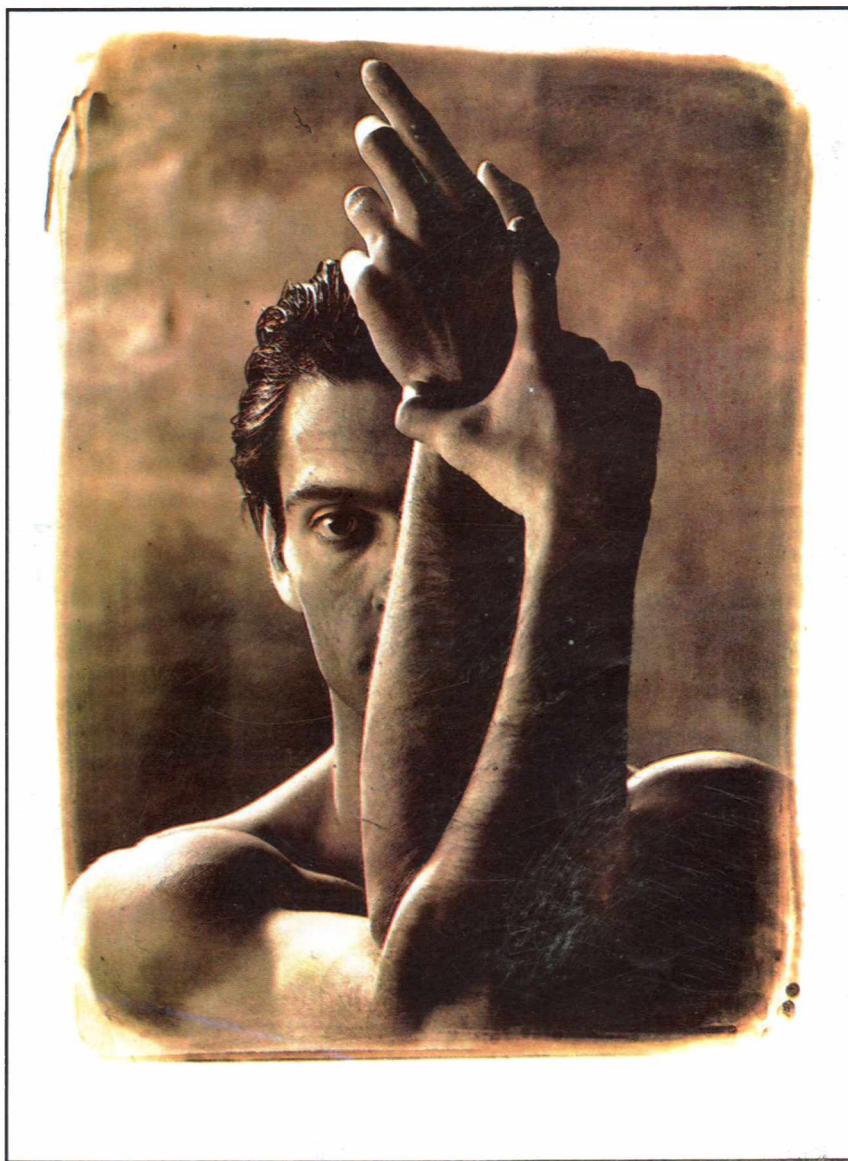
Клаус ХОГАРД — родился в 1938 году в Оберхаузене, в семье инженера. Первый раз взял «лейку» в детском фотоклубе, был ассистентом у известных фотографов ФРГ, в рекламном агентстве «Ди Гильд». В 1970 году основал собственную студию. Специализируется на индустриальной фотографии и съемках для календарей.

АНТОНИУС — родился в Нью-Йорке. Первые кадры сделал «минольтой» своего отца, профессионального фотографа. Учился в школе искусств во Франции, занимался хореографией на телевидении ФРГ, Австрии и Швейцарии. Проходил стажировку в журнале «Лайф». В настоящее время сотрудничает со многими журналами Западной Европы и США. Много времени уделяет свободному творчеству, занимается организацией фотосеминаров в ФРГ.

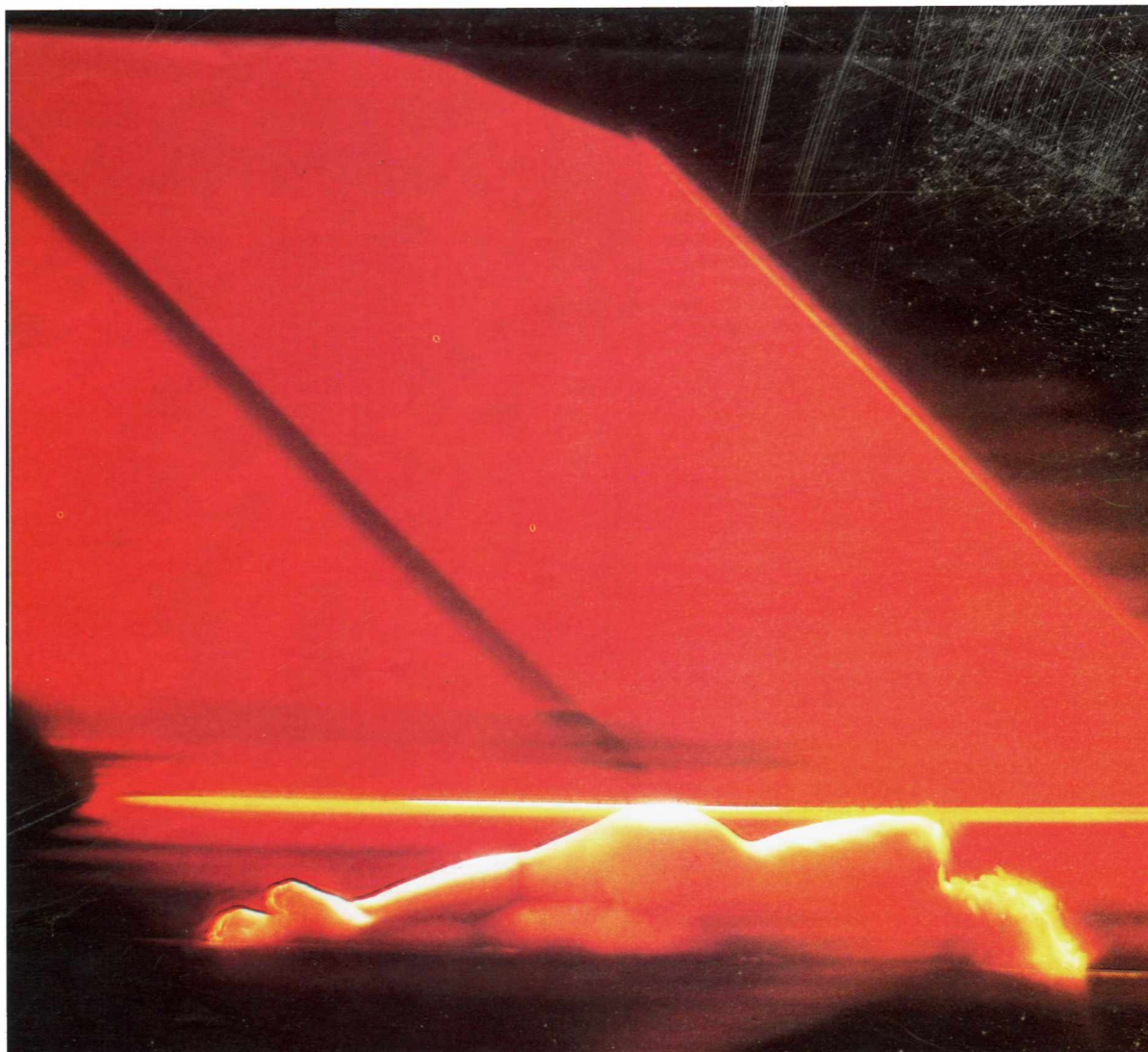
Все шестеро фотографов являются членами Западногерманского общества фотографов.

ИМА—ПРЕСС

Йохим ГИЗЕЛЬ

Ули ШТАЙНМЕТЦ

Ю. ЛИБХАБЕР
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

«МОСКОВСКОЕ ДЕЛО»

1949 год стал последним годом моего пребывания на Украине. Сталин позволил мне, чтобы я приехал в Москву. Он мне сказал, что решено, что я перехожу на работу в Москву. Я был очень доволен своей работой на Украине, да и ко мне украинский народ относился хорошо. Я очень тепло вспоминаю этот период. Это был очень ответственный момент, но приятный потому, что он давал удовлетворение — хорошо развивались, росли и сельское хозяйство, и промышленность.

Сталин встретил меня очень хорошо. «Ну, — говорит, — что же, долго вы будете еще сидеть на Украине? Вы там уже превратились в украинского агронома. Пора вам вернуться опять в Москву».

Тут он начал мне говорить, что «мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского городского и областного партийного комитета. У нас плохо дело в Москве и очень плохо дело в Ленинграде. Там мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве. Мы хотим, чтобы Москва стала опорой Центрального Комитета, поэтому вам полезнее здесь работать. Вы будете секретарем МК и ЦК».

Я поблагодарил за доверие. Сказал, что я с удовольствием приеду в Москву, потому что я доволен своей работой и обстановкой, которую имел, работая в Москве 11 лет назад. Я считал, что 11 лет — срок вполне приличный для работы на Украине и мне действительно полезно вернуться в Москву.

Когда Сталин со мной разговаривал, он в подтверждение неблагополучия в Москве тут же вручил мне документ.

«Вот, — говорит, — заявление. Ознакомьтесь, а тогда поговорим».

Я взял его и не стал тут же читать — это был большой документ. Я его положил в карман. На завтра я прочел этот документ. Это было анонимное заявление, с подписями, но анонимное по своему характеру. Я сейчас не помню, чьи это были подписи, по-моему, авторов даже и не установили совсем. В этом документе говорилось, что в Москве существует группа заговорщиков против ЦК, против правительства и что группу эту возглавляет Попов — секретарь Московского комитета и секретарь ЦК. И там указывается, что входит в эту группу: секретари райкомов, часть председателей райисполкомов, директора заводов, инженеры. Я сразу почувствовал, что это или сумасшедший, или же какой-то мерзавец пишет с умыслом. Я положил эту записку к себе в сейф и решил не говорить о ней какое-то время, я считал, что необходимо время, и чем больше пройдет времени с момента вручения, тем будет лучше.

Когда я уезжал на Украину, чтобы оформить свой переход в Москву, Сталин мне сказал: «Вы к моему 70-летию вернетесь в Москву?»

Я говорю: «Безусловно. Я приеду, сейчас же соберу Пленум, изберем там новое руководство, и я вернусь».

Я приехал в Москву перед самым празднованием 21 декабря. Отпраздновали мы 70-летие, я был избран секретарем Московского областного и город-

ского партийного комитета и приступил к делам.

Тут как-то Сталин меня спросил, сам вспомнил: «Я вам давал заявление? Вы с ним ознакомились?»

Сказал и смотрит на меня.

Я говорю: «Ознакомился».

«Ну, как?»

А у него такая была привычка — смотрит на тебя, потом сразу носом дернет вверх: «Ну, как?»

Я говорю: «Это какие-то мерзавцы написали или сумасшедшие».

«Как это так?»

Он очень не любил, когда с недоверием относились к таким документам.

«Товарищ Сталин, я абсолютно убежден, что этот документ ничего общего не имеет с действительностью. Я многих людей знаю, которых называют заговорщиками. Это честнейшие люди. Кроме того, я абсолютно уверен, что Попов не заговорщик. Попов неумно себя вел, бесспорно, что он оказался не на должной высоте, но он не заговорщик, он честный человек — в этом я не сомневался и не сомневаюсь. Если бы он даже был заговорщиком, то люди, которые, как говорится в этом заявлении, входят в его заговорщическую группу, не знаю что сделали бы с ним».

Видимо, такой мой уверенный тон повлиял на Сталина, он на меня посмотрел: «Вы считаете, что документ не заслуживает внимания?»

Я говорю: «Безусловно, товарищ Сталин, не заслуживает. Я не знаю, но это, по-моему, или провокатор, или сумасшедший».

Он выругался, но на том все и кончилось. Можно себе представить, что, если бы я подстраивался под настроение Сталина, захотел отличиться и завоевать его доверие, это было очень легко сделать. Надо было только сказать: «Да, товарищ Сталин, это серьезный документ. Надо разобраться».

Достаточно было этого заявления с моей стороны, и он сейчас же бы приказал арестовать Попова и всю эту группу. Они, видимо, сознались бы, и вот вам заговорщическая группа в Москве, а я — человек, которому бы приписывалось, что он пришел, глянул, раскрыл и разгромил ее. Ведь это же низость, а фактически так и было с Ленинградом.

Я стал работать в Москве. Я знал, раз Сталин нацелился на Попова и он в записке фигурирует как заговорщик, то Сталин уже не успокоится, пока его не доконает. Это его всегда будет беспокоить.

Мы тогда посоветовались с Маленковым, и я предложил: «Давай Попова переведем за пределы Москвы. Подберем ему хорошую должность».

Так и сделали. Послали его, кажется, директором крупнейшего завода в Куйбышев.

Сталин иногда вспоминал: «А где Попов?»

Когда-то Попов был любимцем Сталина.

Отвечаем: «Попов в Куйбышеве».

Он успокаивался. Он, видимо, все-таки думал: «А не ошибся ли Хрущев, не остался ли этот заговорщик поблизости и не продолжает ли он свою деятельность в Москве?» Он бы никогда не примирился с этим. Когда он узнавал, что Попов в Куйбышеве, а это уже далеко от Москвы, и он не опасен, то успокаивался.

Мне потом передавали о негодовании против меня Попова. Мертвый он сейчас, что его осуждать. Он не понимал, что ему меня не только не осуждать надо, а наоборот. Если бы не я, то он бы погиб. Он бы погиб тогда, в 1949 году, потому что Сталин уже подготовился к этому. Ведь и меня он вызвал потому, что документ получил против Попова и поверил этому документу. Я Попова спас, но бывает вот так: человек не поймет и проявляет недовольство тем, кто подставил буквально свою спину в его защиту. А я тогда рисковал. Если бы Сталин мне не поверил, то он мог подумать, что, может быть, и я вхожу в этот заговор вместе с Поповым.

Вот такие времена опять наступали. После войны мы возвращались к мясорубке 1937 года, к методам работы этой мясорубки.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРИ СТАЛИНЕ

С каждым годом было все заметнее, что Сталин слабеет физически. Особенно это выражалось в провалах памяти. Другой раз сидим за столом, и он, обращаясь к тому или другому человеку, с которым общается десятки, а может быть, и больше лет, вдруг останавливается и не может припомнить фамилию этого человека. Он очень раздражался в таких случаях. Он не хотел, чтобы это было замечено другими. Его раздражало угасание человеческих сил.

Помню, раз он обратился к Булганину и никак не мог вспомнить его фамилию. Смотрит на него и говорит: «Как ваша фамилия?»

«Булганин».

«Булганин!» — и тогда сказал то, что хотел сказать Булганину. Такие явления повторялись довольно часто, и это его приводило буквально в бешенство. Зло он потом вымещал на людях, которые вместе с ним работали, прошли большой путь славных дел и, к сожалению, были свидетелями гибели многих людей.

Я не знаю, кто в какой степени знал о невинности, истинной причине гибели этих людей. Я убежден, что такие люди, как Булганин, Маленков, наверное, не знали. Они содействовали, помогали этому процессу, но действовали вслепую. Указания о необходимости расширения этой людской мясорубки давались лично Сталиным, оформлялись и объяснялись лично Сталиным. Он объяснял необходимость этих мероприятий интересами революции, интересами строительства социализма. Одним словом, все объяснялось очень благими намерениями. Не знаю, был ли Сталин сам введен в заблуждение. Я в этом сомневаюсь. Думаю, припоминая отдельные фразы, отдельные его высказывания, что это сознательно было сделано с целью исключить возможность появления каких-то лиц или групп в партии, желающих вернуть партию к ленинскому положению, к ленинской внутрипартийной демократии и демократичности общественного устройства Советского Союза. Он этого не допускал.

К людям он относился, как Бог, который их сотворил. Бог считал, что Он людей сотворил из глины, как нас в детстве по Библии учили, а какое

уважение может быть к этой глине? Сталин говорил, что народ — это навоз. Это бесформенная масса, которая идет за сильным. Вот он эту силу и показывал, уничтожал все, что противоречило бы его точке зрения. В этом вся трагедия была. Об этом и предупреждал Ленин, что он человек нетерпимого характера, способный злоупотреблять властью. Сколько раз я это повторяю! У меня все время эти слова в памяти стоят. Какая гениальность, какое гениальное предвидение Ленина и как глупо, как глупо поступила наша партия — не послушала Ленина на первом же Пленуме, а не только на съезде, не сделала вывода из этого предупреждения. Истории было угодно, чтобы партия и народ наш прошли славный путь строительства социализма через трагедию сталинского периода.

Помню, Сталин отдыхал в Афоне, это был 1951 год, потому что в 1952 году он в отпуск не ездил и мы никто не ездили. Раз Сталин не поехал, то из нас никто не ездил в отпуск. А в 1953 году он умер. Следовательно, это было в 1951 году.

Он меня пригласил, как часто бывало и раньше, к себе. Я тогда отдыхал скорее всего в Сочи. Я приехал к нему в Афон, и мы там отдыхали с ним вместе.

Потом он позвонил Анастасу Ивановичу Микояну, который тогда был в Сухуми. Так мы с ним вдвоем и жили у Сталина. Не знаю, сколько дней мы там жили, но очень долго. Однажды до обеда Сталин поднялся, оделся и вышел из дома. Стояли мы перед домом: Микоян, Сталин и я.

Безо всякого повода вдруг Сталин пристально посмотрел на меня и говорит: «Пропавший я человек. Никому я не верю. Я сам себе не верю».

Когда он это сказал, мы онемели — ни я, ни Микоян ничего не могли сказать. Сталин нам больше тоже ничего не сказал. Мы постояли и вернулись к обычному разговору.

Я потом все время не мог отвязаться от его слов. Зачем он это нам сказал? Мы на протяжении очень длительного времени видели его недоверие к людям. Но когда он так категорично сказал, что он никому не верит и сам себе не верит — это было ужасно! Можете себе представить, что человек, занимающий такой высокий пост, решающий судьбы страны и влияющий на судьбы мира, делает такое заявление. Если вдуматься и проанализировать под этим углом зрения все зло, содеянное Сталиным, то будет понятно, что он действительно никому не верил.

Одно дело — не верить. Это его право. Это создает тяжелое душевное состояние человека.

Другое дело, когда человек никому не верит и имеет характер, который толкает его на уничтожение тех, кому он не верит.

Поэтому в окружении его были только временные люди. Покамест он им в какой-то степени еще верил, они существовали, работали, а когда он переставал верить, то начинал присматриваться, пока чаша недоверия в отношении того или другого из людей, которые вместе с ним работали, не переполнится. Потом приходила их очередь, и они тоже следовали «обычным» путем. Для примера можно взять того же Каменева или Зиновьева. Я не знаю, какие в ран-

ний период были у него взаимоотношения с Троцким. Об этом Ленин в предсмертной своей записке сказал, что есть два человека: Троцкий и Сталин, но Троцкий никогда не был марксистом, а Сталин обладает этими качествами, он действительно марксист. Тут же Ленин говорит об отрицательных чертах характера Сталина.

Признание Сталина в том, что он никому не верит, приоткрывает завесу над некоторыми причинами трагедии, которая разыгралась в бытность его в руководстве партией и страной. А этот период очень большой. Полетели головы совершенно честных людей, ни в чем не повинных.

Дошло до того, что Сталин стал Ворошилова считать шпионом и перестал доверять ему. Наверное, лет десять он его не приглашал ни на какие заседания, какие собирались. Это не были заседания Политбюро. Таких заседаний уже не было, а были эпизодические собрания на ходу, перед обедом или перед ужином, на которых решались вопросы и текущего порядка, и принципиальные, крупнейшие вопросы. Ворошилов туда доступа не имел. Изредка он прорывался явочным порядком, сам приходил, а другой раз звонил. Это было очень редко.

Подозревать, что Ворошилов английский шпион!.. Это же величайшая глупость. Я не знаю, до чего надо дойти в недоверии к людям, чтобы придумать такое. Сталин не верил Ворошилову, с которым он много лет вместе воевал и работал рука об руку. Честность Ворошилова перед партией, перед рабочим классом ни в какой степени не могла подвергаться сомнению.

Если говорить о Кагановиче, то он менее располагает к себе как человек, чем Ворошилов. Но если говорить о его трудоспособности — это буря. Он мог другой раз и здоровое дерево сломать в результате такого ураганного характера. Работал он, как мог, насколько сил хватало, не щадил себя совершенно и не считался со временем. Все время Каганович отдавал работе в партии. Он был карьерист, но это — другое дело. Я говорю о стиле его работы.

Ворошилов — другое дело. Этого человека всегда можно было видеть на всех празднествах. Он любил демонстрировать себя, свою выправку, а военному делу мало уделял внимания. Когда были Гамарник, Тухачевский и другие люди, которые ведали хозяйственной и политической работой в Наркомате обороны, тогда дело двигалось и без Ворошилова. Когда же они были уничтожены и пришли такие люди, как Мехлис, Щаденко, Кулик, недостойные своих постов, это стал дом сумасшедших или собачник какой-то.

Однажды меня буквально затащил за рукав на заседание Совета обороны Тимошенко. Тогда он командовал Киевским военным округом, и мы с ним приехали в Москву. Тимошенко с хитрецой человек, и он, видимо, хотел, чтобы я посмотрел на этот собачник, как они друг другу впились в горло, рвали друга друга по пустякам и не занимались делами.

А Молотов?

О Молотове всегда говорили, что это дубинка Сталина. Молотов был выдвинут Председателем Совета Народных Комиссаров после Рыкова и Сырцова.

Молотов был самым верным и непоколебимым другом и соратником Сталина. Он сам, говорят, так заявил на Пленуме, когда была названа его кандидатура.

Когда я уже работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов и меня вызывал Сталин к себе, то там чаще всего был и Молотов. Я считал, что Сталин и Молотов — это самые ближайшие и неразлучные друзья. В отпуск они тоже уезжали вместе.

Я и сейчас не могу сказать, почему Сталин отвернулся от Молотова. Если говорить о товарище Жемчужиной, жене Молотова, которую Сталин посадил, то Молотов до конца не соглашал-

ся и со Сталиным, и с Пленумом. Когда на Пленуме стоял вопрос о ее выводе из состава Центрального Комитета, то все проголосовало «за», а Молотов воздержался. Он не голосовал «против», но воздержался.

Это взорвало Сталина. Но и после всего этого Молотов остался со Сталиным. Однако происшествие на Пленуме наложило свой отпечаток на отношении Сталина к Молотову. Принимая во внимание характер Сталина, ясно, что бесследно для их отношений такой инцидент не мог пройти. И все-таки у них сохранялась близость и продолжалась совместная работа.

Потом начал Сталин зло лгать Молотова.

Особенно хорошим барометром неустойчивости Молотова был Каганович. Каганович с подачи Сталина, видимо, играл роль цепного пса, которого выпускали, чтобы «рвать» того или другого члена Политбюро, к которому, как он чувствовал, Сталин питал охлаждение.

Каганович всегда неприязненно относился к Молотову. Я слышал от Кагановича, что он его очень не любил, даже

ненавидел, но знал свое место: Молотов есть Молотов. В послевоенное время Каганович начал нападать и очень резко на Молотова, а когда бывал Ворошилов, то и на Ворошилова. Очень нас это раздражало — я говорю о себе, Булганине и даже о Берия. Мы были недовольны Кагановичем и другой раз подавали реплики, сдерживая его. Каганович сразу хвост поджимал: он трусливый человек.

Положение Молотова стало незавидным, но Молотов держался хорошо и по всем принципиальным вопросам высказывался смело. Я бы сказал, он был единственный человек в Политбюро, который другой раз возражал Сталину по тому или другому вопросу мне нравились. Поэтому я к Молотову относился очень с большим уважением, хотя с точки зрения его работы, умения работать, у меня было свое критическое мнение о нем. Это отмечал не только я, но и другие товарищи. Но политическая

его линия, его политическая направленность была безупречной, все это перекрывала.

Когда в последние годы жизни Сталина Молотов уже утратил его доверие, я помню, Сталин, отдыхая в Сухуми, вдруг поднял вопрос о том, что Молотов является американским агентом, что он сотрудничает с Америкой. Сейчас просто, ну как-то невозможно предположить, что это могло быть. Молотов сейчас же начал апеллировать к другим, там был Микоян при этом, и все сказали, что это невероятно.

«А вот помните, Молотов был на какой-то ассамблее Объединенных Наций и он сообщал, что он ехал из Нью-Йорка в Вашингтон. Раз он ехал, значит, у него там есть собственный вагон. А как он мог его заиметь? Значит, он американский агент», — сказал Сталин.

Мы объясняли ему, что там частная капиталистическая собственность, и поэтому никаких вагонов там государственные деятели не имеют.

Но он мыслил по образу и подобию порядка, заведенного им в нашей стране. Он считал, что такой порядок суще-

ствуется и в капиталистических странах.

Сталин резко реагировал на наши объяснения и сейчас же продиктовал телеграмму Вышинскому. Вышинский тогда был в Нью-Йорке. Он потребовал, чтобы Вышинский проверил: имеется ли у Молотова собственный вагон? Сейчас же телеграмма была послана шифровкой. Вышинский быстро ответил, что по проверенным данным на данное время у Молотова в Нью-Йорке собственного вагона не обнаружено. Сталина этот ответ не удовлетворил. Ему и не нужен был ответ. Главное, у него уже засело в голове недоверие, и он искал ему оправдания, подкрепления его, чтобы другим показать, что они слепые, не видят ничего.

Он любил повторять: «Слепцы вы, котят. Передушат вас империалисты без меня».

Через какое-то время в такую опалу попал и Микоян. Я и сейчас не могу сказать, в чем его обвиняли. Молотов вроде американский агент, потому что он вагон в Америке имел, и, следовательно, там были его хозяева, как Сталин любил выражаться о людях, которые, по его мнению, были завербованы империалистами.

А Микоян? Агентом какой страны был Микоян?

Я уже после смерти Сталина часто шутил и Анастас Иванович спрашивал: «Слушай, скажи, какой страны ты агент? Ты уж, наверное, если агент, то не одной страны?»

Анастас Иванович сам любил пошутить и на шутку ответить шуткой. Так мы шутили, но это стало шуткой после смерти Сталина. А тогда при таком недоверии, которое Сталин выразил Молотову и Микояну, если бы он еще полгода пожил, то он бы их отослал к прадедам, куда отсылал всех «врагов народа». Он с ними бы расправился. Вот до чего уже дошло.

Если Сталина рассматривать как дуб могучий, негибаемый, то этот дуб сам

себе все ветви обрубил. А если нет ветвей, нет листвы, то нет и питания корням, и он обречен на гибель.

Это вот и есть Сталин.

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

Я хотел бы сейчас рассказать о так называемом деле врачей.

Однажды Сталин пригласил нас к себе в Кремль и зачитал письмо врача. Какая-то Тимашук — женщина, врач, писала, что она работает в лаборатории врачом и была на Валдае, когда умер Жданов. Она писала в своем письме, что Жданов умер потому, что его неправильно лечили врачи, ему назначали такие процедуры, которые должны были привести к смерти. Она писала, что все это делалось преднамеренно.

Естественно, если бы так было на самом деле, каждый бы возмутился такому злодейству. Это же совершенно противоестественно! Врач должен лечить, оберегать здоровье, а не убивать жизнь, не убивать человека.

Если бы Сталин был нормальным человеком, то он по-другому бы реагировал на это письмо. Мало ли таких писем поступает от людей с ненормальной психикой. Сталин был очень восприимчив к подобной литературе. Я считаю, что эта женщина тоже была продуктом сталинской политики. Сталин внедрил в сознание людей, что мы окружены врагами, что в каждом человеке нужно видеть неразоблаченного врага. Сталин призывал к бдительности и говорил, что даже если в доносе есть 10 процентов правды, то это уже положительный факт. Но это 10 процентов! А поддаются ли вообще учету проценты правды в таких письмах, как подсчитать эти проценты? Это была политика больного человека.

Жданова лечили кремлевские врачи. Надо полагать, что все лучшие светила, которые были известны среди медицин-

ского мира Советского Союза, привлекались для работы в Кремлевской больнице. Кто его лечил конкретно, я сейчас не помню.

Был арестован Владимир Никитич Виноградов, которого, когда он был уже освобожден, я больше, лучше узнал. Он не раз консультировал меня.

Арестовали Василенко — крупнейшего врача и профессора. Я мало его знал лично.

Вместе с Виноградовым и Василенко была арестована целая группа крупных врачей, которые тогда работали в Кремлевской больнице и имели какое-то соприкосновение с лечением Жданова.

Арестовали этих людей, и тут же Сталин широко разослал письмо этой Тимашук со своей припиской, где он мобилизовывал гнев масс против врачей, которые «учинили такое злодеяние» и убили Жданова.

У Жданова было очень подорвано здоровье. Я не знаю, какими он недугами страдал, но одним из главных было то, что он потерял силу воли и не мог уже регулировать, когда остановиться в питейных делах. На него жалко было смотреть. Я даже помню, а это редкое явление, как Сталин в последнее время другой раз прикрикивал на него, что ему не следует пить. Жданов вынужден был страдать и наливать себе фруктовую воду, когда другие наливали вино или более крепкие спиртные напитки. Нужно полагать, что если сдерживал Сталин, а это вероятно, то дома он был уже без контроля.

Этот порок убил Щербакова и в значительной степени predetermined и ускорил смерть Жданова.

Я ни в какой степени не ставлю на одну доску Щербакова и Жданова, хотя к Жданову наша интеллигенция после смерти Сталина питает очень большое неуважение за его доклады, в результате чего были закрыты ленинградские журналы. Конечно, Жданов сыграл свою роль в этих вопросах, но он все-таки выполнял прямые указания Стали-

на в этом вопросе. Я думаю, что если бы сам Жданов определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жесткой.

Нельзя палкой, нельзя окриком регулировать развитие литературы, искусства, культуры. Нельзя проложить какую-то борозду и загнать всех в эту борозду, чтобы они шли, не отклоняясь, по проложенной прямой. Тогда не будет борьбы мнений, не будет критики и не будет, следовательно, истины, а будет мрачный трафарет, скучный и никому не нужный. Он не только не будет манить к себе, располагать людей пользоваться искусством, но отношение к такому искусству будет отравлено, оно будет мертвым.

Одним словом, врачи были арестованы и посыпались письма, в которых врачи клеймились, как предатели. Я понимаю авторов этих писем, они верили, что если Сталин рассылает такой документ, то, следовательно, преступление уже доказано, а это каждого возмущало.

Конев, сам человек больной, прислал длиннющее письмо Сталину, в котором излагал, что его тоже травили врачи, что его тоже неправильно лечили, применяли лекарства или методы лечения, о которых говорилось в письме Тимашук и которыми якобы Жданов был сознательно убит.

Это просто позор! Видимо, все члены Политбюро чувствовали несостоятельность этих обвинений, но не обсуждали их, потому что раз Сталин сказал, значит, Сталин ведет этот вопрос и говорить больше нечего. Когда же сходились и обменивались мнениями, то все возмущались письмом, полученным от Конева, потому что если люди, обвиняемые в смерти Жданова, были за решеткой, то письмо, которое прислал Конев, не только клеймило тех, что уже был выявлен и арестован, но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на недоверие к врачам.

Шутка сказать! После разгрома врага во второй мировой войне, после того, как родилась своя советская, в советские времена рожденные, получившая образование и воспитание интеллигенция, вдруг эта интеллигенция, врачи получают такое презренное недоверие. Это жестоко.

Началась травля интеллигенции, врачей, и Конев тоже приложил к этому руку. Это произошло в результате болезненного характера и сродства душ. А Конев действительно имеет сродство душ со Сталиным, поэтому он и сейчас больше всего переживает о том, что XX съезд осудил Сталина, а XXII съезд еще добавил.

Я считаю, что мы мало сделали. В этом я себя упрекаю. Надо было больше решительности проявить в те времена. Ну, как говорится, после драки кулаками не машут, и я беру на себя вину за то, что тогда не доделал, а нужно было доделать в интересах народа нашего, в интересах партии, в интересах нашего будущего.

Начались допросы. Я сам слышал, как Сталин часто звонил Игнатьеву. Тогда Игнатьев был министром госбезопасности. Я знал Игнатьева. Он был больной человек. Это был человек мягкого характера, вдумчивый и располагающий к себе. Я к нему очень хорошо относился. В то время у него был инфаркт и он сам был на краю гибели. Сталин ему звонил, а мы знали, в каком физическом состоянии он находится. Он с ним разговаривал по телефону в нашем присутствии. Сталин выходил из себя, орал по телефону, угрожал ему, что он его сотрет в порошок, и требовал бить, бить их, кандалы надеть.

Василенко был, кажется, в Китае в это время. Его отозвали из Китая, и как только он переехал советскую границу, ему надели, как говорили, кандалы.

Я не знаю, все ли, но у меня отложилось в памяти, что он сознался в своих преступлениях. Я сейчас не могу осуждать тех, кто оклеветал себя. Слишком много передо мной прошло

разных людей, разных характеров, честных и преданных нашей партии, революции, которые создавались. Примером тому — Мерецков, который доживает свой век, ходит, согнувшись в дугу, и который признал, что он английский шпион. Врачи тоже попали не в лучшее положение, и они тоже признались.

Виноградов лечил Сталина, а его редко врачи лечили. Он не пощадил и его, арестовал, его тоже били. Наверное, били. Всех били. Я сейчас не помню, сознался он или не сознался, но он тоже попал в общую кашу.

Так возникло дело врачей, позорное дело.

ХІХ СЪЕЗД

Кончался 1951 год или начался 1952-й. Не помню, в каком месяце, Сталин собрал нас у себя и высказал мысль, что надо собрать съезд партии. Нас уговаривать не надо было: мы все считали невероятным, чтобы съезд не собрался 12 или 13 лет.

Решили, что надо собрать съезд, и наметили его, кажется, на ноябрь 1952 года.

Сталин не сразу определил повестку дня, и мы между собой обменивались мнениями, гадали, возьмет ли Сталин на себя Отчетный доклад или кому-то его поручит. Мы гадали, кому же он может поручить делать доклад. Думали, если он сам не возьмет на себя доклад, почувствует, что он физически слаб и не сможет простоять столько времени на трибуне, то, возможно, он раздаст его письменно, то есть не будет зачитывать.

Когда Сталин определил повестку дня, он сказал, что, мол, Отчетный доклад давайте поручим Маленкову.

«Об Уставе», — сказал Сталин, — Хрущеву давайте поручим сделать доклад, а доклад о пятилетке — председателю Госплана Сабурову».

Так, собственно, и была принята повестка дня съезда. Как Сталин сказал, так и записали — никаких замечаний не было сделано.

Признаюсь, когда мне поручили готовить доклад по Уставу партии, я очень дрожал. Это была для меня большая честь, но она не радовала, потому что я знал, как трудно подготовить доклад по такому вопросу и трудно его провести через утверждение. Я знал, что здесь все набросается на мой доклад, особенно Берия, а он и Маленкова потянет за собой. Так оно и было.

Стали готовить доклады. Были подготовлены Отчетный доклад и по Уставу. Их утвердили.

Были сделаны доклады. Потом началось обсуждение. Прения были короткие. Да, собственно, и не было условий, то по-настоящему разворачивать прения, обсуждение этих вопросов.

Съезд шел к концу. Обсудили доклад о пятилетке. Это была самая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо принимались, очень некачественно она была подготовлена и доложена съезду.

Мы подошли к концу съезда. Надо было проводить выборы руководящих органов. Вся подготовительная работа была проведена аппаратом ЦК. Так всегда делалось. Все люди еще до начала съезда были подобраны аппаратом. Так же подбирались и делегаты съезда. Определяли, сколько надо брать в ЦК рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, кого выбирать персонально. Одним словом, вся структура и состав ЦК заранее были разработаны и заранее были подобраны люди.

Выбрали ЦК. Закончился съезд. Спели «Интернационал». Сталин в конце выступил. Буквально пять или семь минут он речь держал. Тогда все восхищались, все радовались, как гениально сказано, и прочее.

Когда Сталин закончил свою речь, сошел с трибуны и съезд был закрыт, мы пошли в комнату Президиума ЦК.

Сталин сказал: «Во, смотри-ка. Я еще смог».

Смог! Мы тогда посмотрели, что он смог. 5—7 минут он смог продержаться на трибуне и считал это своей победой. Из этого мы тогда сделали вывод, насколько он физически слаб — для него было невероятной трудностью произнести речь на 5—7 минут, а он считал, что он еще силен и еще может работать.

Кончился съезд. Вдруг ночью начинают голосовать поправку — Говорова и еще 2—3 человек забыли выбрать в кандидаты в члены ЦК. Сталин потом о них вспомнил и уже после съезда вставил их в списки выбранных органов.

Казалось бы, хорошо, что он о людях заботится. Плохо то, что он насильно Устав, насильно теорию и практику строительства партии — принимал решения один, без обсуждения. Он выдумал, что их забыли, пропустили при печатании списка. Конечно, ничего не было пропущено, это легко было доказать.

Потом мы были очень поражены следующим фактом. Это тоже довольно показательно. Формировались руководящие органы — Президиум Центрального Комитета и партийной контрольной комиссии. Это самый ответственный момент: из выбранных членов ЦК надо создать руководящие органы. Смотрим, создается Пленум, а никакого разговора с нами Сталин не поднимал.

Какой будет состав Президиума? Ни числа, ни персонального состава — ничего не известно. На Пленуме Сталин выступил, разделал Молотова и Микояна. Он поставил под сомнение их порядочность, в его речи сквозило политическое недоверие, подозрение в какой-то политической нечестности.

Сталин, сам открыв Пленум, тут же внес предложение о составе Президиума ЦК. Он вытащил какие-то бумажки из кармана и зачитал их. Он предложил состав в количестве 21 человека. Это было принято без разговора, без обсуждений. Мы уже привыкли — раз Сталин предлагает, то нет вопросов, нет обсуждений. Это Богом данное предложение, а все, что Бог дает, то не обсуждают, а благодарят.

Когда он читал состав, мы смотрели все вниз, не поднимая глаз. 21 человек — трудно работать в таком большом коллективе, решать оперативные вопросы.

21 человек был избран. Я не буду перечислять сейчас этих людей. Там были разные люди и разного достоинства. Эти люди пользовались доверием партии, и нельзя было сказать, что эти люди недостойны, но многие из них были неподготовлены к такой деятельности. В этом мы не сомневались. У нас было твердое мнение по этому вопросу.

Когда Сталин предложил Президиум ЦК из 21 человека и назвал их персонально, он сказал, что так как будет громоздкий Президиум из 21 человека, то надо избрать из состава Президиума Бюро Президиума. Это было совсем не уставное предложение. Мы только что Устав приняли, и тут же Устав этот ломается. Он сказал, что будет оперативное бюро, которое станет собираться чаще и будет принимать решения по всем текущим оперативным вопросам. Кажется, он предложил Бюро в составе 9 человек. Он тут же назвал состав Бюро.

Когда он читал состав Президиума ЦК, я слушал и думал: будут ли включены Молотов, Микоян и Ворошилов. Я сомневался — это были люди, на которых Сталин махнул рукой и над их головами уже нависла опасность попасть в шпионы и, таким образом, быть объявленными «врагами народа».

Нет, они включены. Я радовался — это хорошо.

Но когда он стал читать Бюро, то там уже не было фамилий Молотова и Микояна, но был Ворошилов. Я опять ничего не понимал. Как это так: Молотова нет, Микояна нет, а Ворошилов есть? Ворошилова Сталин начал подозревать значительно раньше, чем Молотова и Микояна.

Бюро, по-моему, такое было: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин и Булганин. Вот — 9 человек.

Ворошилов попал в Бюро. Что такое? Я решил, что все хорошо кончается. Сталин в конце концов понял, что он зря Ворошилова считал нечестным человеком, агентом английским или черт-те каким. Все зависело от воображения Сталина — кто является агентом и какой империалистической страны.

Началась работа. Работа, конечно, продолжалась так же, как и до этого шла. Здесь уже из 9 человек Сталин по своему выбору и своему благоволению избрал пятерых. Об этом нигде не говорилось открыто, а это избрание мы определяли сами. Он приглашал к себе только тех, кого он считал нужным созвать. Считалось большой честью быть приглашенным к Сталину и считалось дурным предзнаменованием, когда кто-то из тех, которых он раньше приглашал, не приглашался.

В пятерку входили: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев. Реже он Кагановича и Ворошилова приглашал, а совершенно не приглашал Молотова и Микояна.

Мы очень тревожились за судьбы Молотова и Микояна. То, что их не ввели в Бюро, было зловещим шагом со стороны Сталина, он что-то задумал. На Пленуме, когда он выступил с речью, я был поражен, что он в ней сформулировал обвинения в адрес Молотова и Микояна. Это не шутка, это не то, что узкий круг, пять — семь человек. Потом выступил Молотов. Микоян тоже что-то говорил. Я не помню, что они говорили. В стенограмме, наверное, все осталось. А может быть, даже ничего и не записывалось, Сталин мог это сделать. Мы уже были настроены, что, видимо, Молотов и Микоян обречены.

После съезда Микоян и Молотов, пользуясь старой практикой, когда все собиравшиеся у Сталина, продолжали сами приходить, без звонка. Они узнавали, что Сталин в Кремле, и приходили, а если он за город уезжал, то они тоже приезжали. Их пропускали, они приходили и все вместе проводили вечера. Я уже не буду сейчас возвращаться к тому, какие это были вечера. Я уже об этом говорил.

Однажды Сталин сказал: «Я не хочу, чтобы они приезжали».

Не знаю, что он сделал, видимо, приказал никому не говорить, когда он приезжает в Кремль, и не говорить, где он, когда звонят Микоян или Молотов и спрашиваются о нем. Они разыскивали Сталина, потому что тем самым хотели сохранить себя не только как руководителей, но и как членов партии, как живых людей. Они добивались, чтобы Сталин вернул им доверие. Я это понимал, сочувствовал им и всемерно был на стороне Молотова и Микояна.

После его запрета эти люди потеряли возможность знать, где Сталин, и, следовательно, потеряли возможность быть вместе со Сталиным. Тогда Микоян и Молотов поговорили с Маленковым, а может быть, даже и с Берией, и мы втроем — Маленков, Берия и я — договорились звонить Молотову или Микояну, что мы поехали на «ближнюю» или что мы поехали туда-то. Они тогда тоже приезжали.

Я заметил, что Сталин бывал очень недоволен, когда они приезжали. Это продолжалось какое-то время. Они пользовались «агентурными сообщениями» с нашей стороны, мы превратились в агентов Молотова и Микояна. Прошло какое-то время, и Сталин понял нашу тактику, а понять было трудно. Он, наверное, допросил свою приемную, и ему там сказали, что они не сообщали, где Сталин, ни Молотову, ни Микояну. Раз они приезжают и довольно точно приезжают, следовательно, кто-то из нас это делает, то есть из людей, которых он приглашает. И однажды он устроил нам большой разнос. Он не называл никого из нас, но больше всего адресовался к Маленкову.

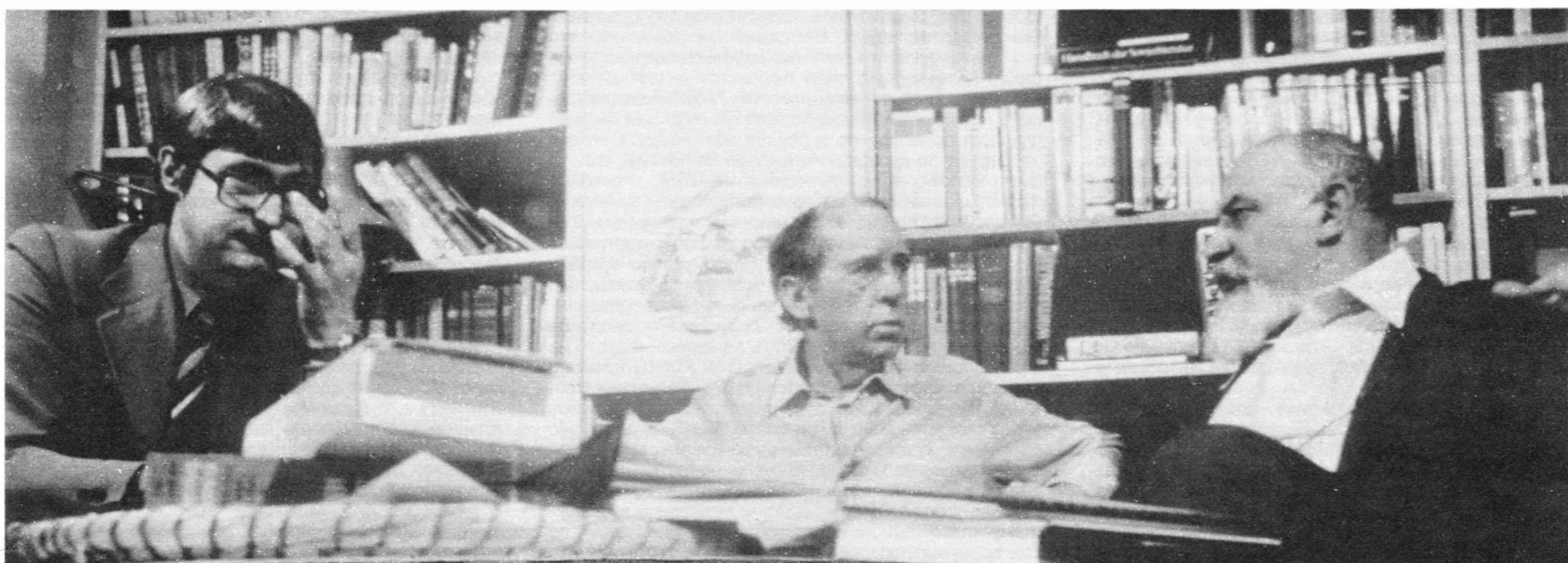
Он сказал: «Не сводите Вы нас».

Вторая мировая война была последним предупреждением; сегодня всем ясно, что после третьей человечество не выживет. Как же объяснить всем и всемирно усвоить, что взаимное понимание лучше всех конфронтаций? Впрочем, и понимание пониманию рознь. Ужасаясь сегодня сталинско-нацистскому сговору, столь недолговечному и столь позорному, мы думаем и о том, как опасны моменты взаимного притяжения тиранов, усиливающие их бесчеловечность. Сколь опасны нерешительность, трусость, вялое противостояние злу. Вторая мировая война началась полвека назад, первого сентября 1939 года, изувечив судьбу человечества, показав такие бездны ужаса, в которые народам не доводилось заглядывать еще никогда. Украденное у народов взаимопонимание, противопоставление одной нации другой, изоляция народов друг от друга, ложь, разделяющая народы, — все эти смертельные опасности слились в одну — мировую.

Сегодня мы передумываем уроки второй мировой, все еще не привыкнув к изувеченным в ней судьбам людей и наций, не оплакав еще десятки миллионов убитых, не привыкнув к сотням миллионов обездоленных. Страшный урок, не имеющий права на повторение.

И все же — в частности, недавний визит М. С. Горбачева в ФРГ показал это — старые предрассудки преодолеваются, старая боль прорастает новой надеждой. Уставшая от ненависти Европа ищет пути к согласию, понимая, что на иных не спастись. Дальше вы прочтете отрывок из диалога двух европейцев. Диалог этот был записан западногерманским

телевидением десять лет назад. Вели его люди, противостоявшие друг другу в годы второй мировой войны с оружием в руках. Один был в форме гитлеровского вермахта, другой — Красной Армии. В дальнейшем судьба распорядилась странно: бывший немецкий обер-ефрейтор Генрих Бёлль стал одним из крупнейших писателей нашего века, нобелевским лауреатом, чаще всего переводимым у нас в стране немецким литератором. Бывший советский майор Лев Копелев оказался в изгнании, был лишен советского гражданства и поселился в ФРГ. До этого он стал очень известен в СССР как исследователь немецкой культуры и литературы. Заканчивались семидесятые годы, Европу и мир переполняли новой ненавистью, начинали оружием, пытались снова противопоставить и столкнуть настрадавшиеся народы. Мы повторяли, как заклинание, слова о невозможности новой войны и ощущали ее приближение. Не случайно в это время Бёлль и Копелев решили поговорить с немецкими телезрителями именно об уроках рождения и преодоления ненависти, о врагах взаимопонимания, сотрудничества народов и наций. Уроки прошлой войны и сегодня не всеми усвоены как следует. Генрих Бёлль до самой смерти писал об этом, пытаясь изгнать ненависть из повседневности; Лев Копелев руководит сегодня в ФРГ исследовательским центром, изучающим проблемы взаимопонимания наших народов, одну за другой издает книги о русско-немецких культурных связях. Только что он приезжал в Москву. Так важно увидеть друг друга и понять, что народы не хотят новых противостояний. Им и прежние были навязаны.

РАЗРУШЕНИЕ СТЕРЕОТИПА

Москва. 6 августа 1979 года. Клаус БЕДНАРЦ (корреспондент телевидения ФРГ), Генрих БЁЛЛЬ, Лев КОПЕЛЕВ.

Клаус БЕДНАРЦ: Господин Бёлль, господин Копелев, что в вашей жизни сыграло решающую роль в определении ваших отношений к другой стране и ее народу? Иными словами, господин Копелев, что вы с детства знали о немцах, о Германии?

Лев КОПЕЛЕВ: Мое раннее детство — это годы первой мировой войны. Тогда была, конечно, ненависть к немцам, но теперь, в свете нового опыта, можно сказать — то была весьма поверхностная неприязнь, хотя дети и чувствовали ее. Одним из очень значительных событий было для меня вступление немецких войск в Киев. Именно тогда я, шестилетний, полностью изменил свои представления о немцах, возникшие раньше из картинок, из рассказов няни. Я видел, как дружелюбно относились к нам, детям, немецкие солдаты. Особенно поразил меня плакат, изображавший за дружеской беседой кайзера Вильгельма и царя Николая. (Этот эпизод я описал в книге «И сотворил себе кумира».) Плакат ошеломил и меня, и мою няню — она была яркой монархисткой, обожала царя. А начиная с 1918 года, не осталось и следа той антинемецкой пропаганды, что хорошо запомнилась мне с 4—5 лет.

Клаус БЕДНАРЦ: Господин Бёлль, какое представление о русских, о России было в вашей семье?

Генрих БЁЛЛЬ: В семье едва ли. Было несколько родственников, которые участвовали в первой мировой войне. Я с удивлением прочитал в книге Копелева, что у них ту войну называли «германской». Мне это показалось очень интересным. Так вот, некоторые родственники были на Восточном фронте. Кое-

кто побывал в русском плену и очень тепло рассказывал о бедной, нищей в те годы России, но дружелюбной. Образ был бледный, расплывчатый. Очень мало информации. Мой же образ России возник из литературы, когда я читал Достоевского...

Клаус БЕДНАРЦ: Уже тогда, при Гитлере, читали?

Генрих БЁЛЛЬ: Примерно в шестнадцать-семнадцать лет. Это были самые дешевые издания, частью старые, у нас было мало денег. Я прочитал всего Достоевского, всего Чехова — не пьесы, а прозу. Тогда я еще не понимал противоположности этих двух авторов, но, по всей вероятности, чувствовал это. Примерно тогда же я прочитал Толстого и был потрясен, очарован величием и таинственностью страны. Не помню точно, когда именно, но я прочитал у Чехова о Сахалине. Меня всегда привлекала география, разумеется, я не занимался ею серьезно. Когда я хочу узнать что-либо о стране, я сначала беру карту. Так вот, тогда я тоже взял карту, и мне стало не по себе от огромных пространств. Мы не привыкли к таким большим масштабам. Если посмотреть на Западную Европу — на Голландию, на Бельгию, даже на Францию, которая, по европейским понятиям, очень большая страна, то представь себе, как мал, ничтожно мал этот клочок земли — Западная Европа — с ее тогда уже, вероятно, двумястами миллионами жителей, с ее плотностью населения, прилежностью, производственными мощностями, в разной степени свойственными той или иной нации, — и вдруг эта огромная Россия, эта громадная страна, о которой мало что известно. Вот таким было мое первое впечатление о России.

Клаус БЕДНАРЦ: Господин Бёлль, что вы можете сказать о нацистской пропаганде, изображавшей русских и вообще славян «недочеловеками»? Ведь какое-то воздействие она должна была оказать на вас?

Генрих БЁЛЛЬ: Никакого воздействия. Но я не считаю это своей заслугой. Так я был воспитан. Читая и размышляя над книгами, я пришел к убеждению, что вообще не бывает никаких «недочеловеков», а есть только люди. Люди, живущие в различных условиях... Разумеется, еще до Гитлера у нас существовал некий образ Советского Союза, атеистического государства, внушающего ужас. Упрощенный образ, созданный пропагандой. Как именно во мне увязывались образы той, старой России, которую я знал по книгам, с представлением о Советском государстве, тогда уже достаточно долго существовавшем, я сейчас не могу вспомнить. Во всяком случае, у меня никогда не было ощущения, будто там живут «не люди». А нацистские представления о русских на меня вообще не действовали. Сперва ведь все было направлено против немецких коммунистов: внутрисоветская борьба. Понимаете? В то время я уже имел представление о коммунистах. В Кельне довольно значительная часть населения была коммунистической; это весьма интересно, если учесть, что город-католический. Коммунисты были и среди жильцов дома, который принадлежал моему отцу; часть рабочих его столярной мастерской были коммунистами; само собой разумеется, они были для меня людьми, не «недочеловеками», я запросто разговаривал с ними в мастерской, встречал их на улице, видел в разных местах, в разной обстановке.

И это наглядное представление о коммунистах, конечно же, как-то переносилось и на Советский Союз. Ведь именно там были коммунисты, но все они — что самое ужасное — являлись еще и атеистами. Имея столь четкое представление о коммунистах, я понимал, что не могут русские быть такими уж плохими.

Кlaus Беднарц: *Господин Копелев, у вас с детства сложилось весьма положительное представление о немцах. Изменились ли эти представления, когда в Германии пришли к власти нацисты?*

Лев Копелев: Ни в коей мере. На меня этот факт повлиял еще меньше, чем на Генриха Бёлля, — уже в силу разницы возрастов. В 1933 году, когда ему было только 16 лет, мне был 21, и я уже был женат. Мне хотелось бы особо подчеркнуть, что наша пропаганда после 1933 года и вплоть до 41-го была направлена не против немцев, а против нацистов. В Москве тогда проживало много немецких эмигрантов — целая колония, и среди них мои друзья, немецкие писатели, например, Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, с ними я был очень дружен. Нет, об изменении отношения к Германии, вообще к немцам тогда и мысли не возникало. Более того, у людей моего поколения были несколько идеализированные представления о событиях в Германии: мы не верили, что нацизм в стране так силен, как это было в действительности... И 22 июня, когда пришли первые сообщения о войне, должен признаться, я был настолько глуп, что поначалу даже обрадовался. Вот она, святая война! И теперь немецкий пролетариат выйдет к нам навстречу, и Гитлер будет немедленно свергнут... Позже, уже в годы войны, я неоднократно встречал друзей, которые говорили мне: «Помнишь, как ты, сияющий, бегал по улицам 22 июня и кричал: «Вот она, великая, святая война, которая приведет к освобождению Европы»?». Да, у меня не было сомнений в этом. Какое-то время я верил, что пройдет всего несколько недель и к нам навстречу выйдут пролетарии Берлина, Рура, что все будет именно так, как мы себе представляли, читая немецкую антифашистскую литературу, слушая рассказы немецких товарищей в Москве. Великой мечтой моей молодости была Испания — гражданская война в Испании. И я знал, как немцы сражались в Интернациональных бригадах.

Генрих Бёлль: Да-да, и я считаю: нельзя забывать о том, что Компартия Германии до 1933 года была самой крупной коммунистической партией мира. А тогда коммунистами становились по убеждению. Надежды всех коммунистов, социалистов, революционеров были обращены к Германии. Мы теперь забыли, как велика была наша компартия, как сильна, как много хороших газет она издавала. Я хорошо помню, как читал разные коммунистические газеты, среди них и нелегальные. Какие там были необычайно захватывающие, анекдотические истории о нацистах. Мы постоянно забываем, что наша Германия была по-настоящему надеждой мировой революции. Об этом свидетельствует история рабочего движения, о чем мы тоже забываем. Все это взаимосвязано. И уходит корнями в прошлое столетие. Все двигалось в направлении революции. И я только так могу объяснить сумасшедшие идеалистические представления Копелева...

Лев Копелев: Мои немецкие друзья уже тогда пытались меня взрастить. Я хорошо помню эти разговоры. На фронт я попал только в августе, а война, как известно, началась в июне, и еще весь июль я мог с ними подолгу дискутировать.

Генрих Бёлль: Неужели немецкие эмигранты разделяли твои взгляды?

Лев Копелев: Нет, они говорили: «Погоди, такое дело скоро не делается, вермахт — это мощная машина». В личных разговорах они смотрели на вещи более реально, чем в листовках, которые писали.

Кlaus Беднарц: *Но у вас, господин Копелев, сперва, после вторжения немцев, возникли надежды на революцию...*

Лев Копелев: Да, в первые дни очень большие. Со временем они угасли.

Кlaus Беднарц: *Потом наступили замешательство, отрезвление, разочарование. Но затем из всего этого должна бы последовать обратная реакция.*

Лев Копелев: Верно, но в ненависть к немцам она во мне не вылилась. Против этого у меня, если можно так выразиться, был иммунитет. Гуманизм прививался мне с детства, и не только дома, но и в школе, в институте. Конечно, наше представление о Германии — я имею в виду моих сверстников, а не только себя, — для всех нас Германия была страной Карла Либкнехта и Эрнста Тельмана, страной немецких рабочих. В 1932 году настало время, когда мы думали: в Германии вот-вот начнется...

Кlaus Беднарц: *Революция?*

Лев Копелев: Да, революция. На выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года коммунисты получили значительный прирост голосов.

Генрих Бёлль: Последние свободные выборы перед 1933 годом...

Лев Копелев: И нацисты тогда потеряли по меньшей мере два миллиона голосов. Мы надеялись: «Вот-вот начнется!» Думали, что Гитлер — лишь последняя преграда на пути к революции, что это просто акт отчаяния, вынудивший крупную буржуазию призвать его к власти. Я помню в январских или февральских «Известиях» 33-го года большой фельетон, кажется, Радека, озаглавленный «Шуты на троне». В общем, мы действительно недооценивали нацистов.

Генрих Бёлль: Многие немцы их тоже недооценили. Я думаю, что Гинденбург и Папен, которые устроили эту махинацию, сами надеялись, что удержат власть в своих руках.

Кlaus Беднарц: *Господин Бёлль, у вас с Россией связаны самые положительные эмоции? Вы не считали, что ее новое государственное устройство — наш заклятый враг? Как же восприняли вы ту ситуацию, в какой оказались, маршируя с вермахтом по России?*

Генрих Бёлль: А ведь я туда попал добровольно. Нас в школе воспитывали ветераны первой мировой войны. Их фронтовой опыт был опытом поколения отцов. До 1941 года я настоящей войны не знал, ничего серьезного не испытал. Во Францию я попал, когда уже все было кончено. Служил в оккупационных войсках. А я хотел узнать, что такое настоящий фронт. Это было глупое, безотчетное любопытство. Сам хотел испытать. Не знаю, как объяснить это психологически... Я мог бы избежать отправки на фронт. Кто хорошо знал бюрократический аппарат вермахта, знал и возможность уклониться, раздобыть броню, медицинскую справку и т. п., мог бы и во Франции остаться. Но я решил: нет, поеду! Сегодня это звучит по-дурацки. Но я хотел не потому, что это была Россия, а просто чтобы испытать, что такое фронт... Да, меня не интересовали боевые действия. Просто я хотел знать, как оно все происходит. Так я и попал в Крым. Как раз когда он был уже отрезан. И тогда раскаялся в своем легкомыслии, в своей глупости. Это было безответственно по отношению к семье, к жене — тогда я уже был женат; опомнившись, когда было поздно... Полный раскаяния, вернулся на родину, потом все же опять пришлось попасть на фронт, теперь уж вопреки желанию. К тому времени немецкая армия отступала через Румынию и Венгрию, и я вышагивал в ее рядах. Но потом всему этому настал конец. Понимаете, мне очень трудно объяснить, существовал миф о «фронтовом мужестве», который всегда, даже в юности, вызывал у меня сомнения. Когда в школе я слышал очередной рассказ учителя о том, как они «ринутся в атаку» и ему «прострелили котелок»... и прочую ерунду, во мне пробуждалось желание разрушить этот миф. Что окончательно сделать мне удалось значительно позже.

Кlaus Беднарц: *Господин Бёлль, как война отразилась на вашем представлении о России, о ее людях? Изменилось ли что-нибудь и в чем это проявилось? Ведь ваши окопы располагались против окопов русских, вы сражались с ними.*

Генрих Бёлль: Ну, «сражаться» не совсем подходящее слово. Конечно, я был там, в окопах. Но это только усилило мою симпатию к русским. Вот Лев говорил о том, что его разочаровали молодые рабочие. Им было тогда 20—22, и их уже 8 лет обрабатывала нацистская пропаганда. Но были и рабочие коммунисты.

Кlaus Беднарц: *На фронте?*

Генрих Бёлль: Да, на фронте.

Кlaus Беднарц: *В штрафных батальонах?*

Генрих Бёлль: Нет, не только, хоть это и странно. Я знал нескольких, которых освободили из лагеря и допустили к «защите отечества». А в 1944 году в немецкой армии числились коммунисты, но простыми солдатами. Их нельзя было повышать в чине, высшим было звание обер-ефрейтора, не назначали их и унтер-офицерами, но у них была хорошая военная подготовка еще со времени их подпольной борьбы. Все это чертовски сложно. Но те парни, о которых говорил Лев, — 22—23-летние, им ведь было по 12 лет, когда они попали в руки наци. Так вот, для рабочих, а я всю войну провел среди рабочих, я ведь сам был рядовым, о чем несколько не сожалел, для многих из них, для большинства, то, что они увидели в СССР, было чудовищным разочарованием. Взять, к примеру, хозяйственные, социальные условия жизни в городах, в деревнях...

Кlaus Беднарц: *...плохие жилища, плохие дороги?*

Генрих Бёлль: ...Да, плохие. В общем, их постигло чудовищное разочарование! Это нужно знать, чтобы понять движение антикоммунизма, которое так усилилось после войны; и виной тому не только пропаганда холодной войны. Советская действительность, свидетелем которой стал каждый солдат, каждый военнотрудовой, — и тут уж не важно — нацист он или нет, отнюдь не вдохновляла, не свидетельствовала в пользу социализма или коммунизма. Ведь не все немецкие солдаты были идиотами, они

все видели и делали из виденного соответствующие выводы. На мой взгляд, это очень важный момент, однако его не учитывают. А потом настала пора освобождения Красной Армией, что тоже не слишком вдохновляюще выглядело, это было освобождение без кавычек и в кавычках. Я рассказываю обо всем этом, потому что иначе нельзя понять мое поколение, нельзя понять и антикоммунизм сороковых — пятидесятих годов. Однако мое личное представление о России, по существу, не изменилось. И, как я уже сказал, мои симпатии скорее возросли.

Кlaus Беднарц: *А на чем они основываются?*

Генрих Бёлль: Я не могу этого объяснить так сразу. Может быть, все дело в литературе. Но главное — это люди, настоящие люди, и человечность, понимаете, необыкновенная человечность, даже в самой нищей деревне. Этого нельзя выразить словами. Например, я долго лежал в лазарете, имел дело с русскими. Они приносили нам хлеб, всякую еду. И эта человечность явственно проявлялась во всем. При этом я ни разу не ощутил ненависти к немцам. Я видел много советских военнопленных раньше, еще на Западе, видел, как они работали, как чудовищно с ними обращались. Это одна из самых страшных глав в истории немецкого вермахта. Мы видели советских солдат, которые должны были работать на улицах во время бомбежек, голодные. Иногда удавалось сунуть сигарету кому-нибудь из них... Я видел советских военнопленных во Франции, где они строили укрепления. Мы, солдаты, могли с ними разговаривать. Я ни разу не замечал, чтобы какой-нибудь солдат вермахта плохо с ними обращался. Такого не было. Напротив, мы всегда старались им чего-нибудь дать. Эти случаи тоже относятся к так называемому фронтовому опыту...

Кlaus Беднарц: *Во время войны вполне могло случиться, что вы оба оказались бы непосредственно друг против друга по разные стороны фронта. Господин Копелев, можете ли вы себе представить, как бы все происходило, если бы немецкий обер-ефрейтор Бёлль попал в руки советского майора Копелева? Как бы это выглядело?*

Лев Копелев: Ну, тут мне не приходится фантазировать. Подобных случаев было великое множество. У меня и сейчас еще есть друзья и в ГДР, и в ФРГ, с которыми я познакомился как с военнопленными. Один из них, мой близкий друг Отто Энгельберт, живет в Гамбурге¹.

Кlaus Беднарц: *Ваша задача заключалась в том, чтобы их перевоспитать?*

Лев Копелев: Нашей первой задачей было разузнать, что происходит в немецкой армии. Мы называли это политической разведкой. То есть мы хотели узнать, каковы моральные принципы и политические настроения немецких солдат. Сначала мы расспрашивали. И сразу становилось ясно, что это за человек. А вот уже следующей задачей было воспитание. Мы хотели превратить их в антифашистов. За то время я обрел очень много друзей.

Кlaus Беднарц: *Это вовсе не значит — превратить в коммунистов?*

Лев Копелев: Не в коммунистов, а в антифашистов.

Кlaus Беднарц: *Неужели вы не хотели, чтобы они стали коммунистами?*

Лев Копелев: Разумеется, хотел. И надеялся, что когда-нибудь в будущем некоторые из них станут коммунистами. Но таким, кто уже через сутки объявлял себя коммунистом, мы доверяли меньше всего. Первоочередной нашей задачей было воспитание в них антифашистской солидарности. У нас даже родилась поговорка: «Есть антифашисты, и есть «кашты» — от слова «каша»... Но я встречал и таких людей, которые прежде были противниками нацизма. За четыре года, которые мы воевали друг против друга, многое изменилось. И у нас изменилось отношение к противнику. В 1941—1942 годах, когда отступали, когда сдавали города один за другим, было больше ожесточения, горечи, чем после первых больших побед, после Сталинграда, Орла, Курска. Но мы неизменно помнили: невозможно за несколько дней сделать из этих людей коммунистов, но разъяснить им правду о войне, о нацистском государстве мы обязаны.

Кlaus Беднарц: *Господин Копелев, это вы говорите о себе, о своем личном отношении к военнопленным, с которыми вам довелось работать, считаете ли вы, что так поступали во всей Красной Армии?*

Лев Копелев: Во всяком случае, большинство моих товарищей, безусловно, поступало так.

Кlaus Беднарц: *То есть те, кто выполнял в армии функции, подобные вашим, кто был офицером-пропагандистом?*

Лев Копелев: Да. Но, разумеется, и среди нас были люди с шовинистическими настроениями, ненавидевшие поголовно всех «фрицев».

Кlaus Беднарц: *Фрицев? Это ругательство?*

¹ Умер в 1989 г.

Лев КОПЕЛЕВ: Это прозвище немцев. Но были среди нас и наивные идеалисты, верившие в то, будто за неделю можно из любого человека сделать коммуниста. Однако, насколько я помню, большинство моих коллег думали так же, как я.

Клаус БЕДНАРЦ: *А было ли известно вам, фронтovým офицерам, как обстояли дела в ваших лагерях, лагерях для ваших людей?*

Лев КОПЕЛЕВ: Не имел представления, пока сам не попал в лагерь, и уж тут я познал все сполна. Но когда на фронте я кричал в рупор немецким солдатам: «Кто в плен попадет, тот свою жизнь спасет», — я верил в это, верил абсолютно.

Генрих БЕЛЛЬ: Так ведь и мы не все знали, что происходило в наших концлагерях. Не знали даже, что они существуют. Это нужно понять. Такая информация, вернее, дезинформация о стране, в которой живешь, — это явление международное.

Клаус БЕДНАРЦ: *Господин Бёлль, теперь вопрос к вам. Можете ли вы себе представить, что было бы, если бы советский майор Копелев попал в руки немецкого обер-ефрейтора Бёлля? Как бы это выглядело?*

Генрих БЕЛЛЬ: Я сразу же отпустил бы его: пусть уходит к своим. Ведь я знал, как обращаются с советскими военнопленными в Германии. Если где в развалинах были неразорвавшиеся бомбы, туда посылали советских пленных. То обращение с ними, свидетелем которого я был с 41-го по 43-й год, и побудило бы меня отпустить каждого, кто попал бы мне в руки... Впрочем, мне ни разу не представилась такая возможность, я никого не брал в плен. Ведь на Восточный фронт я попал, когда уже шло всеобщее отступление. В первый же день один обер-ефрейтор сказал мне: «Главное — старайся запомнить, как тебе выбраться отсюда». Ведь с 1943 года мы были отступающей армией. Однако на ваш вопрос я отвечаю однозначно: я бы отпустил Льва Копелева.

Клаус БЕДНАРЦ: *Понимаю. Так поступил бы обер-ефрейтор Бёлль. Но что произошло бы тогда, если бы в руки солдата немецкого вермахта попал советский офицер-пропагандист Копелев? Каково ему пришлось бы?*

Генрих БЕЛЛЬ: Было бы ужасно. Вероятно, его сразу бы пристрелили. Это я и сам видел, как убивали пленных, которые только что сдались... Уже только поэтому я отпустил бы каждого, кого мог... Но если бы его не расстреляли сразу, он попал бы в лагерь, что было бы еще ужаснее. Ведь все знают, что делали с ними, именно с ними, говорящими по-немецки офицерами-пропагандистами... Я их пропаганду тоже слышал. Их громкоговорители призывали: «Немецкие солдаты, сдавайтесь! Переходите на нашу сторону!» И так далее, ну, мы, конечно, не верили... Немецкая пропаганда о судьбе тех, кто попадал в плен, сидела в нас глубоко.

Клаус БЕДНАРЦ: *Ну а что произошло бы, если бы кто-то увидел, что обер-ефрейтор Бёлль отпустил пленного советского майора, что после этого произошло бы с вами, обер-ефрейтором Бёллем?*

Лев КОПЕЛЕВ: Его поставили бы к стенке.

Генрих БЕЛЛЬ: А может, и не поставили бы? Ведь солдаты вермахта тоже были разные... Когда я сейчас вспоминаю тех лейтенантов, которые с нами торчали на передовой, — думаю, что никто из них не стал бы меня расстреливать, а сказал бы только: «Вы, должно быть, с ума сошли, отпустили этого мерзавца». Были, конечно, чудовищные субъекты в немецком вермахте и на самых высоких постах. Я считаю их соучастниками, ответственными за содеянное, хотя их и донные щадят...

Клаус БЕДНАРЦ: *Господин Бёлль, вы говорили, что ваши симпатии к России за время войны значительно возросли. Но ведь вы не были в Восточной Пруссии, когда туда вступила Красная Армия, а Лев Копелев был при этом, и он может подтвердить, что там происходили страшные вещи. Об этом он написал в своей книге «Хранить вечно» со своей, советской, точки зрения. Вы ведь знали, слышали об этих случаях. Как они повлияли на ваше отношение к русским, к России?*

Генрих БЕЛЛЬ: Я никогда не обобщал случаев, о которых узнавал. Потому что ясно представлял себе психологию красноармейцев. Они продвигались вперед по собственной стране, совершенно разрушенной за несколько лет войны... И вот внезапно они оказались на земле врага. Я легко могу представить себе, что чувствовал солдат Красной Армии... И это надо учитывать. Учитывать в исторической последовательности. Но плохо то — и я считаю это главным аргументом в успешной пропаганде антикоммунизма, — что так освобождала народы именно социалистическая армия. Отчасти я был свидетелем освобождения Венгрии, население которой в преобладающем большинстве встречало и приветствовало Красную Армию как свою освободительницу. Там это происходило иначе, чем у нас...

Клаус БЕДНАРЦ: *Вступление Красной Армии*

в Восточную Пруссию принесло немцам много тяжелых испытаний. Господин Копелев, вы были при этом, вы были очевидцем некоторых событий, как вы можете объяснить, извинить, квалифицировать то, что там происходило?

Лев КОПЕЛЕВ: Объяснить — да, но не извинить. Эти понятия я четко различаю, я думаю, что господин Бёлль прав, говоря о психологическом состоянии наших солдат. Многие из них потеряли семьи, убитые оккупантами: все солдаты видели разрушенные деревни и города, видели следы зверств. Я тоже видел все это. Но то, что произошло потом в Восточной Пруссии, оказалось и для меня совершенно неожиданным. Ведь я верил, что мы социалистическая армия. Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен — они составляли ничтожное меньшинство, однако именно они и произвели, так сказать, «неизгладимое впечатление». Я сам был свидетелем того, как многие солдаты и старшие офицеры решительно боролись с грабежами и насилиями... Например, генерал-майор Смирнов, командир кавалерийской дивизии, приказал расстрелять на месте лейтенанта, который участвовал в изнасиловании. Это произошло в Алленштейне, в Восточной Пруссии. Настроения ненависти проявлялись в большей степени у тыловиков, а не у настоящих бойцов. Самыми отвратительными мародерами и насильниками были не солдаты боевых частей, — у них просто и времени не хватало на такое, — а тыловики, обозники...

Генрих БЕЛЛЬ: И к тому же, — прости, что я прерываю, — к тому же, был еще и хмель победы, завоевания.

Лев КОПЕЛЕВ: Да, конечно.

Генрих БЕЛЛЬ: Хмельное чувство завоевания... Я помню, как это было у нас во Франции. В боях я участия не принимал, шел с войсками второго и третьего эшелонов. И мы тоже воровали. Кто рубашку, кто велосипед или даже вино... Хотя в каждой французской деревне, на улицах городов висели предупредительные плакаты: «Грабеж карается смертью». Такие официальные приказы были в Красной Армии тоже.

Лев КОПЕЛЕВ: Приказ маршала Рокоссовского от 21 января 1945 года гласил: «Мародеров, насильников расстреливать на месте преступления».

Клаус БЕДНАРЦ: *Господин Копелев, вы сказали, что такое поведение отличало ничтожное меньшинство ваших солдат. Вы сами пытались этому противодействовать... И за это попали в лагерь, в советский лагерь?*

Лев КОПЕЛЕВ: Я был не единственным, кто старался противодействовать мародерству и насилиям. И в лагерь попал я не столько за это, сколько потому, что мои начальники, причастные к мародерству, после того, как появились суровые приказы, испугались, что я могу их разоблачить. Тут уже скасалась психология аппаратчиков.

Клаус БЕДНАРЦ: *Но ведь вас официально обвиняли в жалости к противнику!*

Лев КОПЕЛЕВ: Совершенно верно. Но обвинение звучало куда как более страшно. Потому что я выступал не только против отдельных явлений, но против безобразий вообще, и мои начальники почувствовали себя в опасности.

Клаус БЕДНАРЦ: *Тем не менее вы отсидели десять лет.*

Лев КОПЕЛЕВ: Поначалу меня оправдали. Это случилось в 1946 году. Потом мне дали три года, а еще позже довели срок до десяти лет. Но тогда это имело уже другие причины, не связанные с событиями в Восточной Пруссии.

Клаус БЕДНАРЦ: *Позже вы написали книгу о тех событиях в Пруссии, и не только о них, но им вы уделили отдельную главу.*

Лев КОПЕЛЕВ: Потому что то была очень тяжелая пора моей жизни, связанная с горькими разочарованиями в своей армии, в своей идеологии. Но глава о Восточной Пруссии — это одна из сорока глав моей книги.

Клаус БЕДНАРЦ: *Господин Копелев, господин Бёлль, известно, что в течение многих столетий немецко-русские отношения развивались довольно ровно. Самой мрачной эпохой нашей общей истории была вторая мировая война. Для вас обеих эта война определила вашу дальнейшую жизнь. Вы, господин Копелев, были официально подвергнуты опале, поставлены вне общественной жизни. На вас обрушился свой гнев многие мнимые патриоты. Как вы оцениваете сейчас отношение советских граждан к понятию «немец»?*

Лев КОПЕЛЕВ: От людей постарше еще можно услышать: «Да ведь у них там, на Западе, нацисты командуют, у них и судьи нацистские остались» и так далее. Но в общем и целом ненависти к немцам нет. И тут следует сказать о Генрихе Бёлле. Его книга сыграла немалую роль в том, что у нас исчезают болезненные ощущения, вызванные войной. Первые книги Бёлля появились у нас на рус-

ском языке в 1957 году и стали значительным событием для сотен тысяч, а с годами и для миллионов людей. Ведь у нас к тому времени почти не знали современных немецких авторов. Знали лишь несколько книг писателей ГДР, но они почти не освещали проблем войны и послевоенных тоже, за исключением, пожалуй, Анны Зегерс. Впервые «новых немцев» мы открыли для себя в романе Ремарка «Время жить и время умирать», который был опубликован у нас в 1956 году. Тогда начался большой «ремарковский бум», который продлился до начала 60-х. Благодаря Ремарку мы узнавали настоящих немцев, плохих и хороших, не одних только послушных своему фюреру «фрицев», как представлялось прежде. А потом настала пора произведений Бёлля. Первой его книгой у нас был роман «И не сказал ни единого слова», затем вышла повесть «Хлеб ранних лет», а потом рассказы и все-все его романы. В те годы мы с женой много ездили по стране, читали лекции в институтах, библиотеках, в учреждениях, я встречался с читателями самых разных слоев общества в разных городах от Москвы до Владивостока. И мы видели, как происходило это новое открытие Германии.

Клаус БЕДНАРЦ: *Вопрос к вам, господин Бёлль, как бы вы охарактеризовали нынешнее представление немцев о русских, о России? Так же положительно, каким видит господин Копелев отношение русских к нам?*

Генрих БЕЛЛЬ: Мне трудно сказать. Но процесс мышления несовершенен. Люди не забывают об ужасах, об инцидентах в Восточной Пруссии и т. д., а о том, как, собственно, Красная Армия очутилась в Германии, над этим никто не задумывается, хотя это столь очевидно.

И тем не менее сегодня я не замечаю какой-либо ненависти к русским. Она еще существует в известных средствах массовой информации, главным образом в определенных газетах, в определенных политических кругах... Многие закрывают глаза на тот факт, что война эта, по сути, началась еще раньше, что именно Папен и Гинденбург позвали Гитлера, они ведь не могли не знать, что он развяжет войну...

Я считаю, что общее настроение у нас не антисоветское и уж никак не антирусское. В этом немалая заслуга русской и советской литературы.

Клаус БЕДНАРЦ: *Вы, господин Копелев, считаете себя коммунистом?*

Лев КОПЕЛЕВ: Все, что я испытал, будучи убежденным коммунистом, испытал в разных условиях и до войны, и на войне, и после нее, в лагере, и потом опять на свободе, все, что я пережил как литератор и как педагог, доказывает, что коммунизм, каким я его себе представлял по Томасу Мору, Карлу Марксу и Ленину, — это утопия... Я думаю, что наши представления о мире, который превратится в сплошной цветущий сад, — это, по существу, та же самая свойственная еще древним людям вера в рай на земле, где лев и ягненок будут рядом лежать...

Если нужно как-то коротко определить мое мировоззрение и мировосприятие, то мне легче всего сослаться на Генриха Бёлля: в своем послесловии к моей книге он объяснил это, пожалуй, лучше, чем я сам себе представлял: он выделил понятие «религии братства». Из трех великих идеалов XIX века, идеалов Французской революции — Свободы, Равенства и Братства, — первые два оказались весьма дискредитированными в последующие годы и столетия. Свобода нигде не осуществлена по-настоящему. Свобода отдельного человека ограничивается либо тоталитарным государством, либо полицейским государством, либо экономическими условиями. Настоящей свободы не существует, а чтобы ее осуществить, необходимы усилия очень многих людей, усилия государств, партий, огромных масс. То же самое касается и равенства. Тут не приходится много доказывать. Но осуществить братство может каждый отдельный человек. Сегодня так же, как во времена Нагорной проповеди. Религия братства есть религия человечности. Каждый способен осознать и почувствовать себя братом всех людей. И это вовсе не противоречит нормальному, здоровому национальному чувству. Я против того безнационального коммунизма, в который верил в юности и сам его проповедовал. Нации не должны исчезнуть.

Клаус БЕДНАРЦ: *И каким оружием вы хотите бороться за свою программу?*

Лев КОПЕЛЕВ: Словом. Только словом. Словом правды.

Клаус БЕДНАРЦ: *И вы верите, что слово может быть действительно?*

Лев КОПЕЛЕВ: Верю и хочу верить.

Клаус БЕДНАРЦ: *Действенным даже в вашей стране?*

Лев КОПЕЛЕВ: Да, также и в моей стране. Я даже думаю, что для моей страны это более необходимо, чем для любой другой...

Подготовка текста И. СОЛОДУНИНОЙ.

Фото
Валерия ИНЮТИНА
(Чернигов),
Льва ГЕЛЬДЕРМАНА
(Мурманск),
Юрия ТРУНИЛОВА
(Ленинград)

ФОТОКОНКУРС

Земля у нас одна

ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» № 8, 1989 Г.

Сегодня люди стремятся к объективному знанию, в том числе знанию политическому, и все больше любят делать выводы самостоятельно. В последнее время мы получили немало тому подтверждений, публикуя неkomментированные тексты преподавателя ли Нины Андреевой, государственного ли деятеля Владимира Семичастного, писателя ли Юрия Бондарева... Множество откликов показало, что читателям по душе доверие, возможность сделать собственный вывод, ознакомившись с первоисточником. Надеемся, что так произойдет и на этот раз.

Хоть этот раз — особенный. Текст, публикуемый дальше, откровенно грязен, нескрывто нацелен на возбуждение людей, не шибко образованных, но готовых к погромным действиям по первому свистку. Поскольку — и мы в этом уверены — среди читателей «Огонька» таких нет, а среди авторов тем более, мы хотим предложить вам цитаты из одного только номера журнала «Молодая гвардия».

Тоска по российским Сумгаитам, бессилие в попытках вернуть жизнь на прежние рельсы порождают такую вот ностальгию по прошлому — злобную, темную, но требующую от всех нас предельной бдительности для противостояния ей. Надеемся, что вы еще раз поймете наше нежелание вступать в дискуссию с авторами и изданиями подобного толка. Главный смысл публикации этих выдержек — в нестареем призыве: будьте бдительны! Сегодня в трудно и нервно живущей стране любая провокация особенно опасна.

Именно с Хрущева пошла у нас в стране мода на диссидентство. Престижно стало крыть и хаять. Но если при Сталине таких отправляли прямым ходом на Колыму, то теперь стали сажать в почетные президиумы, посылать представителями народа за рубеж. А уж за рубежами таких принимали с распростертыми объятиями! Стр. 83.

Боже, сколько было сломано копий вокруг академика Сахарова! Наш опальный атомщик незаметно вырос в грандиозную фигуру. Но вот он выехал наконец в Америку и отверз свои уста. Уж лучше бы продолжал молчать! Заласканный, исцелованный, осыпанный множеством премий, он с природным косноязычием явил вдруг образец такой ненависти к своему Отечеству, что многих взяла оторопь. Кому же поклонялись-то! Стр. 84.

У меня, например, еще совсем недавнего антисталиниста, укрепилось убеждение, что Сталину пришлось очищать самые настоящие агвиевы конюшни. А ведь легендарному Гераску это зачли за один из его бесмертных подвигов... Стр. 86—87.

Преуспевающий лицедей Ульянов именно в годы застоя сумел стать членом Центрального Комитета, обойдя на каком-то выраже даже сыновей и всемогущего зятя Брежнева. Куда же он сейчас-то метит? Уж не в члены ли Политбюро? Что же касается академика Сагдеева, то не он ли все годы застоя возглавлял наше отставание от США в космической программе? И вот теперь незадачливый ученый муж ринулся поправлять свои дела на эстраду!.. Об остальных незачем и толковать, они уже достаточно всем примелькались... Стр. 105.

Пока я говорил, на трибуне стоял генерал-полковник Д. Волкогонов. Собственно, от него и следовало ждать ответа — в то время он занимал должность заместителя начальника ГлавПУРа. Однако он словно ничего не слышал и понес свою обычную трепотню... Впрочем, как его судить? Стр. 114.

Министр брал слово несколько раз. Держался он непринужденно, без официальной, и тем понравился писателям. Беседа текла без всякой программы. Темы, само собой, задевались самые злободневные. За-

говорили и об оголтелости сегодняшнего «Огонька». Подняв свежий номер этого замечного «пожелтевшего» журнала над головой, министр презрительно заявил, что подобную пакость просто противно держать в приличном доме. Естественно, затрещали дружные аплодисменты. Но троем писателям слова министра пришлось не по нраву: Бакланову, Чаковскому и Розову. После этого мы в зале их не видели.

Демонстрация? Не думаю, не уверен. Вполне может быть, что их ждали неотложные дела. Но я подумал вот о чем. А если бы на месте нашего Язова находился американский министр обороны, какой-нибудь Карлуччи, — ушли бы эти люди или же высидели бы до конца встречи? Думаю, что остались бы, лезли бы вперед, слушали, разинув рты... Но они ушли. Глядя им в спины, я подумал, что им здесь и в самом деле неуютно. Они и держались-то как представители некой посторонней силы. Но что же стояло за их уверенностью в поступках? Только ли одна природная наглость? Нет, за их спинами, как за душманами, маячила мощь США. По крайней мере, мне в ту минуту так подумалось. И еще мне пришло в голову: эти люди с тройным подданством. От имени Советского Союза они разъезжают по всему миру, своею популярностью в США сражаются со всеми нами, ну а насчет третьего подданства... думаю, читатель догадается сам.

Опасаясь, что в моих словах, в самом настроении моем невольно проскакивают нотки пресловутого антисемитизма. Ошибаетесь! Стр. 115—116.

По недавним данным, у русских на тысячу населения имеется 17 человек с высшим образованием, у евреев же — 600. Стр. 118.

А то льют патоку похвал на автора «Детей Арбата». Захвалили до того, что и сам, бедняга, уверовал в свою гениальность. А ведь сочинение-то неумное, примитивное. Сталин, руководитель такой странички, каждый день с самого утра только и ломает голову над тем, кого бы ему еще резать! То-то и поднялся дружный гул среди делегатов XIX партконференции, едва В. Карпов упомянул этот нашумевший роман. Стр. 123—124.

А недавно правительство Польши загнало в матовую ситуацию пресловутую «Солидарность». Ей было обещано признание, однако она должна

отказаться от забастовок и перестать получать из Америки деньги. Естественно, «Солидарность» фыркнула: мы что, совсем дураки? Если прекратятся забастовки, то кто же и за что нам будет посылать доллары? Стр. 125.

Сталину ставится в вину «наказание целых народов». Он даже подается как изобретатель этих страшных массовых акций.

Мне кажется прежде всего, что историческая объективность в любом случае требует постановки вопроса: а за что? Почему мы его избегаем? Что стоит за этим нежеланием спросить? Стр. 126.

Об Афганистане сейчас пишется и говорится очень много. О вводе наших войск в эту страну отзываются, как о непростительной аванюре. Я бы не торопился с подобными приговорами. Стр. 163.

Музыка, зрелища, чтение рассчитаны сейчас исключительно на физиологию. Подростков искусственно возбуждают и толкают на якобы самостоятельные поступки, что на деле является явным подстрекательством, втягиванием людей, духовно еще не окрепших, но развитых физически, в политическую борьбу. Так, кстати, поступали Троцкий и Гитлер. Стр. 193.

Мне кажется, что те, кто из всех сил раздувает «пузырь Высоцкого», сами сознают ущербность своих усилий. Поэтому в ход пошли байки о каких-то преследованиях хрипуна с гитарой, о его страданиях. Он так и подается беззастенчиво погибшим страдальцем! А этот хрипун является махровым цветком периода застоя. Именно в те годы он имел в своем распоряжении целый театр, в любой день он мог без всяких помех полететь в любой конец земного шара — подумать только, он, пожалуй, единственный из советских людей, кто отдыхал на острове Таити! Запойный пьяница и наркоман, он жил и хрипел свои сочинения под постоянным объективом кинокамер. Его еще в те времена, еще живого, уже готовили на недостижимо высокий пьедестал. Шутка сказать, отснятый кинофильм исчисляется многими километрами. И когда наркотики все же сказали свое слово, у подъезда его дома моментально оказались все машины специфической скорой помощи, которыми в то время располагала Москва... Так что какие уж гонения! Стр. 196.

Одинокими утесами стоят и принимают на себя валы озлобленной клеветы «Наш современник», «Молодая гвардия» и «Москва».

Предвижу злословие остряков и все же не удержусь и сравню их с легендарными тремя богатырями. В наши дни им требуется особенное мужество, чтобы выстоять и не упасть, не пасть на положение «шестерок».

Весь мир как-то смирился с тем, что США ведут себя на земном шаре подобно прожженному «пахану» в затурканном «кодлой» лагере. Расчетливо подкармливая разного рода отщепенцев, американцы затем натравливают их на неугодных. Так, в частности, происходит с тремя советскими журналами, которые отважились сохранить свое гражданское и национальное достоинство. На них спущена целая рать идеологической шпаны. На глазах оторопелых соотечественников творится наглая бесцеремонная расправа, поистине уголовная, типа «развод без последнего»! Стр. 203.

Невольно вспоминаются слова знаменитого Альфреда Нобеля, за чьи премии нынче столько суесть во всем мире: «Любая демократия приводит к диктатуре подонков». Стр. 204.

«Мастером и Маргаритой» Булгаков, должно быть, не закончил, а оборвал свой противоречивый путь. Всю жизнь отстаивая от хулиганов великих предшественников («Какие имена на иссохших наших языках! Какие имена! Стихи Пушкина удивительно смягчают озлобленные души. Не надо злобы, писатели русские!»), Булгаков в самом сокровенном, что он долго вынашивал, в последней своей книге, ушел — кажется, глубже и в сторону от защищаемого им духовного наследия, чем это сделали хулиганы и ниспровергатели в горлопанных лозунгах своих и жалких писаниях. Отчаявшаяся душа художника обрела символ истинного, доброго и вечного не там, где видели его Гоголь, Достоевский, Толстой — не в правдоискательском порыве вперед, к свету, не в нравственном народном обетовании, не в Боге, наконец, а в противоположностях всему этому, в отрицающей все это силе. Булгаков-художник, Булгаков-мыслитель, разумеется, отринул и вековое народное: «Все под Богом ходим». Стр. 262.

Вообще вопрос о зловещей деятельности сионистских и просионистских элементов, пробравшихся после Великого Октября в большевистскую партию, все еще остается малоисследованным «белым пятном» в истории. А ведь выходцы из «Поалей Сион» и Бунда вместе с близкими им по духу и происхождению троцкистами составляли свыше 90 процентов руководителей карательных органов. Это и есть непосредственные палачи, виновные в преступлениях против человечества. Стр. 281.

Налицо нежелание серьезно разобраться в сущности дела. Давно пора объяснить и что же такое «антисемитизм». Точно определить. Если под этим словом (по законам русского словообразования «антисемит» означает «против семитов», а большинство семитов — арабы, следовательно, антисемиты живут в основном в Израиле) имеется в виду политика ущемления евреев в государстве, то это клевета, в СССР евреи ни в чем не ущемлены. Если же термин этот расширяют до понятия «не любви» к евреям, то насильно любить никого заставить нельзя. Чувству не прикажешь. Тут все зависит от конкретного человека. Стр. 288.

В подборке использованы цитаты из материалов Н. КУЗЬМИНА, Н. СЕРГОВАНЦЕВА, С. НАУМОВА, Ю. БАРАНОВА.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ
Фото автора
и Марка ШТЕЙНБОКА

Вечером 30 марта произошел еще один сильный толчок — с эпицентром в районе Гукасяна — 7,5 балла. В сорока километрах от него, в Ленинакане, толчок ощущался как семибалльный. Такого здесь не было уже давно, месяца полтора.

Когда наутро я вошел в кабинет первого секретаря Ленинаканского горкома партии М. Л. Мкртчяна, он как раз собирался на текстильный комбинат, одно из немногих уцелевших предприятий города. Нужно было поговорить с ткачихами, попытаться объяснить им, что еще один сильный удар ожидался, но другого такого уже не будет: земная кора разрядилась, напряжение ее уже иссякло. Это хотел подтвердить и вошедший вместе со мной авторитетный специалист. Он же через несколько часов собирался выступать по республиканскому телевидению.

Мы сели в машину и поехали. По пути говорили о панике в городе, которая

была едва ли меньшей, чем тогда, седьмого декабря. И хотя новых разрушений теперь не произошло и никто не пострадал, притаившийся страх выплеснулся наружу.

Всю ночь Мисак Левонович провел с ними, своими согражданами, как мог успокаивал, просил вернуться в дома. Кто-то его послушал, но многие так и остались на улице до утра... Вот и теперь, когда мы вошли в огромный ткацкий цех, то не увидели ни души.

Из докладной записки в Комиссию Политбюро, в Госстрой Армянской ССР, в президиум республиканской Академии наук от группы авторитетных армянских ученых и специалистов:

«...Ныне получены дополнительные данные, которые подтверждают неблагоприятные в инженерно-геологическом и сейсмическом отношении условия для строительства на северо-западном участке. Проведен анализ афтершоков Спитакского землетрясения (то есть толчков, последовавших за главным ударом), в частности, показывающий, что грунты в Ленинакане типа тех, что слагают территорию на северо-западном участке, они сильно увеличивают продолжительность сейсмических колебаний, а также их амплитуду, причем в области больших периодов. Между тем записи на базальтах, таких, какие слагают юго-восточный район, наоборот, указывают на уменьшение интен-

сивности колебаний. Об этом свидетельствуют также данные о 7,5-балльном афтершоке 30 марта с эпицентром у Гукасяна.

Зона размещения эпицентра Спитакского землетрясения охватывает северный участок (район села Мармашен), то есть этот участок находится в сейсмоактивной зоне. Свидетельством этого является также разрушение села Охчоглы, расположенного на правом берегу реки Ахурян, против села Мармашен, а также разрушение или повреждение большинства домов в самом селе Мармашен. Между тем юго-восточнее Ленинакана села Айгабац и Аревик почти не пострадали, находясь по отношению к эпицентральной зоне землетрясения 7 декабря ближе, чем село Мармашен.

В сейсмоопасную зону входит и строящееся Капское водохранилище, расположенное в трех километрах севернее северо-западного участка... При разрушении плотины существует реальная опасность затопления и прилегающего района г. Ленинакана, а также прилегающих населенных пунктов, в особенности северо-западного участка, который ныне застраивается...»

Подобный документ был составлен и на заседании ученого совета геологического факультета Ереванского государственного университета.

29 марта, за сутки до Гукасянского

толчка, в переполненном зале прекрасного устоявшего Ленинаканского городского театра состоялось публичное обсуждение проекта генерального плана восстановления и развития города. Открывший обсуждение председатель горисполкома Э. М. Киракосян, сказав, что сегодня нужно окончательно снять все вопросы, предоставил слово руководителю проекта С. П. Кишицян, архитектору из Еревана.

Кишицян, взяв в руки указку, извещал специалистов, партийных и советских работников, а также многочисленных жителей города о том, что под застройку выделен новый участок — прилегающий к Ленинакану с северо-запада, где будет возведено два миллиона квадратных метров жилья, далее строительство намечено вести в самом городе. Что будут сооружаться малоэтажные здания, хотя наука считает: можно строить и многоэтажные. Что юго-восточный вариант менее благоприятный, и потому он не рассматривается.

Из выступления руководителя проекта следовало, что никакого альтернативного варианта нет, все уже решено. Эта мысль висела в воздухе, носилась по рядам собравшихся. Говорили друг другу: через два дня Совет Министров республики должен генеральный план утвердить. При въезде в город висел огромный щит: «Отстроим родной Лени-

накан за два года!». Все это превращало собрание в протокольную формальность, в повод отчитаться в печати о демократичном решении вопроса.

А тем временем, выехав за черту города, можно было воочию убедиться в том, что генеральный план, по существу, уже давно утвержден — самими строителями. На огромных просторах северо-запада бульдозеры вскрывали толщи почвы, которую погружали на самосвалы и везли в город, сваливали возле котлованов, образовавшихся после расчистки развалин, и вообще всюду, где находилось пригодное место. На северо-западе рылись котлованы под новые фундаменты, многие уже были уложены. Монтировались или работали подъемные краны, подвозился материал. Стройка здесь шла уже давно.

Но странно было мне, приезжему, услышать в тот вечер в театре протестующие голоса, что северо-запад не выбран, а попросту указан, причем в первые же дни после декабрьской катастрофы. Что указан без инженерно-геологического изучения участка (это было сделано значительно позже). Что вся его геология восстает против этого строительства. Что по сейсмичности он уступает юго-востоку минимум на полтора балла. Что на северо-западе, в отличие от юго-востока, и сейсмогенные тектонические разломы, и высокая селевая и оползневая опасность, и подтопление грунтовыми водами. Что в подстилающих туфах обнаружены трещины и происходит перемещение расколотых блоков в сторону ущелья реки Ахурян.

Однако заведующий отделом инженерных систем ЦНИИП градостроительства В. Б. Беляев рассказал о том, как он будет справляться и с селями, и с оползнями, и с грунтовыми водами. Но тут же был по всем пунктам опровергнут ведущим гидрогеологом Армении Вардгесом Аветисяном, который спросил московского специалиста:

— Как вообще вы можете судить об этом? Вы же не знаете гидрогеологического режима района. Сколько вы им занимались? Две недели? И только!

— Я пользовался теми данными, которые мне представили...

Это был принципиальный момент дискуссии, которая почему-то развернулась только сейчас, когда до официального утверждения генерального плана оставалось всего два дня. Дискуссии, исход которой был предreshen — не логикой, не доводами. А чем-то еще.

В перерыве я подошел к Беляеву и сказал:

— Извините, но вы были сейчас весьма необдуманны. Неужели вам нечем было возразить Аветисяну?

И услышал ответ, который в иной ситуации мог бы поразить:

— Мне сказали, чтобы я не вступал в дискуссию.

Да, все было предresheno.

Но — нет, не могли, не хотели мириться с этим сидевшие в зале горожане. Когда же главный архитектор Ленинкана С. Г. Калацян воскликнул: «Нас поставили перед фактом! То, что здесь происходит, — это новое стихийное бедствие! Вы совершаете преступление!», — зал загудел. Зал взорвался аплодисментами.

И не успокоился, услышав слова мэра: «Главная задача — как можно скорее дать людям жилье».

Поднялся старый человек:

— Я пережил здесь два страшных землетрясения — в двадцать шестом году и нынешнее. Тогда мы два года жили в бараках. Но мы снова готовы прожить в таких условиях и два года, и даже три. Столько, сколько нужно. Мы проживем. Мы подождем. Нам не нужно как можно скорее. Нужно — надежно. Здесь, в этом городе, оставаться нашим детям, нашим внукам, нашим правнукам. Они должны жить спокойно.

И снова зааплодировал зал.

Но все было предresheno.

Капитальное жилищное строительство, как сообщила центральная печать, началось 7 января силами терри-

ториально-строительного объединения «Чувашстрой». Ровно через месяц после катастрофы. Похоже, и на этот раз не обошлось без юбилея. Началось тогда, когда еще один за другим следовали толчки, которые и строящиеся здания, и рабочих подвергали немалой опасности. И вот уже Центральное телевидение торжественно сообщило нам, что микрорайонирование, планирование, проектирование и строительство ведутся одновременно. Что на это скажет госпожа мировая практика? В ужас придет, в панику, в бегство ударится.

В марте этого года в Италии побывала делегация Госстроя СССР, в которую входили армянские архитекторы и строители. Их, в частности, интересовал опыт восстановительных работ после землетрясения, происшедшего на севере страны, в провинции Фриули, в 1976 году. Они узнали, что первые два года ушли на изучение геологической обстановки, подготовку базы для ремонтно-восстановительных работ, лишь после этого начались такие работы. Пострадавшее население сразу обеспечили временным жильем, построив одноэтажный городок. А весь восстановительный цикл составил 10 лет. На ликвидацию последствий знаменитого землетрясения в югославском городе Скопле ушло 15 лет. И вообще вся мировая практика свидетельствует о сроках такого порядка.

Мы каждый день слышим и читаем слова о проявляемой о жителях пострадавших районов заботе. Но ведь 18 тысяч (!) ленинканцев (из оставшихся в городе 105 тысяч) не обеспечены щитовыми домиками и по сей день. И ятятся черт-те где! Это сказал мне первый секретарь горкома партии. Так неужели мы, бросив в республику несметную армию техники и десятки тысяч рабочих, не смогли в первую очередь дать крышу этим несчастным людям?!

Станным мне показалось и то, что проект генерального плана представлял не главный архитектор города. Более того, фамилия С. Г. Калацян вообще не значится в числе авторов. А тут еще буквально крик его души: «Вы совершаете преступление!»

Что происходит? Что?

Еще в начале этого года С. Г. Калацян обратился к академику-секретарю отдела наук о Земле АН Армянской ССР А. А. Габриеляну с просьбой содействовать пересмотру северо-западного варианта. Академик собрал совещание, на котором решили считать приоритетным юго-восточный, а к северо-западному вернуться лишь после дополнительных изысканий. Через несколько дней Н. И. Рижков попросил собрать по этому вопросу геологов и разобраться.

Разобрались и еще раз подтвердили преимущество юго-востока. Все, казалось, пошло своим логичным, справедливым чередом и порядком, тем более что Председатель Совета Министров СССР предостерег от скоропалительных выводов и не настаивал на необходимости утверждения генплана именно к 1 апреля.

Однако еще несколько дней спустя Совмин республики сам назначил окончательный срок утверждения — 31 марта. И все. Юго-восточный вариант почему-то был отброшен.

А ведь еще в начале прошлого года было подготовлено, а затем утверждено технико-экономическое обоснование (ТЭО) генерального плана развития Ленинкана. Было в нем три варианта. Один из которых — юго-восточный. Ему и отдавалось предпочтение. ТЭО есть. Номер постановления есть. Есть и дата — 8 мая 1988 года.

И вдруг метаморфоза. ТЭО словно под землю ушло. Не знаю, не смею обсуждать нежданно грянувшее преимущество северо-западного варианта. Знаю только — видел и слышал, — что сейчас юго-восточный вариант всеерьез не рассматривался. С самого начала, с первых дней после 7 декабря. И вот теперь, 29 марта, на обсуждении генерального плана, или, скажем точнее, на

его представлении общественности, руководитель С. П. Кишищян сказал, будто юго-восточный вариант не имел инженерно-геологической проработки. Но ведь с такой же твердостью Саак Пальбекович заверил собравшихся в том, что северо-восточное село Мармашен и близлежащие к нему населенные пункты прекрасно устояли 7 декабря, а на юго-востоке — нет.

Что же делать нашему корреспонденту, который видел прямо противоположное — десятки разрушенных зданий в Мармашене и целехонькие в Айгабаци, Аревике, Бениамине? Не верить глазам своим? Но вот — сделанные мной фотографии...

А может быть, товарищ Кишищян не знал, что в июне — августе прошлого года инженерно-геологическим отделом ереванского института ГИГИС были проведены детальные инженерно-геологические изыскания как раз по юго-востоку, где, согласно ТЭО, надлежало построить город-спутник? И что были сделаны разрезы, а также соответствующие инженерно-геологические карты по 180 скважинам. Что составлено заключение, из которого следует: изученный район отличается благоприятной геологической обстановкой — базальтовый грунт, отсутствие (!) грунтовых вод, район находится на достаточном удалении от сейсмоактивных разломов.

Задно будет сказано, что в этом районе очень умеренные ветры, чем он опять же резко отличается от северо-западного, где ветры очень холодные.

А еще почва. 31 марта республиканская газета «Гракан терт» сообщила, что один гектар юго-восточных земель стоит 80 тысяч рублей против 119,7 — северо-западных. Тех, на которых вырвали даже семенную пшеницу, за границу ее продавали. Тех, которые теперь срезают и вывозят в город. Чтобы потом эту бесценную, плодороднейшую почву уложить под травы и цветы зеленой городской зоны — там, где нельзя строить. Боюсь, что ляжет эта почва и в котлованы: зачем зря стараться, искать варианты, вот она, под рукой, сыпь, заваливай. Неужели будет иначе?

Еще недавно М. Л. Мкртчян, будучи руководителем парторганизации того самого Ахурянского района, где теперь развернулось строительство, не давал под застройку ни клочка земли — дорожил. Теперь он — первый секретарь горкома. И думает теперь иначе. Искренне сочувствуют Мисаку Левоничу, тяжело ему живется.

Но все теряюсь в догадках, пытаюсь понять: что же так неожиданно, так резко повернуло стрелку на северо-запад? Неужели только более мягкие грунты, благоприятные для рытья под фундамент? И то, что северо-западный участок, хоть и на два всего километра, но ближе к черте города, чем юго-восточный. Неужели дело лишь в тех удобствах, что ускоряют строительство?

Вести научную дискуссию — дело специалистов. Но журналист вправе сказать о том, что самой научной дискуссии не было. Что не было обстоятельного обсуждения проблемы выбора участков для предстоящего строительства. Что не был проведен всесторонний, комплексный, системный анализ специалистами широкого профиля.

Целый день ездим по городу с В. Чугуряном, старшим научным сотрудником республиканского НИИ строительства и архитектуры. Накануне он показывал мне карту разрушений, составленную его комиссией. Красные прямоугольники — обрушившиеся здания, желтые — устоявшие, но подлежащие усилению, синие — те, которые предстоит снести, зеленые — годные для проживания. Итого: 250 красных, 396 желтых, 432 синих и 147 зеленых. Понятно, что речь идет лишь о крупных зданиях...

...Этот под снос, и этот тоже... Нет, это лишь снаружи кажется, что дом в порядке, мы смотрели внимательно... Усилить можно по-разному, но часто

это обходится не дешевле, чем строительство нового дома. А что делать!.. Этот дом пойдет под снос. Но не сразу: здесь мы установим датчики, будем испытывать его на искусственные вибрационные нагрузки, это нужно для будущего... Жалко, что много домов разрушили без всяких причин, влопыхах. Так чуть было не взорвали 12-этажную гостиницу «Ширак», сейчас мы к ней подъедем... Вот она. Слава богу, успели схватить ретивого прапорщика за руку... Теперь на базе этого уникального в сейсмическом отношении здания скорее всего будет создан международный научно-технический антисейсмический центр. Важно обобщать наш и международный опыт изучения сильных землетрясений, методов подготовки к ним, прогнозирования последствий. Здесь будут вестись работы над сейсмостойкостью, организацией инструментальных исследований сейсмического режима Северной Армении. Нужно апробировать аппаратуру, средства испытаний, строительную технику. Здесь намечается проведение международных семинаров и конференций. Центр будет координировать работу зарубежных организаций, предоставлять для этого условия... А ведь чуть было не взорвали...

омню, сколько сил и средств в те декабрьские дни было брошено в Ленинкане на спасательные работы на развалинах центрального универмага. Не видел, чтобы вынесли из-под обломков хотя бы одного живого. Здание сложилось сразу, словно только и ждало толчка.

А ждать ему было с чего. В Чугурян показал мне схему инженерно-геологических и сейсмических условий Ленинкана. Универмаг стоял не просто на разломе — на пересечении двух сейсмогенных разломов. Центральная магистраль города — улица Шираки — почти вся легла по разлому. Потому и легли ее дома 7 декабря. Кто же так планировал?

А дальше? Как хочется не верить С. Г. Калацяну, который сказал мне, что на месте рухнувшего универмага собираются строить поликлинику. Правда, трехэтажную. И на том, значит, спасибо, что хоть в этом уважат строительные нормы и правила (СНиП), по которым в сейсмоопасных зонах запрещается строить медицинские учреждения выше четырех этажей. А ведь возводили, был здесь семизатный больничный комплекс. И нет его.

Опять же не хочется верить С. Г. Калацяну, что собираются восстанавливать — там, где нельзя этого делать! — завод компрессоров, мебельную фабрику, завод шлифовальных станков. А он, главный архитектор, не дает под них, под многие другие объекты отвод земли. Но ничего не может он поделать с мощной, «сейсмостойкой» стеной, которая требует: надо строить, и строить быстро!

Боюсь, что к выходу в свет этого материала Калацян уже не будет главным архитектором города. Он свою участь предвидел.

Я спросил об этом М. Л. Мкртчяна, и по всему было видно, что вопрос ему неприятен.

— Он хороший архитектор, — сказал Мисак Левонич. — Я учился в школе у его отца, благороднейшего человека, который вырастил прекрасного сына. Жаль только, что Сашур не хочет ничего понимать, ни с чем соглашаться. Ему бы другим стать. А так пусть работает.

«Речь нужно вести не о десятках — о сотнях многочисленных зданий, построенных в последние 25 лет и сегодня либо вовсе не способных служить по своему назначению, либо требующих значительных работ по укреплению, — писала в августе прошлого года республиканская газета «Коммунист». — Из

многих домов отселены люди, жить в них опасно. Комиссия Госстроя СССР выявила, что проекты разработаны без инженерно-геологических изысканий свойств грунтов, без данных о гидрологических условиях стройплощадки... Грунты оснований теряли свои несущие способности, фундаменты проседали, здания деформировались... Угрожающее положение в Ленинкане. Специалисты выявили многочисленные нарушения проектов в части привязки зданий, обеспечения прочности конструкции и их монтажа, устройства антисейсмических поясов, качества бетона, раствора, инертных материалов и другие грубейшие ошибки. ...Если собрать все аварийные, поврежденные дома со всей республики в одно место, то получится город размером с Чаренцаван (40 тысяч жителей.— В. Л.), а то и больше... Нужно, чтобы достоянием гласности стал скрупулезный анализ этого преступления...»

Какжется, было это 14 декабря. В Спитаке, на улице Шаумяна, велась работы на развалинах дома номер один. Откапывали тело шестилетнего мальчика. Рядом со мной стоял его отец. В предыдущие дни он похоронил жену и двух детей, один из которых успел прожить лишь двадцать дней.

Отец поднял с земли кусок цемента из кирпичной кладки. Я сдал кусок пальцами. Он рассыпался. Я положил в карман еще несколько кусков.

И вот теперь, уже в апреле, привез в Москву еще образец. Тот, что отколол от фундамента школы, строящейся в будущем городке энергетиков, чуть севернее села Мармашен. Это все северо-запад.

Одна из строительных организаций — производственное объединение КамГЭС. Подхожу к группе строителей, которые сколачивают щиты опалубки под будущий фундамент.

— Ребята, это вы клали вон тот фундамент?

— Нет, другая вахта, две недели назад.

— Под что этот фундамент?

— Под школу.

— А какое допустимое отклонение от прямой?

— Один сантиметр,— отвечает старший мастер Сергей Вахрушев.

— Да, но там не меньше пяти будет.

— Но что мы можем поделать? Вы посмотрите, какие щиты для опалубки нам привозят. Вот бетон и выдавливают.

— А откуда бетон получаете?

— Со своего же растворного узла.

— Как туда пройти?... Пойду посмотрю.

Первое же, что на растворном узле бросилось в глаза: песчано-гравийную смесь в бетономешалку загружают с помощью ковша небольшого экскаватора.

— Почему ковшом, почему не дозируете? — спросил прораба бетонного узла Наля Валиева.— Вы не имеете права этого делать.

— Да ничего страшного, зато дозируем цемент.

— Кстати, какой он марки?

— Марки «сто» и «двести»... А знаете, мы для повышения прочности насыпаем его раза в полтора больше нормы.

Вот как, уже в Москве, прокомментировал мне беседу с Валиевым военный строитель, начальник участка Сергей Богатов:

— Если не дозировать песчано-гравийную смесь, то дозировать цемент уже бессмысленно: пропорция все равно будет нарушена. А увеличение содержания цемента марки «сто» или «двести» для повышения прочности ровным счетом ничего не дает. Короче говоря, налицо грубое нарушение СНиП, что неминуемо ведет к снижению прочности бетона. Интересно также (если верить прорабу бетонного узла), откуда эти ребята — «для повышения прочности» — берут сверхнормативные объемы цемента? Может быть, покупают на свои личные деньги?

Трудно поверить, будто никто в Ленинкане не знает, КАК СТРОЯТ. Знаю, что забил тревогу сотрудник управления архитектуры горисполкома П. Сартифьян, оценив «качество» работ на некоторых объектах 58-го квартала северо-запада. Но — отмахнулись.

Я же и этим беспокойством поделился с М. Л. Мкртчяном.

— Отношение к контролю качества у нас самое серьезное,— сказал Мисак Левонян.— Мы собираемся организовать специальную комиссию горисполкома. Для этого будут введены специальные штатные единицы. Более того, деятельность комиссии будет также находиться под специальным контролем.

Все это хорошо. Но! Комиссия еще только «будет». А строительство уже давно идет — без кавычек и передышек. Под бодрящими лозунгами. С очевидными промежуточными итогами. Окаменевшими. Но до какого срока? До какого события?

Помните: в первые же дни после декабрьской катастрофы комментатор Центрального телевидения Александр Тихомиров сказал о том, что огромной проблемой в зоне бедствия является размещение строительного мусора и обломков. Телекамера показывала нам, как буквально на глазах, день ото дня нарастала эта проблема: заваливались земли у дорог, ведущих к городу,— земли Армении, живущей буквально на скалах. Земли, каждый клочок которых добывался потом и кровью народа.

Но вот картина изменилась — эстетически и отчасти экологически. Обломки и мусор с глаз убрали. Ими стали заваливать ущелья. Что будет дальше, предвидеть нетрудно: ручейки и речки, встретив впервые за века естественную преграду, станут образовывать скопления воды. И тогда уже не заставят себя долго ждать и сели, и оползни, и подъем грунтовых вод — как раз под новостройками.

— Разве нельзя решить вопрос утилизации обломков, как это делают за рубежом? Там получают хороший строительный материал,— спросил я С. Г. Калашяна.

Он пожал плечами:

— Велись и у нас разговоры о приобретении такого оборудования. Но ни к чему конкретному так и не пришли. Видимо, не до этого. Главное — быстро строить.

Огромные силы и средства брошены на восстановление разрушенных районов. Ликвидация последствий спитакского землетрясения обойдется государству в 8—10 миллиардов рублей. Огромные объемы диктуют темпы. А значит, и самостоятельность форм работы. Замешенная на «массовом энтузиазме», который к тому же здесь так высоко оплачивается.

А дальше что? Досрочная сдача? И знамена с орденами и маршами? И так — до следующего толчка? Который грянет, быть может, через двадцать или даже через сто лет. Когда спрашивать за знаменательные итоги будет уже не с кого.

«Если мы хотим оставить военный коммунизм в прошлом,— писал не так давно «Новый мир»,— если хотим преодолеть его и заменить новой, экономической организацией жизни, то лучше поскорее признать: безнадежно устарели не только методы, вызывающие и подстегивающие энтузиазм, но и сам военно-коммунистический энтузиазм. Он неэффективен, нерентабелен, он прикован исторической цепью к слову «больше» и отделен исторической пропастью от слова «лучше»...»

Под бодрящими лозунгами скорее сойдет халтура, под ними легче и проще красть материалы. В гонке и спешке труднее заставить переделывать плохую работу, опыт которой и у армянских строителей, и у их некогда далеких коллег, как мы знаем, неплохой.

Интересно было узнать мнение об этом заместителя Председателя Совета Министров СССР И. С. Силаева.

— Нет, мы ни в коем случае не насаждаем социализацию «сверху»,— сказал Иван Степанович.— Это инициатива самих строителей. На

днях в Спитаке я беседовал с узбекскими рабочими. У них просто глаза горят, ребята готовы работать с утра и до глубокой ночи.

И не нужно думать, что поставлена жесткая задача — ввести за два года два миллиона квадратных метров жилья. Если построят полтора миллиона, это тоже будет хорошо. И скажем людям спасибо. Главное, чтоб не страдало качество.

Странное впечатление оставляет зона землетрясения при взгляде с вертолета. Кажется, сейчас, когда перед тобой весь Ленинкан, когда можешь в полной мере оценить масштабы разрушений, именно в этот момент начинает казаться, что все увиденное на экране, услышанное от других, читанное в прессе, и самое-то главное,— что все увиденное собственными глазами на земле... преувеличено?! С высоты Ленинкан выглядит более благополучным.

Что же в таком случае говорить про Кировакан, где рухнуло «всего каких-то» сорок домов. Город большой, лишь чуть поменьше Ленинкана, эти дома

МНЕНИЕ УЧЕНЫХ

С. ГРИГОРЯН,
член-корреспондент
Академии наук СССР,
зав. отделом механики
природных процессов
Института механики МГУ

История принятия решения о строительстве нового городского массива на северо-западе от Ленинкана — яркая иллюстрация продолжающегося господства командно-административного метода управления общественно-производственными процессами в нашей стране. Ибо в самом деле научными исследованиями, проведенными ранее (например, в работах профессора МГУ Н. П. Костенко), а также в новейшее время непосредственно до и после трагического землетрясения 7 декабря 1988 года (результаты армянских, московских и зарубежных ученых) было установлено, что сейсмогеологические условия территории города Ленинкана и примыкающих к ней зон крайне неблагоприятны для сейсмостойкости, и когда встал вопрос о месте нового строительства, большая группа специалистов настойчиво рекомендовала существенно более безопасное в этом отношении место, расположенное на юго-востоке от Ленинкана, где еще и до землетрясения предполагалось начать строительство города-спутника.

Но решение было принято иное — вопреки научным фактам, мнению специалистов, соображениям безопасности, экономичности принято лицами, не являющимися специалистами в сейсмологии и геофизике, но облеченными формальной властью.

А научные факты состоят в следующем. Ленинкан и примыкающие к нему зоны расположены на толстом слое относительно мягких (по сравнению со скальными породами) грунтов, который значительно усиливает приходящие из очага землетрясения сейсмические волны, увеличивает их длительность и периоды доминирующих колебаний. Именно это обстоятельство является причиной того, что Ленинкан испытывал сильные разрушения при землетрясениях в этом регионе (землетрясения 1926 г. и 1988 г.). Об этом ярко свидетельствовали и результаты исследований, проведенных в зоне бедствия зарубежными учеными:

1. Количество зданий одного и того же проекта, построенных из одних и тех же материалов по единой технологии, испытывавших разрушение в Ленинкане и Кировакане, существенно различно: в Кировакане это несколько процентов, а в Ленинкане

еще разглядеть, отыскать глазами надо. Сверху. Но вот на одном из моих снимков — улица этого города. Снятая с земли. В кадре сразу пять рухнувших домов, четырех- и пятиэтажных. А с вертолета — все прекрасно.

И вижу в том тревожный знак. Ах, как бы этот широкоохватный, панорамный верховзгляд не утвердился в нашем сознании! В правах и документах. Ведь само время, отделяющее от нас апокалипсическое СЕДЬМОЕ ДЕКАБРЯ 1988 ГОДА,— подобно летящему вертолету. Вот всего-то несколько месяцев прошло, а другие события, даже другие трагедии выросли перед глазами.

Пройдет еще несколько месяцев, и исчезнут завалы. Словно ничего и не было. А на их месте станут расти новые дома. И, быть может, кто-то произнесет такие привычные слова: «Город будет еще краше!» Произнесет, не понимая затаенную в них кощунственность.

Не надо — краше! Не надо — быстрее! Надо — надежнее! Надо — прочнее! Надо — честнее!

Без лозунгов. Без торжественных рапортов.

не — более 80 процентов, и это при условии, что Ленинкан расположен дальше от эпицентра землетрясения, чем Кировакан. Причем Кировакан расположен в основном на скальных породах, то есть здесь нет усилителя сейсмических волн; 2. Интенсивность колебаний грунта, их основные периоды и общая длительность, зарегистрированные современными приборами, для последовавших после главного удара более слабых землетрясений (т. н. афтершоков), значительно выше аналогичных показателей, зафиксированных одновременно в Кировакане.

Из всего этого с полной определенностью следует, что северо-западный вариант для места новой застройки должен быть отвергнут в сравнении с юго-восточным.

Автору этих строк в июле 1989 г. довелось быть на месте и увидеть состояние дел. Чернозем срыт на большой площади, но лишь на незначительной ее части начато строительство домов, представляющих собой железобетонные конструкции с толщиной стен порядка 0,5 метра и весьма высокой степенью армирования металлом (эти дома напоминают доты, их не в состоянии разрушить никакое землетрясение из возможных на Земле!). Поэтому наиболее рациональным выходом из создавшегося положения представляется следующее: прекратить закладку домов-дотов на новой площади, завершить начатое уже строительство, расширенную территорию рекультивировать; направить основные усилия на массовое строительство передвижных домиков и их размещение в непосредственной близости от Ленинкана для расселения в них оставшихся без крова горожан и начать строительство города-спутника на юго-востоке.

Н. ШЕБАЛИН,
доктор
физико-математических наук,
профессор,
заведующий лабораторией
сильных землетрясений
Института физики Земли АН СССР

В наших попытках борьбы с разрушительными последствиями землетрясений мы вначале пытаемся скрыть или преуменьшить ошибки, а затем с великим упорством начинаем их повторять. И добавлять новые.

Реальная сейсмическая опасность на северо-западе Армении была снижена из-за ошибочного подхода к сейсмическому районированию, суженного рамками республики. Геоло-

гические и сейсмологические данные по прилегающим территориям Турции, Грузии и Азербайджана практически не учитывались, в результате не был замечен крупный сейсмоактивный шов в земной коре, с которым связан очаг Спитакского землетрясения. Казалось бы, ясно: чтобы заметить такие структуры регионального и даже планетарного масштаба, новую карту сейсмического районирования нужно строить на основе единого подхода к геолого-геофизическим и сейсмологическим данным, покрывающим большую территорию всего Кавказа и его далеких окрестностей. В реальности же Академия наук получает серию окриков и подхлестываний со стороны Совмина СССР, в директивных указаниях ставятся нелепые «ударные» сроки, отвергается идея единого подхода ко всей указанной территории. Тут же находятся дельцы от науки, стремящиеся выслужиться и согласные на любую чушь, исходящую от начальства. Карта сейсмического районирования вновь начинается составляться по кускам, с беспринципной, ненаучной стыковкой республиканских кусков между собой. Реальную опасность будущих землетрясений эта карта будет отражать не лучше предыдущей. Та же участь грозит новой карте сейсмического районирования всей нашей страны.

Передовые сейсмологические сообщества — в Калифорнии, Новой Зеландии, Югославии, Японии, в странах Карибского бассейна — сейчас активно переносят тяжесть основных усилий из области прогноза землетрясений в область разработки превентивных мер — строительных, планировочных, медицинских, административных. У нас до этого почти не доходят руки (если не считать усилий С. А. Федотова на Камчатке и С. Негматуллаева в Таджикистане). Мы по-прежнему размахиваем равным знаменем прогноза и даже после Спитака «выбиваем» под это из правительства новые миллионы. Но на организацию и проведение детального сейсмического районирования, учитывающего свойства будущих очагов землетрясений, средств у нашего общества не нашлось. Между тем стоит лишь установить прогрессирующую шкалу ставок обязательного страхования капиталовложений в зонах природных катастроф, как будут решены сразу две проблемы: ведомствам не захочется упорствовать в своих желаниях обязательно ставить свои опасные объекты в сейсмоактивных курортных зонах, а отчисления от страховых сумм решат проблему финансирования работ по детальной оценке сейсмической активности.

Мы не используем даже самый свежий опыт отдельных интересных и сильных работ, проведенных в районе землетрясения. Да и сами эти работы ведутся десятками научных коллективов без единого плана, без взаимной информации. Даже в головном учреждении — Институте физики Земли АН СССР отсутствует единая программа работ. Что же говорить о других! Ни разу сейсмологи и строители не собирались вместе для серьезного и непредвзятого разговора о землетрясении и его последствиях. Была попытка провести в Ереване специальный семинар ЮНЕСКО, но он превратился в фарс, когда «гостеприимные» хозяева заполнили все рабочее время семинара, выдав серию докладов чуть ли не по часу каждый и предоставив по пять минут серьезным ученым из-за рубежа и своим коллегам из других городов СССР. Кстати, окончательно текста рекомендации этого семинара не имеет ни одно научное учреждение СССР. Я не знаю, есть ли эти рекомендации в самой ЮНЕСКО.

В результате всего этого мы до сих

пор не знаем истинных причин гибели Ленинакана. Записи десятков приборов, специально, на случай сильного землетрясения заранее установленных в нескольких зданиях Ленинакана, утрачены полностью, причем акты вскрытия подвалов с «черными ящиками» этих записей тоже отсутствуют.

Уже многое сказано о низком качестве проектирования сейсмостойких зданий (не говоря уже о позорном качестве самого строительства). Югославские специалисты говорят и об ошибках при производстве деталей для сборного железобетонного строительства, в частности о том, что при поперечных нагрузках в неправильно рассчитанных колоннах возникает взрывообразное мгновенное разрушение бетона. Учтено ли это сейчас? Еще в марте этого года во вновь строящемся после землетрясения здании военные инженеры обнаружили те же проектные ошибки, то же жуткое качество строительства, что и до землетрясения. Выходит, мало десятков тысяч жертв?

Вторая проблема, вторая беда связана сегодня с поспешностью восстановительных работ. Когда потрясенный всем увиденным в Армении М. С. Горбачев бросил естественную в тот момент, но неосторожную фразу о том, что все будет восстановлено за два года, никто не захотел спокойно и профессионально проработать этот вопрос, докопаться до истинных причин бедствия, организовать строительство временного жилья и начать глубоко продуманную 10—15-летнюю программу глубоких научных изысканий, планировки, проектирования и строительства. Нет, по привычке взяли под козырек — и пошло-поехало. Какие, к черту, принципы! Рвать все подряд! Сравнивать все с землей! Утверждать за неделю планы! Дать за месяц карту районирования! Рассчитывать без планов, строить без расчетов, все одновременно, ура!!!

И кто знает, сколько ценнейшей информации, как надо и как не надо строить, исчезло под накладными рядами и ножами бульдозеров. И самое страшное — острие этих поспешных решений направило свою разрушительную силу в будущее, что особенно ярко видно на примере того же Ленинакана. Волевым решением, без обсуждений и взвешенных аргументов, город гонят на северо-запад, уничтожая драгоценные гектары плодороднейших почв. Возможно для этого можно найти серьезные доводы, но где они? Где независимая экспертиза специалистов? Ведь мы знаем: на северо-западе строить нельзя до тех пор, пока в результате специальных изысканий не будет определена граница подземной линзы-усилителя сейсмических колебаний. Где гарантии того, что фокусировка сейсмической энергии на вновь осваиваемых участках при будущем землетрясении с очагом, к примеру, к западу от Гукасяна не будет еще сильнее? Необходимые изыскания можно провести за полгода — ведутся ли они? Почему мы так легко отказываемся от явных преимуществ юго-восточного варианта? Неужели потому, что инженерная подготовка залегающих там туфо-базальтовых пород требует времени и средств и у местного начальства не будет возможности для легких победных рекордов? Или потому, что надежные участки на юго-востоке берегут для особняков начальству и мафии? Не честнее ли сказать прямо: двухлетний срок назвали ошибочно, нам нужна более реальная и более надежная программа восстановления пострадавших районов, опирающаяся на честное и добротное сотрудничество геологов, сейсмологов, экономистов и строителей. Неужели мы хотим через полтора года начать новую серию лжи?

Дм. БИРЮКОВ

Все началось с телефонного звонка. «Сегодня советские юниоры играют с индийскими на приз журнала «Спутник». Будет посол и зам. председателя МОК — индеец. Надо заснять», — сказал по-русски достаточно ответственный голос. «Есть», — бодро откликнулся я, начинающий корреспондент Гостелерадио в Республике Индия, еще не зная, что многие дипломатические работники воспринимают нашего брата как обыкновенного бытописателя жизни советской колонии.

В назначенный час, несмотря на жару, когда все живое немеет или теряет рассудок, мы с Петровым, оператором корпункта, прибыли на стадион.

С первого взгляда можно было сказать, что предстоящий матч будет особенным. Трибуны стадиона пустовали, а немногочисленные болельщики сгруппировались у ворот своих команд. За индийским голкипером стояли его одноклассники. За нашим же вратарем в плетеных креслах, закинув ногу на ногу, в темных вечерних костюмах сидели сотрудники посольства, ГКЭС и АПН. Если бы не футбольные ворота без сетки, то можно было подумать, что они пришли на вечер классической музыки.

Оглядев своих сограждан и не обнаружив посла, я почувствовал, что меня коварно обманули. «А где посол?», — спросил я одного из наших, вложив в интонацию своего вопроса крайнюю степень неудовлетворения. «Назар-то? А там», — рубанул рукой соотечественник в шерстяных брюках и сандалиях на босу ногу. Его указательный палец уперся в шатер непонятного цвета, в тени которого смутно угадывались люди.

«Что будем делать?» — тревожно прошептал Петров, который хоть и был в Индию раньше меня, но все еще не мог привыкнуть к обстановке и каждый раз, когда ему на улице говорили «сэр», пугливо оборачивался, ожидая провокации. «Если к футбольному матчу сняты интервью с индийцем, то нормально. На программу потянет», — откликнулся я, чувствуя себя в эту минуту по меньшей мере Эйзенштейном.

Раздался свисток, и матч начался. Первое и последнее, что я увидел, было то, как наш игрок ударил по мячу и победил. Все остальное скрылось в туче пыли, которая поднялась с футбольного поля, никогда не знавшего травы. О том, что игра набирает темп, можно было судить только по тому, как туча стала разрастаться, поглощая ворота соперников и немногочисленных зрителей.

«Есть только два плана», — сказал Петров, вынырнув из пыли, и мы, подхватив аппаратуру, направились к шатру. Пока Петров устанавливал штатив, я вошел внутрь шатра и уселся на свободное место во втором ряду прямо за послом и индийцем, которые молча взирали на пыльное облако. Утомившись от этого зрелища, индеец повернулся к послу: «Вообще-то здесь играют только во время муссонов, когда вода прибивает пыль». «Да, да», — кивнул посол и обратился к помощнику: «Скажи ему, что наше правительство придает большое значение развитию культурных связей между нашими странами».

По мере того как помощник переводил, лицо индийца принимало удивленный вид. Ему показалось, что его не поняли, и он повторил свою фразу еще раз, демонстрируя незаурядную артикуляцию. «Здесь играют, когда идет дождь». «Вода, вода», — пояснил индеец помощнику, и руками сделал движение, напоминающее последние мощные аккорды пианиста, показывая, как вода прибавляет пыль.

Посол еще раз кивнул: «Чем крепче дружба, тем лучше для наших стран». Индеец оторопело выслушал перевод и в изнеможении откинулся на спинку

стула. Когда молчание продлилось более десяти минут, я привстал и, приняв просительную позу, обратился к индийцу: «Советское телевидение. Можно у вас взять интервью?». «С удовольствием», — откликнулся индеец, не скрывая радости, как будто я предложил ему стакан холодной воды в пустыне.

Индеец как раз находился в середине повествования о роли футбола в нашем сегодняшнем мире, как из-за его спины появился посол и, загородив камеру, металлическим голосом произнес: «Какое право вы имели прервать беседу и увести собеседника? Что вы себе позволяете?» Посол на секунду запнулся, потому что в ярости хотел добавить что-то покрепче, но вовремя вспомнил, что он не в обкоме, а в Индии, замолчал и, не простившись, удалился. «Что-нибудь случилось?» — спросил обескураженный индеец. «Нет, нет, все нормально», — бодро откликнулся я, не совсем осознавая всю глубину переплета, в который попал.

Слух о том, что корреспондент Гостелерадио сорвал важную правительственную беседу и что посол гневается, быстро облетел посольство. «Да не бери ты в голову, все это ерунда», — говорили, не глядя в глаза, одни. Другие, более честные, не скрывали своих чувств и смотрели на меня с той жалостью, что нынче можно встретить только в крематории: «Ему еще жить и жить, а он... Ну надо же?»

Если большинство жителей делей-

ЗН

ской колонии готово было меня простить, мотивируя мой поступок просто по-русски — «ну дурак, ну, что сделаешь?», — то на втором этаже посольства атмосфера гнева и возмущения искусственно поддерживалась на высоком уровне. Особенно старался советник по безопасности, который надеялся, что моя «преступная безответственность», как именовались события на футбольном поле, помогут всем, и прежде всего послу, забыть недавний промах службы советника.

Дело в том, что за три дня до известных событий молодой паренек, старший лейтенант из Кемерово, прибывший в Индию для охраны жителей советской колонии, пытался задержать диверсанта «Американский шпион», по словам лейтенанта, ночью вышел из машины с номером посольства США и что-то делал в кустах у трехметрового забора советского посольства. Обезьяна окрестности советской территории, лейтенант обнаружил потенциальную противника, вдавил педаль газа «Волги» в пол и пошел на таран. «Американский шпион», застегивая на ходу штаны (видимо, уже успел установить аппаратуру), вскочил в машину и стал уходить от преследования. Несколько минут два автомобиля носились по району, где расположены посольства. Изрядно поупражнявшись в поворотах и перегазовках, машины вырвались на широкий проспект имени Симона Боливара, который заканчивался дряхлой верблюдьей тропой. Американец, судя по всему, знал это обстоятельство и ловко свернул на грунтовку. «Волга» же, жалобно пискнув разболтанными амортизаторами, взлетела в воздух, прорубила пятидесятиметровую просеку в зарослях и, исчерпав запас прочности, рассыпалась. Лейтенант, оставшись целым и невредимым, вернулся в посольство и поднял тревогу. До самого рассвета группа экспертов просидела в кустах у забора, перебирая в руках комки ссохшейся от жары земли.

Аппаратура так и не была найдена. Под воздействием бессонной ночи советник по безопасности объявил лейтенанту благодарность, а сам, еле дождавшись утра, пошел докладывать послу. «Да ты знаешь, что бы было, если бы он хоть пальцем до машины с дипломом дотронулся?» — орал на него посол. «Да ты бы в Москву, — посол на секунду задумался, — без вещей уехал».

Целых три дня советник по безопасности подавленно ходил по посольству, не реагируя на язвительные усмешки совслужащих, которые именовали подчиненных советника не иначе как «наши орлы». Теперь, ухватившись за футбольную историю, советник снова стал самим собой и, ловя одобрительные взгляды посла, вдумчиво вещал: «Нет, Назар Филимонович, вы подумайте, никакой дисциплины. Какой-то мальчишка...»

Поначалу я воспринимал сгушавшуюся атмосферу недовольства с легкостью. «Пошумят-пошумят, да и перестанут», — уверял я Петрова, который был близок к панике. Еще бы: с детства слышал от матери одно и то же: «Помни, если бы не товарищ Сталин, ты бы не родился». Когда и по прошествии двух недель ситуация не изменилась и нас продолжали ругать на всех собраниях и совещаниях, я понял, что дело обстоит гораздо сложнее.

Поскольку сотрудники посольства избегали разговоров со мной, я решил обратиться за советом к ветерану со-

грустного «До свидания, Индия» во весь голос заорали, что болыны сифилисом, после чего целая группа наших сотрудников вдруг впадала в какую-то прострацию. Находясь в столице нашей Родины, Алексей Снегирев даже и не подозревал, что оказался виновен в этой истории только на том основании, что во время дознания на вопрос: «Кто вам показал, как проехать в «Тадж»?» — девицы в один голос заявили: «Леха Снегирь».

Короче, Снегирева обвиняли во всем. Леха же был виновен в одном. В том, что по молодости женился на дочери военного — близкого друга Леонида Ильича Брежнева, в том, что однажды получил от самого рукописное поздравление с днем ангела. «Желаю тебе», — написал в заключение Леонид Ильич и, видимо, накаркал. Это «желаю» настолько возбудило советскую колонию, вызывая в ее неровных рядах ажиотаж, что в результате люди стали обращаться к Снегиреву, выхватив это слово из контекста, со своими желаниями. Один заведующий корпунктом даже попросил Снегирева устроить его на хорошую работу по приезде в Москву. Снегирев никому не отказывал, но Леонид Ильич его подвел и умер. Лишенные возможности осуществить свои желания граждане восприняли сей факт как оскорбление. «Желаю тебе, что б ты...», подумал каждый из обманутых. С тех пор жизнь Снегирева резко изменилась, и он медленно стал входить в роль

является постоянным объектом наших съемок. К счастью, он не знал, что я уже несколько раз получал выговор из Москвы за то, что мы снимаем одно и то же невыразительное лицо, которое при отсутствии другого киноматериала при монтаже все время соединяется со словами «Тысячи индийцев...»

И вот пришла пора делийской ярмарки. Мы подготовили материал об открытии и послали его в Москву, и с нетерпением ожидали второго дня, на который было намечено посещение мэром Дели советского павильона. И этот день настал. За два часа до события мы с Петровым вошли в советский павильон и, не торопясь, стали разворачивать оборудование, объявив администрации, что, помимо визита, хотим подробнее заснять экспонаты. Наше сообщение вызвало энтузиазм только у директора павильона. Он засуетился и стал бегать по разным комнатам, разыскивая техников и постоянно приговаривая: «Лазер и робота обязательно». Минут через пятнадцать появился техник и, выслушав инструктаж, повел нас к отделу электроники. Директор шел рядом, попутно засыпая нас разными цифрами. «Интерес к советскому павильону огромен, — скромно говорил он, — у нас с утра побывало две тысячи индийцев». «Заметно», — сказал Петров. «На площади в 360 квадратных метров можно осмотреть сто пятьдесят экспонатов, свидетельствующих об уровне развития отечественной про-

на стене некий мистический символ, который при ближайшем рассмотрении оказался знаком качества.

«Следующий экспонат — гордость нашей промышленности, — начал было директор, но под взглядами своих сотрудников осекся и спросил: — Вы снимать будете?»

«Мэр Дели!» — раздался крик у входа в павильон, и мы, расталкивая собравшихся, бросились вперед.

Близко к послу, его жене и мэру Дели пробиться было невозможно, потому что их плотной толпой окружили сотрудники посольства, демонстрируя огромный интерес. Пока эта группа медленно переползала из зала в зал, мы с Петровым встали, как часовые, у телевизоров, по которым транслировалась московская программа. Программа «Время» шла уже полным ходом, когда посол и мэр Дели, наконец, вернулись из мира автоматов. «А это советское телевидение», — сказал посол, остановившись у телевизора. Мэр кивнул. «Программа «Время». Мэр вновь кивнул и поглядел на часы. И в этот момент директор Центрального телевидения Суслев, хитро прищурясь, будто хотел подмигнуть, произнес: «В Дели открылась ежегодная ярмарка». Замелькали первые кадры репортажа, который мы сняли на открытии. На экране появился президент Индии, выступающий на торжественном открытии. Его сменил общий план сидящих в партере. Камера стала наезжать все ближе, и вдруг в одно мгновение весь экран заполнило лицо посла. В мучительной тишине павильона, среди десятков отключенных автоматов, среди доброй сотни людей раздался голос жены посла: «Назар, так это ты». В близком к обморочному от напряжения состоянии я перевел взгляд на посла. Он широко, по-детски, улыбался, как будто ему показывали маму. В оставшиеся двадцать секунд его лицо еще три раза промелькнуло на экране, и каждый раз зал прочувствованно выдыхал. Уже отключался опаздывающий мэр Дели, уже начали запускать в павильон вечерних посетителей, а группа сотрудников советского посольства застыла, ожидая развязки.

После того, как закончился репортаж, посол посмотрел еще какое-то время программу, а затем повернулся и решительно направился ко мне. «Молодцы. Вот так надо работать, товарищи!», — сказал он, обратившись к собравшимся, и крепко пожал руку сначала мне, а потом Петрову, который от возбуждения попытался во время рукопожатия сделать книксен.

На следующий день после летучки, на которой нас через каждые пять минут ставили в пример, посол попросил меня задержаться. Ловя завистливые взгляды, я с видом хозяина положения подошел прямо к столу посла и решительно сел на краешек стула. Когда двери закрылись, посол, улыбнувшись, сказал: «Нехорошо все-таки. Что ж вы посла все в профиль снимаете? Ты там скажи своим в Москве». «Есть!» — гаркнул я. С этого дня наше положение резко изменилось. Наши материалы неизменно характеризовались с самой лучшей стороны, советники здоровались с нами за руку, неизменно узнавая о здоровье жен и детей. Мы чувствовали себя победителями.

Через несколько дней к всеобщему облегчению был найден новый козел отпущения. Им неожиданно стал, как говорили в посольстве, «раскрылся», советник по культуре. Вернее его жена. Она уехала на лето из посольства и общалась с мужем исключительно с помощью открыток. В своем очередном послании, текст которого быстро стал всеобщим достоянием, жена просила советника прислать в Москву не лекарство, не юбку, не рубашку, не кроссовки и, наконец, не сандаловое дерево, — просьбы такие понятны и естественны. Она просила клавир произведения Рахманинова «Остров мертвых». Что она имела в виду на самом деле, никто не знал. Ведь даже думать об этом было страшно.

АМЕРИКА

ветской колонии доктору Зоткину, который, как и подобает хорошему врачу, знал все тайны нашего острова, окруженного сушей.

«Ты же знаешь, что дела обстоят не лучшим образом, — начал доктор. — И знаешь, что поиски виновного в нашей стране приобрели крайнюю форму, уже давно напоминая ритуальный обряд с жертвоприношениями. Причем, учти, жертвы уже давно назначаются, чтобы на вопрос «Кто виноват?» можно было ответить заранее. А кто у нас виноват? Евреев здесь нет. По паспорту одни русские. Центр винить — себе дороже. Остается кто-то из сотрудников. Но у одного тест министр, у другого начальство в Москве в друзьях, третий посылки с лекарствами регулярно посылает, четвертого и пятого посол с собой привез. А тут вы со своим интервью, можно сказать, весь футбольный матч испортили. Живете не в посольстве, отдельно от всех. Так что, если не выкрутитесь, в чем вам никто помогать не будет, то ходить вам в козлах отпущения, продолжать, так сказать, лучшие снегиревские традиции».

Доктор мог не продолжать. Уж я-то знал, что означают традиции Алексея Снегирева, моего предшественника, который, покинув Индию, оставил о себе такую память, что она заставляла за неимением другого объекта связывать с его именем чрезвычайные происшествия в советской колонии. Дело дошло до того, что даже после отъезда его обвинили в загуле двух сотрудников консульского отдела. Вырванные полицейшей в номере гостиницы «Тадж» из объятий бомбейского фирмача, наши соотечественники из-под Дмитрова оказали сопротивление властям и нанесли серьезный ущерб, как отмечалось в полицейском рапорте, лейтенанту Шарме. Девицам вручили билеты на ближайший рейс на Москву. Стойкие россиянки мужественно выслушали приговор и дали своим чувствам волю только на ступенях трапа самолета, с которых вместо

козла отпущения в посольстве. Ему мстили не столько за невыполненные обещания, сколько за соблазн.

В наши с Петровым планы никак не входила роль преемников Снегирева, и мы стали думать, как, оставив при себе честь, выйти из этого положения. У Петрова было много разных предложений, но все они так или иначе касались потребления алкогольных напитков и были отвергнуты. Мой же план был грандиозным. В него входило использование телевидения, советско-индийских отношений и очередной делийской ярмарки. Когда детали были проговорены, я на радость включил телевизор. С экрана на нас смотрела и делала непонятные жесты руками пышнотелая индианка. Пропев на хинди длинный и непонятный монолог, она вдруг, несмотря на всю серьезность положения, улыбнулась. Музыка набрала силу, и индианка, раскрыв объятия, что есть мочи прокричала: «Назар накавал в чай». Что означает на хинди эта фраза, не знаю и по сей день, но тогда мы с Петровым интуитивно почувствовали, — это знамение.

С тех пор мы стали регулярно посещать и снимать все мероприятия, в которых принимал участие посол. На первых порах он делал вид, что не обращает внимания на наше присутствие. Однако через месяц, войдя в зал, где должен был состояться советско-индийский семинар, посол, заметив камеру, дрогнул. «А, телевидение уже здесь», — сказал он добрым голосом, и его окружение напряженно замолчало. Но посол с каменным лицом уселся в президиум. На следующий день на утренней летучке сразу же несколько ораторов подвергло резкой критике наш материал. «Как можно называть эту политику мудрой?» говорил советник. — Это же политическая безграмотность. «Действительно», — согласился посол, который, видимо, недоумевал, почему его персону по телевидению никто не видел несмотря на то, что он

мышленности», — не меняя модуляции голоса, вещал директор. «Вот», — емко сказал техник и ткнул пальцем в длинную хромированную трубу, покоившуюся на специальной подставке, увешанной плакатами. «Что это?» — спросил Петров. «Это лазер, — нараспев ответил директор и, поискав кого-то глазами, махнул рукой: — Включайте». «Уже включено», — мрачно сказал техник. «Ах, да», — спохватился директор и, суетливо пошарив по карманам, выхватил сигарету и закурил. Несколько раз громко причмокнув, он вдруг сделал гигантскую, в полсигареты, затяжку. Из глаз брызнули слезы. Директор начал страшно, утробно кашлять, извергая изо рта со слюной густые клубы дыма, как будто у него внутри началось отопительный сезон. «Смотрите, смотрите», — прошептал, давясь, директор, указывая на прибор пальцем. Сквозь табачный дым проступила красная нить. Лазер работал. «Извините, я вообще-то не курю», — прошептал директор, дымаясь, как избушка на картине Клевера. «Это снимать?», — спросил Петров. «Наша следующая гордость — станок-робот», — Директор показал на соседний стенд, под которым притаилось низкорослое металлическое чудовище на четырех лапах со сверлом вместо головы. «Может, не надо», — взмолился техник. «Сейчас робот выполнит программу», — сказал директор и вновь махнул рукой. Чудовище протестующе зажужжало и уверенно, минуя металлические заготовки, предназначенные для демонстрации, как непослушный мальчик, двинулось к стене павильона. Первым опомнился техник и с криком: «Держи его!» схватил робота за корпус. Робот, не обращая внимания на упирающегося техника, быстро добрался до стены и с восторгом вонзил завывающее сверло в перегородку. «Там же кабель... вырубай», — перешел на профессиональный язык техник.

Прежде чем кто-то нажал на кнопку «стоп», робот успел сверлом исполнить

НИТЬ НАДЕЖДЫ

Сейчас перед прибалтийскими республиками, которые первые в нашей стране получили возможность организовать действительно самостоятельное хозяйство, перейти на самообеспечение, на хозрасчет, открываются самые широкие горизонты для инициативы, новаторства, развития экономики и улучшения жизни.

Из Заявления ЦК КПСС
о положении в республиках Советской Прибалтики

23

августа 1989 года люди трех республик стояли рука об руку от Таллина до Вильнюса, мужчины и женщины, дети и старики. И инвалиды... И милиционеры, которым приказали следить за порядком... Горели свечи. Мелькали плакаты. Блестели глаза, и в них не было ни ненависти, ни ожесточения.

Сложное, удивительное время мы переживаем. Нас слишком долго строили в колонны, приучая к единообразию мыслей и убеждений, а оказалось, что мы разные. И не столько национальные страсти размежевали сегодня соотечественников, сколько способность воспринимать и чувствовать истину, готовность следовать ей до конца. Истину обнаженную, нелюбимую, горькую. Не урезанную, не исчерканную красным карандашом властолюбия и великодержавных амбиций.

Так кто же мы сегодня? Страна «экстремистов», «сепаратистов»,

«крайних радикалов»? Или страна людей, желающих выйти из тупика и двинуться по пути создания гуманного, правового, подлинно демократического общества?

В тот день литовцы, латыши, эстонцы отмечали мрачный юбилей пакта Молотова — Риббентропа. Для одних это событие до сих пор представляет интерес как очередное «белое пятно» истории. Для других же, в частности, именно для народов Прибалтики, — вполне конкретный моральный, правовой, политический вопрос.

Жажда истины свойственна человеку, где бы он ни жил. Так нужно ли удивляться, что ради этой единственной правды люди не желают больше проводить время в келейно-кухонных разговорах, косясь на включенный телефон? Они выходят на улицы. Разве так уж трудно понять, предположим, эстонцев, взявшихся за руки в день скорби и памяти по национальным утратам, эстонцев, которые верят, что невидимые токи пробежали по живой цепочке,

рождающая теплую, понятную на всех языках волну солидарности, веры в то, что при новом федеральном устройстве им будут, наконец, обеспечены уважение к народным традициям и культуре, рассказана полная правда об их истории, дана самостоятельность?

Сегодня, как никогда, люди ждут исторической правды. Они хотят знать ее не потому, что после этого их жизнь в корне переменится: сама по себе правда еще никому не принесла житейского благополучия. Но появляются искренность и доверие. Воссоздание исторической истины сближает народы, рождает благодарное уважение к правительству, поднимает его авторитет. Бывает, что путь к правде отмерен десятками лет, и в конце этого пути натягиваются нервы. И приходится сожалеть, когда в раскаленной ситуации и с той, и с другой стороны находятся силы, способные еще больше разжечь страсти.

И вот уже в нервной спешке комиссия Верховного Совета Литвы предает гласности свою версию событий августа 1939 года... Вот уже как по сигналу крушат постамент памятника советским бойцам, освобождавшим Каунас, а легендарную «тридцатьчетверку» буксируют на свалку... И эстонские власти (наверное, все-таки не без определенного влияния Народного фронта) принимают закон, ущемляющий интересы русскоязычного населения республики...

Как всегда в подобных ситуациях, и той, и другой стороне недостает мудрости, вдумчивости, терпения. И, как снежный ком, нарастает поляризация — от крайнего радикализма до крайнего консерватизма.

Люди ждали 23 августа, надеясь, что к этому дню комиссия по политической и правовой оценке пакта Молотова — Риббентропа сообщит хотя бы о некоторых выводах, кроме уже известного интервью члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева. Не дождалось. Вместо этого в центральной газете традиционное приветствие литовских скаутов преподносится на фотоснимке как фашистское «Хайль, Гитлер!», из множества объектов съемки выбирается единственный приглянувшийся лозунг «Долой КПСС!». Я в Таллине видел и другие плакаты.

Верно ли считать антирусские плакаты следствием «русофобии», разжигаемой в Прибалтике, — разве трудно разглядеть здесь адекватную реакцию на политику, корни которой уходят во времена тоталитарной власти, которая лишила законных прав коренные народы Прибалтийских и других наших республик,

в том числе и России? Наконец, разве провокационные призывы, начертанные на ватмане, нельзя было увидеть в Тбилиси, Ташкенте, Кишиневе, Алма-Ате?..

Не странно ли: запугивая русскоязычное население Прибалтийских республик «выходом Эстонии, Латвии и Литвы из состава СССР», кое-кто преднамеренно или по традиционному бюрократическому недомыслию нагнетает межнациональную рознь? Во всяком случае, замысел достаточно ясен. Сыграть на ошибках, тактических просчетах народных движений за перестройку (а в них уже участвуют миллионы), обвинить Народные фронты в оголтелом национализме оказывается проще, чем понять, что последовательное развитие республиканского хозяйственного и политического суверенитета в рамках новой структуры федерального устройства Союза ССР — единственный разумный путь в будущее. По странному стечению обстоятельств все это происходит как раз в те дни, когда коммунисты страны обсуждают проект платформы КПСС по национальному вопросу, накануне Пленума ЦК, очередной сессии Верховного Совета СССР, Второго Съезда народных депутатов.

События в Прибалтике отозвались эхом в других городах страны и прежде всего в Москве. Здесь милиция силой разогнала несанкционированный митинг. Разглядывая снимки, сделанные нашим фотокорреспондентом, и не могу взять в толк, почему московские власти добровольно отдали инициативу проведения митинга оппозиционной партии...

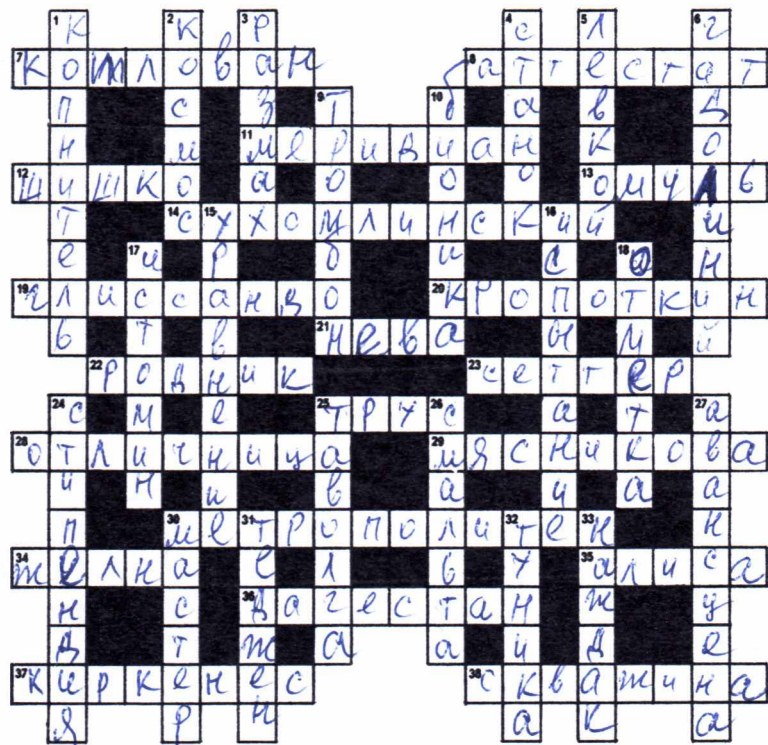
Ну, и чего же добились мы? Нагнали страху на обывателя: благо, нашлись для этой цели и газетные полосы, и каналы телевидения! Отделались громоподобными декларациями, вроде обращения секретариата правления Союза писателей РСФСР. Ни словом нигде не обмолвились о том, что, к примеру, лидеры Интердвижения в Эстонии тоже открыто осудили договор 1939 года между Германией и СССР.

Мы дожили до «черных юбилеев». 50 лет пакту Молотова — Риббентропа. А 1 сентября наши дети пойдут в школу. В тот самый день, когда полвека назад была развязана самая кровавая из войн, унесшая более пятидесяти миллионов жизней. И все же с этим нам жить дальше. Извлекать уроки. Учиться думать и поступать по законам совести. Самым надежным законом, которые выработало человечество.

Анатолий ГОЛОВКОВ,
обозреватель журнала «Огонек»

КРОССВОРД

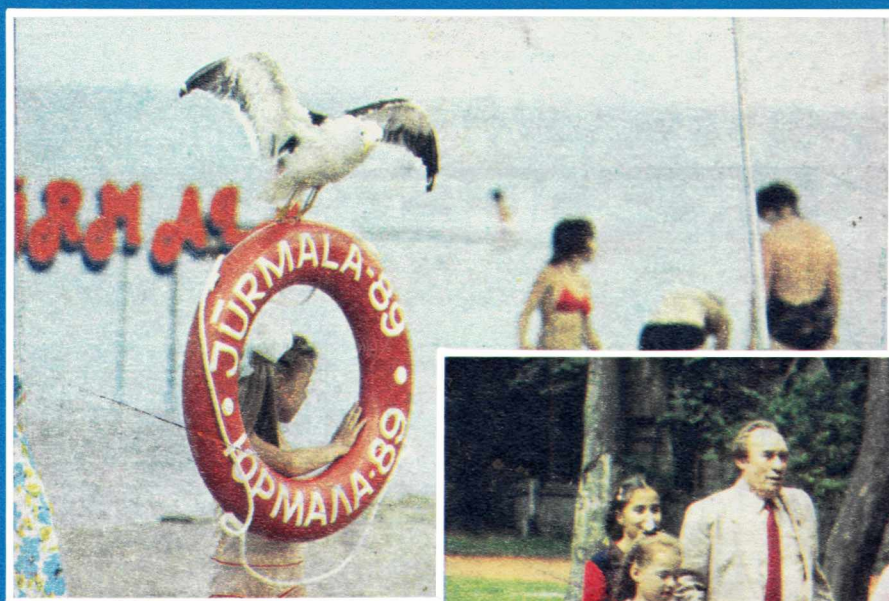
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Повесть А. П. Платонова. 8. Документ об окончании среднего учебного заведения. 11. Условная линия, идущая через полюсы земного шара. 12. Народный художник СССР. 13. Промысловая лососевая рыба. 14. Украинский педагог, Герой Социалистического Труда. 19. Плавный переход от одного звука к другому в игре на музыкальных инструментах. 20. Город в Краснодарском крае. 21. Парусный шлюп, участвовавший в первой русской кругосветной экспедиции. 22. Картина А. А. Пластова. 23. Охотничья легавая собака. 25. Стихотворение В. В. Маяковского. 28. Учащаяся, имеющая высшую оценку знаний. 29. Певца Новосибирского театра оперы и балета, народная артистка СССР. 30. Городской подземный транспорт. 34. Черный дятел. 35. Героиня повестей-сказок Л. Кэрролла. 36. Автономная республика в РСФСР. 37. Город в Норвегии. 38. Цилиндрическая горная выработка для добычи нефти, газа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Приспособление для сбора соломы в зерноуборочном комбайне. 2. Серия советских искусственных спутников Земли. 3. Ширина, объем деятельности. 4. Машина для обработки металла, дерева. 5. Декоративное растение, цветок. 6. Химический элемент, металл. 9. Духовой оркестровый инструмент. 10. Одно из направлений кибернетики. 15. Математическая запись задачи для решения значений двух функций. 16. Экзамен. 17. Контр-адмирал, руководитель обороны Малахова кургана во время Севастопольской обороны. 18. Оценка знаний и поведения учащихся. 24. Регулярное денежное пособие учащимся. 25. Луговое травянистое растение, медонос. 26. Цветное непрозрачное стекло для изготовления мозаик. 27. Промежуток между занавесом и рампой в театре. 30. Руководитель специальной отрасли производства, цеха. 31. Река в Туркмении и Афганистане. 32. Древнеримская одежда. 33. Мелкозернистая горная порода, употребляемая для шлифовки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Камбала. 8. Лауреат. 9. Литий. 10. Токай. 11. Направник. 14. Протон. 15. Канада. 16. Лоток. 18. Кодори. 19. Лиотар. 20. Флорбер. 21. Брикет. 23. Афиша. 24. Стопор. 26. Рококо. 27. Вахтангов. 28. Шельф. 30. Титов. 31. Эскадра. 32. Джалиль.

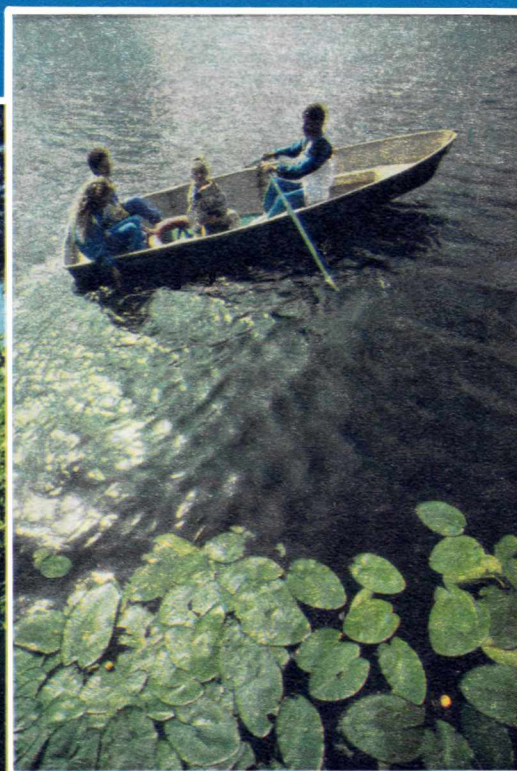
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Забой. 2. Сирет. 3. Шахтерск. 4. Платан. 5. Ластик. 6. Каскадер. 11. Новозыбов. 12. Антарктида. 13. Кадочников. 16. Литера. 17. Клуба. 20. «Фаталист». 22. Текстиль. 25. Репорт. 26. Рогожа. 29. Фланг. 30. Тулья.

ОГОНЁК

40 коп.
Индекс 70663

ПРИЗ У «ЛИЕЛУПЕ»

Сотни профсоюзных здравниц семейного отдыха оспаривают главную премию, которую четыре года назад учредила редакция журнала «Огонек». И снова, как и в первый раз, хрустальный приз (а к нему прилагаются два комплекта литературных приложений к «Огоньку», денежная премия 600 рублей и Почетная грамота Центрального совета по управлению курортами профсоюзов и Центрального комитета профсоюза медицинских работников) в руках Павла Андреевича Кутузова, неизменного директора прибалтийского пансионата «Лиелупе».

Здравница признана лучшей. А как отдыхают здесь люди, видно на фотографиях, сделанных в современном комфортабельном комплексе, расположенном в сосновом лесу на берегу Рижского залива и реки одноименного с пансионатом названия. Дети здесь — самый многочисленный и особо любимый «класс» общества и действительно привилегированный... Редколлегия журнала «Огонек» приняла решение оставить здесь свой приз на вечное хранение.

Вторую премию «Огонька» — выпел, комплект литературных приложений и Почетную грамоту — жюри присудило пансионату «Шепси» Краснодарского территориального Совета по управлению курортами профсоюзов. Добрая половина его корпусов предоставлена в долгосрочное пользование юных жителей районов Армении, пострадавших от землетрясения.

Как всегда, определены персональные премии. Обладателями литературных приложений к «Огоньку» за 1988 год стали:

М. ЗАЙКО, инструктор лечебной физкультуры пансионата «Святая» Белорусского республиканского Совета по управлению курортами профсоюзов;

Е. КАЛЯГИН, методист-воспитатель дома отдыха «Тургояк» Челябинского областного Совета по управлению курортами профсоюзов;

Л. СЕНОПАЛЬНИКОВА, культорганизатор дома отдыха «Окский плес» Тульского областного Совета по управлению курортами профсоюзов.

Г. КУЛИКОВСКАЯ
Фото Г. КОПОСОВА